Годъ 13-й. Кн. XLVIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1901, № 1.

подъ редакціей
Предсѣдателя Отдѣла В. Ө. Миллера
и
Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1901.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сословно-поземельный вопросъ до водворенія русскихъ въ Дагестанѣ.

Глава I.

Географическое положеніе Дагестана. Отсутствіе данныхъ о древней исторіи страны. Догадки о происхожденіи настоящихъ обитателей Дагестана. Краткія свѣдѣнія о племенномъ составѣ его населенія.

Обширная горная страна, лежащая въ видѣ треугольника между Кавказскимъ хребтомъ и берегомъ Каспійскаго моря, съ давнихъ поръ извѣстна подъ именемъ Дагестана (отъ тюркскаго слова даг—гора и перс. стан—страна). Точнѣе его естественныя границы опредѣляются: съ юга и запада главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, съ сѣвера водораздѣломъ между рѣчными системами Терека и Сулака, извѣстнымъ прежде подъ именемъ Андійскаго хребта, а съ востока Каспійскимъ моремъ [1])

По характеру мѣстности Дагестанъ представляетъ двѣ рѣзкія противоположности и можетъ потому быть раздѣленъ на двѣ неравныя части:—прибрежную полосу, прилегающую къ Каспійскому

---

[1]) Акты Кавказской археографической комиссіи т. VI № 466, предписаніе барона Розена ген.-м. Ланскому отъ 27 іюля 1834 г.; Берже. Прикаспійскій край. Кавказскій календарь за 1857 г. 275—276 стр. Козубскій Е. Памятная книжка Дагестанской области. Т-х-шура. 1895 г. стр. 1—3; Вейденбаумъ, Путеводитель по Кавказу. Тифлисъ. 1888 г. стр. 15.—16; Броневскій. Новѣйшія географ: и истор. извѣстія о Кавказѣ. Москва. 1823 г. ч. II, 292 стр. Орестъ. Евецкій. Статист. описаніе Закавказскаго края. 1835 г. § 206 стр. 223.

морю, и внутренній, нагорный Дагестанъ, заключающій въ себѣ горную котловину притоковъ Сулака [1]).

Прибрежная часть Дагестана представляетъ собою слегка покатую къ морю равнину, которая узкой полосой тянется вдоль берега Каспійскаго моря и только въ двухъ мѣстахъ отъ—Т-Х-Шуры до Тарковъ и около Дербента—пересѣкается невысокими горными хребтами [2]). Исключая песчанаго побережія Каспійскаго моря, вся эта часть Дагестана представляется чудной равниной, покрытой дивной растительностью... Богатыя пастбища, покрытыя тучной травою, часто смѣняются лѣсомъ, въ которомъ можно встрѣтить, кромѣ обыкновенныхъ лиственныхъ породъ, еще орѣхъ, акацію, кавказскую пальму и друг. На каждомъ шагу здѣсь встрѣчаются поля и сады жителей, въ которыхъ, благодаря теплому лѣту, мы находимъ почти тропическую растительность; здѣсь на орошаемыхъ искусственно поляхъ вполнѣ созрѣваетъ виноградъ самыхъ нѣжныхъ сортовъ, растутъ миндаль, персики, инжиръ, гранаты и проч., и съ успѣхомъ воздѣлываются рисъ, хлопокъ, кукуруза, пшеница и всѣ вообще хлѣбные злаки [3]). Все это вмѣстѣ съ красивымъ мѣстоположеніемъ дѣлаетъ прибрежную полосу Дагестана благословеннымъ краемъ, за обладаніе которымъ въ теченіе многихъ вѣковъ кипѣла борьба. Природа Прикаспійскаго края такъ хороша, что заставила одного изъ писателей, описывавшихъ ее, поставить эпиграфомъ своему сочиненію слова: Дайте Кавказу миръ и не ищите земного рая на Евфратѣ: it is this, it is this!—онъ здѣсь,—онъ здѣсь!" [4]).

Но слѣдуетъ только миновать эту равнину и углубиться немного въ горы, назадъ, какъ природа мгновенно мѣняется...

Нагорный Дагестанъ—это страна высокихъ скалистыхъ горъ, частыхъ, пересѣкающихъ другъ друга мелкихъ хребтовъ, тѣсныхъ, каменистыхъ ущелій, голыхъ утесовъ и глубокихъ котловинъ... Природа здѣсь дика и бѣдна, а климатъ сухъ и суровъ: жаркое

---

[1]) Обзоръ о состояніи Дагест. обл. за 1895 г. стр. 1; Козубскій. Пам. Кн. 104; Комаровъ А. В. Народонаселеніе Дагест. обл. Записки Кавк. отд. Импер. русск. геогр. общ. 1873 г. кн. 8 стр. 2 и далѣе.

[2]) Обзоръ о сост. за 1895 г. стр. 1—2, Козубскій ib. 104, Комаровъ. Народонасел. стр. 2—5.

[3]) Берже. Прикасп. край ib. 275.

[4]) Обзоръ о сост. Даг. обл. 1895 стр. 2, Козубскій ib. 104.

лѣто смѣняется холодной зимою со страшными вьюгами и метелями... Дожди лѣтомъ рѣдки, а влага Каспійскаго моря сюда не доходитъ... Вотъ почему такъ бѣдна, невзрачна и своеобразна растительность этой дикой страны... Крутыя дагестанскія горы лишь на короткое время покрываются скудной зеленью, но затѣмъ, выгорая отъ полуденнаго солнца, стоятъ большую часть года совершенно голыми... Только въ щеляхъ торчатъ неприхотливые сухіе кустарники, да на значительныхъ высотахъ растутъ угрюмыя, уединенныя сосны [1]).

Рѣки здѣсь, получая начало въ горахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, и усиливаясь многочисленными боковыми притоками, стремительны и быстры въ высшей степени; онѣ несутся съ шумомъ и пѣной въ глубокихъ ущельяхъ, тащатъ камни и гальку и образуютъ частые водопады и пороги... Иногда утесы до того спираютъ оба берега, что, сближаясь надъ ними, образуютъ какъ бы арку, но бушующая рѣка смѣло прокладываетъ себѣ путь сквозь дикій хребетъ и, достигнувъ равнины, широко разливается на большое пространство.

Удобныхъ для хлѣбопашества земель здѣсь почти нѣтъ... Поэтому каждый, сколько нибудь удобный, клочекъ земли утилизируется жителями, которые для увеличиванія площади послѣдней прибѣгаютъ даже къ искусственному созиданію полей; огораживая каменными стѣнами четыре-угольное пространство, они носятъ туда на вьюкахъ или на собственныхъ спинахъ плодородную землю и сѣютъ хлѣбъ; но нерѣдко этотъ съ трудомъ созданный участокъ уничтожается каменнымъ обваломъ или сносится горнымъ потокомъ [2]).

Удобныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ вовсе: трудности, противопоставляемыя дикой природой, и препятствія, встрѣчающіяся здѣсь почти на каждомъ шагу, дозволили проложеніе однихъ лишь тропинокъ, годныхъ для слѣдованія только пѣшеходовъ и вьюковъ. Дороги здѣсь большею частью пролегаютъ по ущельямъ, нерѣдко до того узкимъ, тѣснымъ и обрывистымъ, что каждую минуту

---

[1]) Козубскій ib. 105. Берже ib. 275—276, Обзоръ за 1895 г. 1—2. Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона т. 19. стр. 27 и слѣд. статья Кузнецова, Дагестанъ.

[2]) Берже ib. 276—7. Дубровинъ Н. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Спб. т. I кн. I. 1871 г. стр. 497—515.

рискуешь свалиться въ бездну. Мѣстами можно слѣдовать только тропинкою, которая вьется или по закраинѣ горы, или же пролегаетъ около самыхъ обрывовъ, и не рѣдко по подмосткамъ, устроеннымъ съ чрезвычайными усиліями на высокихъ отвѣсныхъ скалахъ... Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются земляные обвалы, которые во время дождей превращаются въ грозныя сели, а въ зимнее время, когда выпадаютъ глубокіе снѣга и бываютъ частыя метели, дѣлаются вовсе непроходимыми [1].

Древняя исторія этой страны намъ совершенно неизвѣстна. Арабы, распространившіе здѣсь въ VIII в. исламъ, постарались изгладить изъ памяти народной воспоминанія о прежнихъ временахъ. Письменныхъ источниковъ, кромѣ скудныхъ указаній армянскихъ лѣтописцевъ, не имѣется никакихъ. Археологическія изысканія начаты недавно и не даютъ еще достаточнаго матеріала заключать, кто были древніе обитатели Дагестана и кто былъ прародителемъ настоящихъ его народовъ [2]). Повидимому, послѣдніе не принадлежатъ къ числу его коренныхъ аборигеновъ, потому что всѣ черепа, найденные до сихъ поръ въ древнѣйшихъ могильникахъ, рѣзкимъ образомъ отличаются формою отъ череповъ современныхъ обитателей горъ. Первые принадлежатъ къ такъ называемымъ длиннымъ черепамъ, проявляя въ большей или меньшей степени типическіе признаки этой формы. Напротивъ, всѣ нынѣшніе туземные народы Кавказа и прилежащихъ къ нему странъ относятся по формѣ черепа, насколько теперь можно судить по немногочисленнымъ измѣреніямъ, къ типу короткоголовыхъ (брахикефаловъ) [3]).

Если дальнѣйшія болѣе многочисленныя изслѣдованія и измѣренія подтвердятъ окончательно это различіе въ формѣ череповъ, то

---

1) Берже ib. 276—7, Ковубскій ib. 407—415., Дубровинъ ib.

2) А В. Комаровъ. Древнія могилы Дагестана. Извѣстія Кавказскаго географ. Общ. 1872, I, № 4. 113—115 стр. Пещеры и древнія могилы въ Дагестанѣ. Труды предварительнаго Комитета V археологич. съѣзда. Штейнъ. О пещерахъ и могилахъ въ Дагестанѣ. Труды предвар. комитета 473—483, Анучинъ Д. Н. Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ. Извѣстія русск. геогр. Общ. XX. Спб. Morgan, Mission scientifique au Caucase. Etudes archéologiques et historiques Par. 1889. I, 176.

3) Пантюховъ И. И., Антропологическія наблюденія на Кавказѣ. Тифл. 1893. Вейденбаумъ, Путеводитель по Кавказу, стр. 57.

необходимо заключить, что древніе могильники существовали до появленія на Кавказѣ племенъ, нынѣ его населяющихъ.

Но въ какую эпоху произошло это переселеніе мы не можемъ судить, такъ какъ самая древняя исторія застаетъ народности Кавказа уже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ живутъ и въ настоящее время [1]).

Болѣе вѣрныя предположенія мы можемъ высказать относительно первоначальной родины дагестанскихъ племенъ. Для рѣшенія этого загадочнаго вопроса намъ даютъ ключъ—языки кавказскихъ племенъ, которые хранятъ въ себѣ богатый запасъ указаній на культурное состояніе жителей Дагестана въ доисторическія времена. Жаль только, что богатый матеріалъ, представляемый кавказской лингвистикой для подобнаго рода изслѣдованій, ждетъ еще разработки, хотя даже нѣкоторыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи барономъ Усларомъ, дали весьма многое для этнографіи дагестанскихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя слова и выраженія аварскаго языка въ связи съ отрывочными преданіями даютъ основаніе барону Услару предполагать, что нѣкогда аварцы, заселяющіе нынѣ большую часть Дагестана, вели кочевой образъ жизни на прикавказскихъ равнинахъ. Какія-то событія, вѣроятно, нашествіе болѣе сильныхъ племенъ, заставили податься ихъ къ югу, въ тѣсныя ущелья Нагорнаго Дагестана. Здѣсь они пріобрѣли первенствующее значеніе и, подвигаясь впередъ, разселились широкой полосой отъ Чиръ-Юрта до главнаго хребта [2]). Затѣмъ названія нѣкоторыхъ дагестанскихъ урочищъ

---

[1]) Страбонъ (географія въ 17 книгахъ пер. Ѳ. Мищенки М. 79 г. кн. XI) и Плутархъ упоминаетъ о Λήχαι и Γήλαι, какъ племенахъ, живущихъ между Альбаніей и амазонками. Моисей Хоренскій, исторія Арменіи. М. 1858 г. 121—122, 154. Лѣтопись Массуди (D'Ohsson. Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne dans le dixième siècle au voyage d'Abou-el-Cassim. 1828. Paris стр. 5). Усларъ. Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ. Записки Кавк. отд. геогр. общ. 1881 г. XII стр. 456. А. Берже. Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ. Кавказскій календарь. 1857 г. стр. 304.

[2]) Баронъ Усларъ. Этнографія Кавказа. Языкознаніе. Изд. Упр. Кавк. уч. Окр. Тифл. 1890 ч. IV. Лакскіе языки. Письма Шифнеру 16—17 стр. Н. В. Аварскія народныя сказанія. Нѣсколько словъ объ аварцахъ. Сборники свѣдѣній о кавк. горцахъ. Вып. II стр. 5—7, Айдемиръ Чиркеевскій. О происхожденіи аварцевъ. Газ. Кавказъ. 1865 г. №№ 64—65.

показываютъ, что даргинскія племена занимали прежде сѣверную часть прикаспійскаго края [1]), населеную нынѣ кумыками, которые, вытѣснивъ отсюда древнихъ хазаръ, явились сюда съ сѣвера, какъ полагаютъ, не ранѣе конца XII вѣка [2]). Вообще восточно-горскіе языки, по замѣчанію Л. П. Загурскаго, имѣющіе общія названія для нѣкоторыхъ растеній и животныхъ умѣренной полосы, не имѣютъ таковыхъ для растеній и животныхъ теплаго климата и по большей части обозначаютъ ихъ или словами заимствованными или же метафорическими и описательными выраженіями. Если связать всѣ эти выводы съ обстоятельствомъ, что горскіе языки Кавказа не имѣютъ родичей внѣ страны и образуютъ самостоятельныя лингвистическія группы, то становится вѣроятнымъ предположеніе, что кавказскіе горцы суть только ничтожные остатки первобытныхъ племенъ, которыя занимали прежде обширныя степныя пространства къ сѣверу отъ Кавказа и были оттѣснены въ горныя ущелія напоромъ какихъ-то другихъ болѣе сильныхъ племенъ [3]).

Тѣснимыя съ сѣвера племенами болѣе могущественными и не имѣя выхода на югъ, мелкія племена забирались въ узкія ущелія Дагестана и, живя здѣсь изолированно другъ отъ друга, сохраняли свой языкъ и свои нравы. Такъ Дагестанъ сдѣлался „горою языковъ"—„джебаль альсуни", по выраженію арабскаго географа Аль-Азизи [4]).

„Почти въ каждой котловинѣ, въ каждомъ отдѣльномъ ущеліи, огражденномъ скалистыми хребтами и выходящемъ къ быстрой и глубокой рѣкѣ, говоритъ г. Комаровъ, живетъ особое племя, часто не имѣющее ни малѣйшаго сходства или родства съ сосѣд-

[1]) Вейденбаумъ ib. 117. Козубскій Евг. Очерки исторіи г. Темиръ-Ханъ-Шуры стр. 1.

[2]) Козубскій: Очерки исторіи Т-Х-Шуры стр. 1. Вейденбаумъ ib. 117. Даже относительно казикумухцевъ, древнихъ Λήχαι, во времена D-r Jacob Reineggs'a, въ Дагестанѣ существовало предавіе, что предки ихъ въ отдаленнѣйшую эпоху вышли изъ Индіи и поселились въ Ширвани, откуда распространились до Дона. Спустя 8 столѣтій земля ихъ была опустошена Хазарами, которые и вытѣснили ихъ въ горы Дагестана. (Allg. historisch-topograph. Beschreibung d. Kaukasus. 1897 г. 95—98).

[3]) Карлъ Риттеръ. Землевѣдѣніе и исторія открытій по этому предмету. СПБ. 1864 г., 81. Вейденбаумъ ib. 117.

[4]) Вейденбаумъ ib. 64.

ними племенами; тамъ же, гдѣ горы становятся доступнѣе, разнообразіе племенъ уменьшается, за то увеличивается численность каждаго и пространство, на которомъ оно живетъ" [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ прикаспійскомъ краѣ, отличающемся, какъ мы видѣли, удобными дорогами и ровною мѣстностью, при населеніи около 200 тысячъ насчитывается 6 языковъ, между тѣмъ какъ въ нагорномъ Дагестанѣ при населеніи около 430 тысячъ заключается, не говоря объ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, по меньшей мѣрѣ 22 самостоятельныхъ языка [2]).

Всѣ племена Дагестана, исключая кумыковъ (46 тыс.) ногайцевъ (1500 чел.) и адербейджанскихъ татаръ (14 тыс.), относящихся къ монгольскому типу [3]), принадлежатъ къ средиземной (по старой классификація Блюменбаха—кавказской) расѣ и по своему языку составляютъ особую самостоятельную группу кавказскаго семейства языковъ, которое, по мнѣнію извѣстнаго лингвиста Фр. Мюллера, восходитъ къ одному праязыку и не имѣетъ родства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ семействъ языковъ [4]).

Глава II.

Внутренняя организація дагестанскихъ племенъ въ древнее время. Основаніемъ быта является тохумъ. Устройство послѣдняго. Развитіе сельскаго общества. Сельская администрація. Поземельное устройство селенія. Полная равноправность и совершенное отсутствіе сословій.

Какъ жили племена, заселявшія Дагестанъ, въ доисламитскій періодъ, на этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить съ полною достовѣрностью, но все же, пользуясь отрывочными указаніями нѣкоторыхъ путешественниковъ и лѣтописцевъ, современными сказаніями и преданіями, наконецъ, переживаніями и остатками старины, сохранившимися до настоящаго времени въ наиболѣе удаленныхъ и глухихъ мѣстахъ горъ, мы можемъ до нѣкоторой сте-

1) Комаровъ. Народонаселеніе Дагест. обл. Зап. Кавк. геогр. Общ. т. VIII. 1873 г.

2) Комаровъ А. В. Народонаселеніе ib. Козубскій. Пам. Кн. стр. 157—405.

3) Козубскій ib. 57.

4) Fr. Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft. Wien. 1887, III, 2 Abth. 48—224. Козубскій ib. 50 и слѣд. Энц. сл. Брокг. и Эфр. ст. Миллера Всев. т. 26 стр. 815—817.

пени возстановить общую картину внутренняго быта горцевъ Дагестана въ древнее время.

Все говоритъ за то, что основаніемъ общественнаго быта горцевъ въ ту отдаленную эпоху былъ—тохумъ [1]), подъ именемъ котораго разумѣется агнатическій союзъ родственниковъ со стороны отца [2]). Родственники матери въ него не входятъ. Степень родства также не имѣетъ значенія: всѣ родственники по отцу суть одинаково члены тохума [3]). Во главѣ послѣдняго находился старѣйшина, званіе котораго достигалось или путемъ свободнаго выбора членовъ тохума или бывало наслѣдственно, что случалось особенно часто тогда, тогда наслѣдникъ умершаго главы выдѣлялся по своимъ личнымъ качествамъ или когда два или три поколѣнія до него пользовались наслѣдственно этимъ званіемъ [4])

Глава тохума не имѣлъ особенныхъ правъ: онъ былъ не болѣе какъ primus inter pares. Приказанія его имѣли болѣе нравственное значеніе, чѣмъ юридическое. Это было лицо, которому каждый изъ членовъ семьи обязанъ былъ сообщить о всемъ случившемся и къ которому онъ долженъ былъ обращаться за совѣтомъ, не носившимъ однако для вопрошавшаго обязательственнаго характера. Только въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ уклоненія отъ этого совѣта былъ существенный вредъ для цѣлаго тохума, старѣйшина могъ сдѣлать виновному выговоръ или наказать бранью, или даже побоями [5]). Вообще по внутреннему своему устройству тохумъ болѣе всего напоминалъ республику, главою которой являлся старѣйшина [6]).

Всѣ остальные члены тохума, какъ союза равноправнаго—республики,—участвовали въ рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ кото-

---

1) Слово „тохумъ или „тухумъ“—персидское. Имъ выражаютъ, какъ общее правило, понятіе рода во всѣхъ мѣстахъ Дагестана, занятыхъ лезгинскою народностью.

2) Макс. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890 г. I, 218—234 т. II 127—304. М. Ковалевскій. Родовое Устройство Дагестана. Юрид. Вѣст. за 1888 г. т. XXIX стр. 513—551, Комаровъ А. В. Адаты и судопроизводство по нимъ. Сборн. свѣд. о Кавк. горц. т. I стр. 79, Вейденбаумъ 118.

3) Макс. Ковалевскій. Законы и обычай на Кавказѣ ib. II, 147.

4) Макс. Ковалевскій ib. II, 152.

5) Макс. Ковалевскій, ib. II, 152—153, Макс. Ковалевскій. Родовое устройство Дагестана. Юрид. Вѣстн. Декабрь 1888 г. стр. 537.

6) Ковалевскій Макс. Законы и обычай на Кавказѣ т. II. 153.

рыхъ родъ былъ такъ или иначе заинтересованъ въ качествѣ союза личнаго или имущественнаго [1]).

Въ качествѣ союза личнаго тохумъ заинтересованъ былъ прежде всего: 1) въ охранѣ и защитѣ, въ формѣ кровной мести, своихъ наличныхъ членовъ, [2]) 2) въ усиленіи себя новыми членами путемъ включенія въ свою среду лицъ, ищущихъ съ нимъ общенія, и 3) въ изгнаніи въ цѣляхъ самосохраненія тѣхъ изъ своихъ членовъ, дальнѣйшее общеніе съ которыми могло бы сдѣлаться для рода источникомъ всякихъ бѣдствій [3]).

Въ сферѣ экономическихъ отношеній дагестанскій тохумъ, имѣя съ самаго начала характеръ имущественнаго союза, былъ заинтересованъ, во-первыхъ, въ распредѣленіи земли между своими членами и, во-вторыхъ, въ регулированіи сельско-хозяйственныхъ занятій, которыя въ то время,—особенно уборка хлѣба и сборъ винограда—производились сообща [5]).

Общія рѣшенія по всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ постановлялись тохумами на общихъ сходахъ, собираемыхъ обыкновенно на опредѣленномъ мѣстѣ ихъ старѣйшинами, которые на нихъ занимали первое мѣсто, хотя бы въ числѣ присутствующихъ были и лица, старшія по возрасту [6]).

Особенно видную роль играли дагестанскіе тохумы въ военное время. Родовая солидарность сказывалась здѣсь въ томъ фактѣ, что подобно древнимъ германцамъ они сражались „generatim", т. е. образуя родовые отряды. Начальство надъ такимъ отрядомъ принадлежало или главѣ тохума или же лицу, уполномоченному главою. Если же шли два или три тохума, то они имѣли столько же и начальниковъ; при большемъ числѣ тохумовъ, шедшихъ на войну, старѣйшины обыкновенно обращались къ выбору одного общаго предводителя, которому безпрекословно подчинялось все ополченіе [7]).

Обладая описанной внутренней организаціей, дагестанскія пле-

---

1) Ковалевскій Макс. ib. II. 154.
2) Ковалевскій Макс. ib. II. 157—8.
3) Ковалевскій Макс. ib. II. 154—155.
4) Ковалевскій Макс. ib. II. 156.
5) Ковалевскій Макс. ib. II. 158.
6) Ковалевскій Макс. ib. II. 158—159.
7) Ковалевскій Макс. ib. II. 159.

мена расположились по всей площади Дагестана, выбирая для поселенія мѣста наиболѣе защищенныя отъ нападенія и располагая свои селенія такъ, чтобы тохумы, принадлежавшіе къ одному племени, могли быстро собраться въ одно мѣсто для защиты отъ общаго врага [1]). Частыя нападенія племенъ, наводнявшихъ въ то время Дагестанъ, и общая опасность на войнѣ сближали отдѣльные тохумы одного племени между собою, и вотъ такъ мало-по-малу образовались крупныя единицы—общины съ слободскимъ или хуторскимъ порядкомъ поселенія. Послѣднее необходимо должно было вызвать къ жизни образованіе, наряду съ родовой, особой сельской администраціи, сложившейся по типу первой... Подобно тому, какъ тохумъ имѣлъ своего старѣйшину и свои родовыя собранія, такъ точно и община стала имѣть своего старшину и свой общинный сходъ, къ участію въ которомъ стали призываться всѣ совершеннолѣтніе мужескаго пола [2]).

Старшины въ такихъ селеніяхъ, также какъ и въ тохумахъ, были или наслѣдственные или избирались всѣмъ обществомъ, но при этомъ во многихъ мѣстахъ сохранялось правило, что кандидатомъ можетъ быть только членъ одного изъ наиболѣе выдающихся тохумовъ. Избранный обязанъ былъ вступить въ должность подъ страхомъ разоренія всего его имущества. Эти сельскіе старшины наряду съ административными функціями, какъ напр. созываніе схода на извѣстномъ мѣстѣ и проч., соединяли и судебныя, но ихъ юрисдикція ограничивалась разборомъ однихъ лишь мелкихъ тяжбъ, въ важныхъ же уголовныхъ и гражданскихъ случаяхъ, стороны предпочитали обращаться къ избираемымъ ими посредникамъ, которые и рѣшали дѣло по адату [3]).

Экономическая сторона жизни мало затрогивалась только что описаннымъ строемъ сельской администраціи. Роды одни являлись субъектами имущественныхъ правъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ воздѣлываемой земельной площади; что же касается до пастбищъ и лѣсовъ, то изъ родовыхъ они мало-по-малу сдѣлались об-

---

[1]) Берже. Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ. Кавказ. календарь на 1858, 305 стр.

[2]) Ковалевскій Макс. ib. II. 160.

[3]) Ковалевскій Макс. ib. II, 161. Комаровъ А. В. Адаты и судопр. по нимъ ib. 73. Адаты—слово арабское—значитъ обычай, въ каковомъ смыслѣ и употребляется.

щинными. Вмѣстѣ съ тѣмъ и родовые распорядки, опредѣлявшіе время производства сельскихъ работъ, пріобрѣтаютъ характеръ общинныхъ и стали вынуждаться сельскими властями [1]).

Но процессъ развитія государственности этимъ не ограничился... Древнѣйшему и обыкновенно могущественному селенію удавалось путемъ нерѣдко молчаливо заключенныхъ союзовъ взять на себя руководство судьбами сосѣднихъ съ нимъ обществъ, и въ этомъ случаѣ сельскій старшина этого селенія принималъ на себя предводительство въ военныхъ походахъ и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ право судебнаго разбирательства и внѣ предѣловъ общины, послѣднее, впрочемъ, каждый разъ лишь по ходатайству сторонъ. Такъ, напримѣръ, было во многихъ аварскихъ обществахъ и особенно долго сохранялось въ Акушѣ, гдѣ кадій главнаго аула даже не такъ давно (XVIII—XIX ст.) принималъ начальство и надъ ополченіемъ сосѣднихъ четырехъ обществъ, отъ имени которыхъ объявлялъ войну и заключалъ миръ, при чемъ рѣшенія на этотъ счетъ постановлялись сходами, собиравшимися на опредѣленномъ мѣстѣ отъ всѣхъ пяти даргинскихъ обществъ [2]). На ряду съ вольными союзами общинъ въ Дагестанѣ были и такія, которымъ предшествовалъ фактъ насильственнаго подчиненія болѣе могущественнымъ ауламъ болѣе слабыхъ. Въ такихъ случаяхъ между бывшими врагами устанавливались опредѣленныя обязательства покровительства и заступничества съ одной стороны, подчиненія и платежа дани съ другой. Наиболѣе характерные примѣры такихъ отношеній представляютъ тѣ, которыя существовали въ Казикумухѣ по отношенію къ обществу Варкунъ-Даргуа, нѣсколькимъ сельскимъ обществамъ Андалалъ и Рисъ-ора, сел. Арчи и проч. и между селеніемъ Ахты и цѣлымъ рядомъ сосѣднихъ съ нимъ обществъ нынѣшняго Самурскаго округа [3]).

Описанное политическое устройство было крайне неблагопріятно для развитія сословности. Въ тохумѣ всѣ были равны, всѣ бы-

---

[1]) Ковалевскій. Макс. ib. II, 162.

[2]) Влад. Вилльеръ-де-Лиль-Адамъ. Двѣ недѣли въ Даргинскомъ округѣ. Сборн. свѣдѣній о кавказ. горц. в. VIII, стр. 16.

[3]) Комаровъ А. В. Казикумухскіе и Кюргинскіе ханы. Сб. свѣд. о кавк. горц. вып. 1 стр. 4., Ковалевскій ib. II, 162-163, Ковалевскій Макс. Родов. устр. 545.

ли уздени... Поэтому о сословіяхъ въ этотъ періодъ не можетъ быть и рѣчи.

Сказанное, впрочемъ, надо принимать съ оговоркой (mutatis mutandis), такъ какъ военноплѣнные и въ этотъ періодъ обращались въ рабовъ, контингентъ которыхъ время отъ времени пополнялся попавшими въ кабалу несостоятельными должниками [1]).

Въ XIII в., съ распространеніемъ ислама, многое изъ вышесказаннаго должно было измѣниться, если не для всего Дагестана, то, по крайней мѣрѣ, для Прикаспійской его части.

Глава III.

Завоеваніе Дагестана арабами и распространеніе ислама. Основаніе арабами особаго государства подъ властью Шамхала. Устройство его: области, налоги, поземельныя права Шамхала. Темный періодъ въ исторіи шамхальства. Постепенное паденіе его и образованіе новыхъ ханствъ.

Дагестанская лѣтопись Мухаммеда-Рафи [2]), совпадающая въ общихъ чертахъ съ изустнымъ преданіемъ и отрывочными свѣдѣніями Дербентъ-намэ [3]) и исторіи Масуди [4]), передаетъ, что во II вѣкѣ геджры (VIII в. по Р. Х.) аравійское войско, покинувъ свою страну, явилось подъ начальствомъ трехъ потомковъ Хамзе [5]) и двухъ потомковъ Аббаса [6]) въ Ширванъ и здѣсь стало готовиться къ походу на Дагестанъ, бывшій въ то время „жилищемъ вражды" (даруль-харбъ) [7]).

---

[1]) Ковалевскій Макс. ib. I, 226. Комаровъ Адаты etc ib 75. Рабы извѣстны были подъ именемъ куловъ и каравашей. По адату не имѣли никакихъ правъ, и хозяева потому смотрѣли на нихъ какъ на скотину.

[2]) Дагестанскія лѣтописи. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ Рафи около XIV в. Сборн. Свѣд. о Кавк. горцахъ вып. V.

[3]) Kazem-Bec (Mirsa A) Derbend-Nâmeh. Mémoires presentés à l' Academie Imperiale de sciences de S-Petersbourg par divers savants. Spt. 1851 г. T. VI p. 458—608.

[4]) Maçoudi. Les pvairies d'or. Texte arabe et traduction par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris. 1861—1865.

[5]) Хамзе и Аббасъ — родственники Магомета. Имена потомковъ Хамзе: Шейхъ Ибрагимъ, сынъ Исхака, Шейхъ-Ахмедъ и Шейхъ Милли.

[6]) Имена ихъ: Шейхъ Мухаммедъ и Шейхъ-Насруд-динъ.

[7]) Лѣтопись Мухаммеда Рафи ib. 14-15. Жилищемъ вражды онъ былъ потому, что былъ населенъ жидами, каковымъ именемъ назывались у арабовъ поклонники Зендъ-Авесты. Уваровъ гр. О Дербендскихъ курганахъ. Труды пред. ком. V арх. съѣзда.

„Между ними, говоритъ Мухаммедъ-Рафи [1]), существовалъ народный обычай и общее правило—для управленія выбирать старшаго изъ среды себя, которому довѣряли они власть надъ всѣми, безъ всякаго сопротивленія со стороны кого бы то ни было, большого или малаго, и таковое лицо управляло всѣмъ, слѣдуя въ своемъ гражданскомъ и религіозномъ управленіи священному шаріату и, сколько способности позволяли, подражая св. Пророку [2]). Такъ былъ избранъ предводителемъ надъ всѣми нѣкто по имени Шамхалъ, который сдѣлался ихъ эмиромъ.

Подъ его начальствомъ аравитяне заняли частью оружіемъ, частью хитростью побережіе Каспійскаго моря съ гор. Дербентомъ во главѣ и проникли внутрь Дагестана, завоевавъ земли Хайдаковъ (Кайтагъ), Кумуковъ, Хумзаковъ (Аварцевъ), Табасаранцевъ и проч [3]).

Обративъ жителей въ исламъ и поселившись въ Кумухѣ, Шамхалъ занялся благоустройствомъ завоеванной страны.

„У нихъ былъ старый обычай, читаемъ мы въ той же лѣтописи [4]), назначать въ каждое завоеванное селеніе или городъ старшину или правителя изъ числа собственныхъ своихъ вождей".

Слѣдуя этому обычаю, Шамхалъ распредѣлилъ провинціи между своими родственниками, поставивъ ихъ по отношенію къ себѣ въ подчиненное положеніе. Такъ, правителемъ и судьею Хайдака былъ назначенъ одинъ изъ его родственниковъ—Эмиръ-Хамзе, Табасарани — добродѣтельный и набожный человѣкъ по имени Махмедъ-Масумъ, Кюры—Халифа, Аваріи—одинъ изъ потомковъ Шейхъ-Ахмета Шейхъ Абумуслимъ „самый совершенный изъ ихъ ученыхъ мужей" [5]).

На обязанности этихъ правителей было: надзоръ за строгимъ

---

[1]) Извлеченіе ib. 16—17.

[2]) Происхожденіе слова Шамхалъ до сихъ поръ вполнѣ не разъяснено: Мухаммедъ-Рафи производитъ его отъ имени перваго правителя, называвшагося въ честь дѣда, родившагося въ селеніи Халъ въ странѣ Шамъ (Сиріи), другіе считаютъ его за исковерканное слово Шахъ-Баалъ — имя перваго правителя (Комаровъ. Адаты 77, Казакум. ханы etc: 2—3), третьи видятъ соединеніе двухъ словъ Шам—Сирія и Хал—властитель (Попко. Терск. каз. стр. 21).

[3]) Мухаммедъ-Рафи ib. 21.

[4]) Мухаммедъ-Рафи ib. 21.

[5]) Мухаммедъ-Рафи ib.

соблюденіемъ правилъ религіи, судъ по шаріату и распространеніе ислама.

Распредѣливъ Дагестанъ между своими родственниками, Шамхалъ обложилъ жителей его разными сборами, о количествѣ и величинѣ которыхъ подробно говоритъ лѣтопись Мухаммеда-Рафи [1]). Изъ послѣдней мы узнаемъ, что Шамхалъ, слѣдуя постановленію корана, ввелъ прежде всего особую подать—закятъ (дагьекъ), которая собиралась только съ мусульманскаго населенія (размѣры ея $^1/_{10}$ часть урожая хлѣба, $2^1/_2\%$ съ барановъ и наличнаго капитала) и предназначалась на содержаніе духовныхъ лицъ, сиротъ, калѣкъ и на борьбу съ невѣрными [2]). Подобною же податью были обложены и исповѣдывающіе другія религіи, какъ напр. христіане, евреи и др. Рядомъ съ этими сборами былъ установленъ сборъ за пастьбу скота на извѣстныхъ горахъ и еще особая подать съ путешествующихъ, которая подъ именемъ тамги или рахдарлыка собиралась во многихъ мѣстахъ владѣній Шамхала, напр. въ Дербентѣ [3]). Кромѣ всего этого, жители покоренныхъ обществъ должны были платить Шамхалу еще особую дань, вносимую преимущественно натуральными произведеніями. „На народѣ Карахъ (Гунибск. окр.) наложенъ былъ ежегодный платежъ 500 овецъ, а Кусрахи (Кейсерухъ, Тлейсерухъ и Тленсерухъ Гуниб. окр.) 300 овецъ, на Кырымъ (Крымъ-Шамхала) [4]), также за (пастбищную) гору въ Кусрахи 1000 овецъ и за другую въ Кырымъ 30 коровъ. На обществѣ Хабилалъ (Тлебель, Хлебелелъ—Гуниб. окр.) каждые четыре года положено было по овцѣ съ дыма; на Чамалалъ (Андійск. окр.) 500 овецъ, на Тиндалъ (Андійск. окр.) 20 быковъ, на Арчубъ (сел. общ. Калалалъ Анд. окр.) 130 овецъ, на народѣ Хумза (Хунзъ Аварск. окр.) 700 барановъ, 700 килей [5]) пшеницы и 60

---

[1]) Лѣтопись ib., стр. 21—25.

[2]) Мухаммедъ-Рафи ib. 21. Гаджи-Али. Сказаніе очевидца о Шамилѣ. Сб. свѣд. о Кавк. г. VII, 5.

[3]) Мухаммедъ-Рафи ib. 22. Шамхалы Тарковскіе. Историч. записка, составленная временною комиссіею для опред. личныхъ и позем. правъ туземцевъ Т-Х-Шур. окр. Сб. св. п. 1,79.

[4]) Крымъ - Шамхалами назывались правители Буйнака. Титулъ этотъ образовался послѣ того, какъ Шамхалы основались окончательно въ Таркахъ и принадлежали обыкновенно старшему въ родѣ, какъ наслѣднику. Шамхалы Тарков. ib. стр. 55.

[5]) Киле—мѣра неопредѣленная, но въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана упо-

мѣръ меду; на обитателяхъ деревни Андибъ (Андійс. окр.) 8 штукъ шерстяной ткани; на городахъ Кадаръ (Т-Х-Шур. окр.) и Архазъ половину того, что назначено было для Хумза; на жителей Тумалъ (Лаки Казик. окр. по авар.) по барану и по мѣрѣ пшеницы съ каждаго дыма [1]), весь Мычигышъ (Чечня) былъ его собственностью. На городѣ Костекъ (Хасавъ-юрт. окр. Терс. обл.) съ каждаго дыма по рыбѣ; на жителей Таргу (Тарки) съ каждаго дыма по 2 саха [2]) рису; на жителей Кубденъ (Т-Х-Шур. окр.) 100 барановъ; на жителей Кайтага 170 буйволовъ, на жителей деревень Усиша и Акуша (Даргин. вольн. союза) 100 быковъ, на жителей Сурахи (Сирга) съ каждаго дыма по 1 диргему [3]), на жителей деревни Цидарахъ (Дарг. окр.) 50 быковъ; на сел. Чумчукатъ (Хунчукатъ, Казик. окр.) и Кекеби (Кубамо Казик. окр.) 5 ословъ, навьюченныхъ масломъ. На городѣ Зарачъ-Керанъ (Кубачи) 30 (мѣръ) пороху и 50 барановъ съ горы... (?), на жителей сел. Иргана (Авар. окр.) съ каждаго дыма по 1 мѣрѣ... и съ горы, принадлежащей ему, называемой Цантабъ—есть доходъ 80 овецъ въ годъ. На жителей сел. Баклалъ (Гумбетъ Андійс. окр.) 30 быковъ и 30 ягнятъ; Цагуръ (Самур. окр.) и Голода (Закат. окр.) были его собственностью, а съ горы, принадлежащей ему, онъ получалъ ежегодно по 30 овецъ. На обществахъ Рипворъ (Дусраратъ Казик. окр.) и Мукрахъ (Мукаръ Казик. окр.) 70 барановъ, а на обществѣ Куралалъ (Кюра Кюр. окр.) 100 жеребцовъ и 100 кобылъ" [4]).

Доходы эти, по словамъ того же Мухаммеда-Рафи, распредѣлялись такимъ образомъ, что одна пятая ихъ поступала въ собственность Шамхала, а остальныя $^4/_5$ распредѣлялись поровну между его родственниками, которые, кромѣ того, были освобождены

требляется въ опредѣленномъ значеніи. Киле означаетъ сосудъ, употребляемый для измѣренія сыпучихъ тѣлъ и заключаетъ въ себѣ отъ 8—12 фунтовъ, согласно свойствамъ измѣряемаго вещества. Kazem-Bec. ib.

[1]) Дымъ — первая извѣстная по времени окладная единица у всѣхъ народовъ, не исключая древнихъ славянъ. За единицу обложенія принятъ и въ Дагестанѣ, гдѣ съ крестьянъ существуетъ особая подымная подать, взимаемая въ различныхъ округахъ Дагестана въ различныхъ размѣрахъ. Проф. Нечаевъ ст. энц. сл. Брокг. и Эфрона т. XXI стр. 302—303.

[2]) Сахъ по Kazem-Bec'у единица вѣса, равная 1040 драхмамъ.

[3]) Серебряная монета, бывшая въ употребленіи въ Дагестанѣ.

[4]) Лѣтопись Мухаммедъ-Рафи ib. 22—25.

Шамхаломъ отъ взноса податей и налоговъ навсегда, пока время идетъ и видимый міръ существуетъ [1]).

Сообщивъ эти свѣдѣнія объ устройствѣ Дагестана, введенномъ арабами, древніе историки и лѣтописцы на этомъ обрываютъ свой разсказъ.

Наступаетъ темный періодъ Дагестанской исторіи, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній... Прибрежная полоса становится ареною отчаянной борьбы между персами и турками... Дербентъ переходитъ изъ рукъ въ руки... Надвигаются орды монголовъ... Происходитъ борьба между Тохтамышемъ и Тамерланомъ, воспоминаніе о которой до сихъ поръ живетъ въ отзывчивой памяти горцевъ [2]).

Но и внутри Дагестана, видимо, въ это время происходила упорная борьба между началами шаріата (писанный законъ), принесеннаго арабами, и адатами, отголоскомъ прежняго времени. Дагестанъ, принявъ вѣру, туго усвоивалъ начала новаго государственнаго устройства, введеннаго арабами: Дагестанскіе горцы привыкшіе къ свободѣ, повиновались плохо и ни въ чемъ не уступали. Поэтому власть правителей Казикумуха, принявшихъ титулъ шамхала, не могла похвастаться силою. Противъ нихъ составляются союзы, а въ XIV в., видимо, власть ихъ подвергается серіозной опасности отъ соединенныхъ силъ хайдаковъ, аварцевъ и турокъ [3]). Въ это же время, вѣроятно, отдѣляются отъ нихъ нѣкоторыя наиболѣе удаленныя земли, какъ, напримѣръ, Кайтакъ и Аварія, составившія отдѣльныя самостоятельныя владѣнія со своими собственными правителями. Наконецъ въ самомъ Казикумухѣ появляется сильная партія, которая желаетъ ниспроверженія власти шамхаловъ. Вслѣдствіе этого послѣдніе переносятъ свою резиденцію сначала въ Буйнакъ, а затѣмъ въ Тарки, откуда они пріѣзжаютъ въ Казикумухъ только лѣтомъ... Но съ 1640 г. и эти кратковременные пріѣзды прекращаются и шамхалы уже навсегда остаются въ Таркахъ. [4]).

Съ перенесеніемъ престола изъ горъ къ прибрежію Каспійскаго моря, власть шамхаловъ, и прежде не шедшая далѣе сбора дани,

[1]) Мухаммедъ Рафи. ib. 22.—23.

[2]) Козубскій. Очерки исторіи г. Т-Х-Шуры ib. стр. 2-3.

[3]) Мухаммедъ Рафи. ib. 24 etc.

[4]) Кюринскіе ханы. Сб. св. о Кав. горц. Вып. II стр. 4—5.

слабѣетъ все болѣе и болѣе. [1]). Начинается упорная борьба съ кабардинскими князьями, послѣдствіемъ которой явились частые походы русскихъ воеводъ [2]). Эта борьба и частыя внутреннія несогласія изъ-за неутвердившагося престолонаслѣдія наносятъ рѣшительные удары могуществу шамхаловъ. Правда, послѣдніе пріобрѣтаютъ поддержку въ персидскихъ шахахъ и даже получаютъ отъ нихъ титулъ Вали Дагестана, въ которомъ какъ бы высказывается притязаніе на владычество всею областью, но это былъ не болѣе какъ пустой звукъ, говорящій о прежнемъ величіи и не давшій имъ ничего новаго [3]). Въ XVI в. отъ нихъ отдѣляются кумыкская площадь между Терекомъ и Сулакомъ и часть земель по правую сторону послѣдняго до Темиръ-гоя, образуя удѣлъ Султанъ-Мута. [4]). Что касается прочихъ земель, то сперва отъ шамхаловъ отпадаютъ отдѣльныя общества, составляя самостоятельные союзы, въ родѣ, напр., Даргинскихъ и Кайсубулинскихъ обществъ [5]). Затѣмъ объявляютъ себя независимыми Казикумухцы, выбравъ себѣ особаго правителя съ титуломъ хохлавчи [6]), потомъ изъ земель, лежащихъ по р. Манасу, образуется особое Мехтулинское ханство [7]). Наконецъ даже часть самаго Тарковскаго владѣнія отъ нихъ отходитъ въ видѣ особаго удѣла Баммата [8]). Такимъ образомъ, въ XVIII столѣтіи отъ обширнаго государства шамхаловъ осталось лишь владѣніе Тарковское, лежащее узкой полосой вдоль берега Каспійскаго моря и равное приблизительно 2500 кв. верстамъ, съ населеніемъ до 3000 дворовъ [9]).

---

1) Шамхалы Тарковскіе. (Историческая записка, составленная Временною комиссіею, наряженною для опредѣленія личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Т-Х-Шур. окр. Сб. св. о к. горц. в. I, 55 стр.

2) Шамхалы Тарковскіе ib. 57 и слѣд. Карамзинъ. Ист. гос. Росс. т. X гл. I.

3) Шамхалы Тарковскіе ib. 55.

4) Шамх. Тарковскіе ib. 58.

5) Шамхалы Тарковскіе ib. 69.

6) Хохлавчи происходитъ отъ араб. сл. Халх—народъ и лаксаго лавай—высшій, превосходный; у насъ переводилось глава. Комаровъ А. В. Казикум. ханы. ib. 6.

7) Мехтулинскіе ханы (извлеч. изъ записки, составленной Сословной коммиссіей въ 1867 г. Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ вып. II, 1—2, Шамх. Тарков. ib. 69.

8) Шамхалы Тарков. ib. 69, 59—61.

9) Шамхалы Тарков. ib. 70.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ познакомить читателя съ географическимъ положеніемъ образовавшихся въ Дагестанѣ къ началу XVIII вѣка владѣній, а затѣмъ перейти къ исторіи возникновенія и развитія въ нихъ ханской власти и, какъ послѣдствіе ея,— сословій.

Глава IV.

Географическое положеніе образовавшихся ханствъ. Исторія ихъ происхожденія. Характеръ власти хановъ въ первое время: судебная власть, добровольныя приношенія, поземельныя права ихъ. Постепенное усиленіе власти хановъ въ сферѣ судебной и административной. Поземельныя права хановъ и налоги. Общая характеристика ихъ власти въ этотъ періодъ.

Въ XVIII вѣкѣ сѣверную часть Прикаспійской полосы Дагестана занимали кумыки, разбившіеся между нѣсколькими самостоятельными владѣльцами Костековскими, Аксаевскими, Андреевскими (Эндери) и проч., къ югу отъ нихъ находилось владѣніе Тарковское, управляемое шамхалами, южнѣе котораго лежали земли, Кайтагскаго уцмія [1]) и наконецъ Дербентское ханство. Къ западу отъ Тарковскаго владѣнія находились земли разныхъ самостоятельныхъ обществъ, управлявшіяся или особыми карагибеками или выборными старшинами, какъ напр.—Шикарты, Эрпели, Каранай и пр., и Бамматула, управлявшаяся беками изъ рода Баммата, къ югу отъ которой лежали Мехтулинское ханство и земли вольныхъ Даргинскихъ обществъ, имѣвшихъ во главѣ наслѣдственныхъ или выборныхъ кадіевъ [2]), Табасарань,

---

[1]) Слово уцмій отъ араб. слова исми—именитый. Такъ назывались владѣтели Кайтага.

[2]) Кадій—слово арабское—судья. Въ Дагестанѣ существовали два вида кадіевъ: кадіи—владѣтели, избираемые безсрочно, и кадіи въ селеніяхъ. Аравійскій полководецъ Маслама для управленія С. Табасаранью назначилъ кадія, потомки котораго наслѣдовали это званіе; изъ нихъ всегда выбирается кадіемъ преимущественно старшій въ родѣ. Подобнаго же происхожденія и наслѣдственные кадіи сиргинскій, акушинскій и дудархскій. Съ званіемъ этихъ кадіевъ соединялась всегда свѣтская власть, и многіе изъ нихъ, будучи совершенно неграмотны, не вмѣшивались въ дѣла духовныя, а предоставляли это своимъ письмоводителямъ. Въ обществахъ Усита, Муха, Микахлъ и Кораки кадіи, управлявшіе народомъ, избирались на опредѣленное время изъ достойныхъ людей. Сельскіе кадіи были во всѣхъ большихъ селеніяхъ для разбора дѣлъ по шаріату и исполненія духовныхъ требъ, а также службы въ

дѣлившаяся на сѣверную и южную и управлявшаяся кадіемъ и массумомъ [1]), и наконецъ Кюра, подчинявшаяся или Казикумыхскимъ или Кубинскимъ ханамъ [2]).

Нагорный Дагестанъ распадался на двѣ части—восточный и западный. Первый занимали ханства Аварское и Казикумухское, а второй—горскія вольныя общества, никому не подчинявшіяся, жившія родовымъ строемъ и въ видахъ обороны составлявшія грозные союзы, въ родѣ Анкратль—оплота и сердца Нагорнаго Дагестана.

Возникновеніе означенныхъ владѣній Дагестана было обыкновенно слѣдущее. Одно, два или нѣсколько селеній, наскучивъ внутренними несогласіями вслѣдствіе безсилія власти шамхала и борясь съ другими за свою независимость, приглашали къ себѣ или выбирали изъ своей среды какое-либо лицо, прославившееся храбростью, справедливостью, т. п. и способное удерживать отдавшійся ему народъ отъ внутреннихъ неурядицъ и ограждать отъ набѣговъ сосѣдей. Вскорѣ къ этому обществу, объединенному единою верховною властью, присоединялись другія либо мирнымъ путемъ союза, либо войною. Такъ мало-по-малу образовались обширныя владѣнія [3]).

Въ началѣ объединенія, послѣ смерти перваго призваннаго владѣтеля, престолъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени оставался избирательнымъ. Такой порядокъ существовалъ во всѣхъ ханствахъ и особенно долго удержался въ Кайтакѣ, въ которомъ вплоть до XVII столѣтія уцміи были избирательные [4]). Для этого послѣ смерти уцмія на опредѣленномъ мѣстѣ собирались всѣ совершеннолѣтніе мужского пола въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ, а иногда одни старшины и выборные

мечетяхъ. Избирались изъ лицъ, извѣстныхъ ученостью, знаніемъ Корана и хорошею нравственностью. Были освобождены отъ податей и получали доходы изъ закята. Комаров. Адаты. ib. 74.

[1]) Козубскій Пам. кн. стр. 299. Шамх. Тарков. 53—54.

[2]) Комаровъ А. В. Казикумухскіе и Кюрин. ханы. ib. 9.

[3]) Мехгулинскіе ханы ib. 1—2, А. В. Комаровъ. Казик. ханы ib. 6—7. Линевичъ. Бывшее Елисуйское султанство Сб. св. о Кавк. горц. вып. VII стр. 3—5. Гаджи-Али Сказаніе ib. 5—6, Труды V арх. съѣзда (Уцміи) 22—23. Ковалевскій Макс. Родовое устройство. ib. 547—548.

[4]) Ковалевскій. Родов. устр. ib. 548, Комаровъ Казик. ханы ib. 6, Линевичъ ib. 5, Труды V арх. съѣзда ib. XXII—XXIII.

отъ каждаго селенія и послѣ совѣщанія избирали правителя изъ членовъ опредѣленной династіи. Рѣшеніе собранія сообщалось избранному или словесно или символически, какъ напр., въ Кайтакѣ— возложеніе на голову кандидата особой шапочки, похожей на еврейскую ермолку, надѣвать которую на голову избраннаго было почетной привилегіей старшаго въ тохумѣ Гассанъ-бека. Послѣ этого избранный одаривалъ присутствующихъ почетныхъ лицъ оружіемъ, деньгами или скотомъ, а всему народу устраивалъ угощеніе.

Права хана въ этотъ періодъ надъ народомъ, кромѣ случаевъ чрезвычайныхъ, когда онъ выступалъ въ качествѣ предводителя войска, не были неограниченными. Для рѣшенія многихъ первостепенныхъ вопросовъ, какъ война и миръ, заключеніе союзовъ, рѣшеніе пограничныхъ и другихъ споровъ между общинами и т. п.,—онъ нуждался въ согласіи народа. Судебная власть его была также ограничена, почему въ болѣе серіозныхъ случаяхъ, напр, увѣчія, пораненія и т. п., онъ долженъ былъ собирать джаматъ, т. е. сходку старѣйшинъ, которая уже вмѣстѣ съ нимъ опредѣляла наказаніе виновному. Самъ же своею властью онъ не могъ наказать даже явнаго преступника. Только въ случаѣ подозрѣнія кого-либо въ кражѣ, онъ могъ потребовать отъ подозрѣваемаго принесенія очистительной присяги, и если послѣдній ея не принималъ, то подлежалъ не только возвращенію украденнаго, но и штрафу. Въ гражданскихъ дѣлахъ ханъ выступалъ въ этотъ періодъ какъ посредникъ, вслѣдствіе чего приговоры его не имѣли обязательнаго характера и не могли быть приведены насильственно въ исполненіе, а входили въ силу, только при желаніи заинтересованныхъ лицъ [1]). Словомъ, правитель въ это время игралъ только роль старшины, но не одного сельскаго общества, а цѣлаго народа.

Особаго содержанія правители не получали, но все потребное для продовольствія его и находившихся при немъ людей жители доставляли по мѣрѣ надобности разновременными добровольными сборами между собою, а потомъ, когда надобности эти опредѣлились настолько, что годовыя потребности для содержанія правителя сдѣлались имъ извѣстны, тогда часть селеній распредѣляла между собою удовлетвореніе нуждъ правителя въ видѣ опредѣлен-

[1]) Мак. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ. I, 223.

ныхъ повинностей, а другія менѣе достаточныя селенія остались при одной обязанности выставлять, по приказанію правителя, вооруженныхъ людей. Кромѣ того, онъ пользовался доходами съ нѣкоторыхъ предоставленныхъ ему народомъ участковъ общественныхъ земель и пастбищныхъ горъ, а также получалъ часть военной добычи или подати съ покоренныхъ обществъ [1]).

Таковъ былъ характеръ власти хановъ въ первое время, когда власть ихъ была избирательной.

Позднѣе, по мѣрѣ того какъ войны росли и ханы все чаще и дольше бывали военными вождями и въ качествѣ таковыхъ вступали въ тѣ или иныя отношенія съ персидскими шахами и турецкими султанами, власть ихъ укрѣпляется и терпитъ измѣненія въ объемѣ и силѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ избирательной становится наслѣдственной по старшинству въ родѣ. Перемѣна эта въ большинствѣ владѣній Дагестана падаетъ на конецъ XVII ст. и начало XVIII.

Прослѣдимъ эту перемѣну и посмотримъ, какъ она совершилась и въ чемъ выразилась въ сферѣ судебной, административной, поземельной и финансовой.

Усиленіе судебной власти проявилось въ томъ, что ханы, предоставивъ попрежнему рѣшеніе всѣхъ дѣлъ по адату—картамъ [2]), а по шаріату кадіямъ, многія дѣла изъемлютъ изъ общей юрисдикціи и разбираютъ сами лично. Такой экстраординарный порядокъ, примѣнявшійся сначала въ тѣхъ случаяхъ, когда или

---

[1]) Комаровъ. Казикум. ханы ib. 6—7, Линевичъ ib. 4—6.

[2]) Судъ по адату, во время управленія хановъ, производился въ каждомъ селеніи особыми лицами, называемыми картами, которые избирались на извѣстный срокъ по большинству голосовъ изъ вліятельныхъ въ селеніи тохумовъ, пользовавшихся этимъ правомъ иногда наслѣдственно. Картамъ были подсудны всѣ дѣла, кромѣ дѣлъ, вытекающихъ изъ семейнаго и наслѣдственнаго права, подлежащихъ юрисдикціи кадій. Судъ производился каждый день на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, куда шли всѣ, имѣвшіе въ немъ надобность. Разборъ дѣлъ начинался по жалобѣ истца, имѣвшаго въ немъ прямой интересъ, выслушивались свидѣтели и отвѣтчикъ, затѣмъ дѣло рѣшалось по большинству голосовъ. Представительство не допускалось. Рѣшеніе картовъ было окончательное и приводилось сейчасъ же въ исполненіе. Въ случаѣ особой важности или явно несправедливаго рѣшенія, спорящіе обращались къ картамъ селеній, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность, напр. Эрпели и Губдень для вл. Тарковскаго, Цихли для Мехгуллы, Цоботль для Присулакскаго наибства, Киша и Уркарахъ для Кайтага. Комаровъ. Адаты etc. 5—10 стр.

сами обиженные обращались къ ханскому суду, или когда разборъ и рѣшеніе дѣла самимъ правителемъ былъ важенъ для его интересовъ, позднѣе былъ распространенъ на всѣ дѣла, какія только ханъ желалъ судить лично. Въ этихъ случаяхъ послѣдній не стѣснялся ни адатомъ, ни шаріатомъ, а рѣшалъ дѣло такъ, какъ Богъ на душу положитъ... Достигнувъ этого и ставъ такимъ образомъ выше адата, ханы на этомъ не остановились и присвоили высшій контроль надъ рѣшеніями картовъ. Совершилось это посредствомъ изданія сборниковъ адатовъ [1]). Составивъ сборники адатовъ и приказывая руководиться ими при разборѣ дѣлъ, ханы обусловливаютъ пользованіе ими извѣстными правилами... Такъ, напр., въ сборникѣ постановленій Кайтагскаго уцмія Рустема-хана, отданномъ на храненіе кадію магала Гайшъ, мы читаемъ:

„Не читать для того, кто не имѣетъ отъ бека бумаги съ приложеніемъ его печати“.

„Если же кадій прочитаетъ для того, у кого нѣтъ письменнаго позволенія отъ бека, то съ него, съ кадія, взыскивать одну лошадь въ пользу бека...“ [2])

Такъ постепенно вся судебная власть перешла въ руки хановъ и они мало-по-малу пріобрѣли jus vitae ac necis надъ своими подданными, хотя, надо сказать, этимъ правомъ жизни и смерти въ этотъ періодъ пользовались мало и весьма осторожно [3]).

Въ сферѣ административной усиленіе власти хановъ проявляется въ томъ, что послѣдніе ставятъ различныя сельскія общества въ болѣе тѣсную зависимость отъ своей власти. Для этого ханы, оставляя неприкосновеннымъ строй сельской общины, отдалённыя части ханства дѣлятъ на особыя части—магалы [4])—и управленіе

---

[1]) Наиболѣе извѣстными составителями были Кайтагскіе уцміи Рустемъ—Ханъ и Ахметъ, сынъ уцмія Гассана-Али и Аварскій Ханъ—Омаръ-Ханъ. Комаровъ ib 9.

[2]) Постановленія Кайтагскаго уцмія Рустема-хана, написанныя въ XII в. (по Ковалевскому XVII в.) и отданныя на храненіе кадію магала Гаишъ. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ. вып. I, стр. 80.

[3]) Козубскій. Пам. Кн. стр. 8—9.

[4]) Магалы (раздѣлъ, отдѣлъ) ближе всего соотвѣтствуютъ нашей волости. Нѣсколько селеній, по историческимъ, этнографическимъ или топографическимъ условіямъ имѣвшія общіе интересы, составляли магалъ, при чемъ одно изъ селеній магала считалось главнымъ. Козубскій ib. 9.

ими ввѣряютъ особымъ начальникамъ—наибамъ [1]), а въ селеніяхъ близъ лежащихъ управляютъ сами непосредственно черезъ сельскихъ старшинъ, властъ которыхъ въ это время въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ увеличивается тѣмъ, что на нихъ возлагается распредѣленіе между жителями повинностей и производство всякаго рода правительственныхъ сборовъ [2]).

Въ сферѣ поземельныхъ правъ усиленіе власти хановъ въ этотъ періодъ выразилось въ томъ, что ханы, владѣя по обычаю на правахъ частной собственности нѣкоторыми горами и, кромѣ того, пользуясь лучшими надѣлами пахатной и сѣнокосной земли въ селеніяхъ, наравнѣ съ прочими жителями [3]), выдѣлили изъ общей массы земель ханства—земли завоеванныя у сосѣдей, а также пустопорожнія. Заселивъ послѣднія переселенцами изъ другихъ владѣній, инородцами, евреями, освободившимися отъ рабства кулами [4]) и т. п., они стали къ нимъ и землямъ завоеваннымъ въ отношенія, отличныя какъ отъ ихъ собственныхъ земель, такъ и отъ прочихъ земель ханства. Отличіе ихъ отъ всѣхъ остальныхъ земель ханства заключалось въ томъ, что жители ихъ обязаны были платить, кромѣ всѣхъ сборовъ наравнѣ съ прочими подданными, еще: 1) нѣкоторые сборы въ пользу ханской фамиліи въ экстраординарныхъ случаяхъ, въ родѣ смерти кого нибудь изъ членовъ ханскаго дома, свадьбы [5]) и т. п. и 2) предоставлять въ пользу хана выморочное имущество тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые умирали безъ потомковъ мужского пола [6]). Болѣе существенное различіе отдѣляло ихъ отъ земель, принадлежавшихъ хану на правахъ частной собственности. Послѣднее сводилось къ тому, что ханы,

1) не могли отчуждать этихъ земель по своему произволу, какъ свои собственныя,

2) не имѣли права живущее на нихъ населеніе сгонять съ земли,

---

[1]) Козубскій. Пам. кн. стр. 307, 387, 389, 397.

[2]) Ковалевскій М. Законъ и обычай т. II. 162, Родовое устр. стр. 545.

[3]) Дубровинъ Н. Исторія войны, т. I. кн. II стр. 390.

[4]) Козубскій. Пам. кн. 307, 309, 311, 313, 315, 327, 337, 341, 387, 395, 399.

[5]) Мехтухинскіе ханы ib. 12.

[6]) Мехтул. ханы ib. 12—13, Освобожденіе безправныхъ рабовъ ib 48.

3) не имѣли права взимать налоги свыше установленныхъ для всѣхъ подданныхъ [1]) и

4) наслѣдовать въ частномъ порядкѣ по шаріату, а могли получать владѣніе ими только съ занятіемъ престола,

5) незначительность сборовъ, шедшихъ въ пользу хана, сравнительно со сборами, взимаемыми ханами за пользованіе ихъ собственными землями [2]).

Отличія эти заставляютъ насъ выдѣлить эти земли въ особую категорію государственныхъ земель (domaines publiques). Только отнесеніемъ ихъ къ государственнымъ доменамъ могутъ быть объяснены, во-первыхъ, то обстоятельство, что фактъ ихъ завладѣнія не встрѣтилъ препятствія со стороны мѣстнаго народонаселенія, во-вторыхъ, ихъ малое отличіе отъ всѣхъ прочихъ земель ханства, и въ третьихъ, вся дальнѣйшая ихъ исторія.

Что касается повинностей и сборовъ, то здѣсь усиленіе сказалось въ томъ, что они изъ добровольныхъ приношеній (benevolentia) превращаются въ налоги, отбываемые всѣми жителями ханства, исключая должностныхъ лицъ, нукеровъ, емчиковъ (молочныхъ братьевъ хана) и бѣдныхъ, и по размѣрамъ значительно превышаютъ тѣ, которые были установлены, по словамъ лѣтописи Мухамеда Сафи, арабами.

Различаясь въ названіяхъ и формахъ, зборы эти и повинности повсюду въ Дагестанѣ въ это время имѣютъ огромное сходство между собою и по натурѣ своей могутъ быть раздѣлены на имущественные и личные, а по времени взноса и по характеру на довольно точно опредѣленные, неопредѣленные, но выполняемые по мѣрѣ надобности, и, наконецъ, случайные, обязательные только при извѣстныхъ обстоятельствахъ [3])...

Послѣ этого мы считаемъ нужнымъ дать наиболѣе подробный перечень податей и различныхъ повинностей, существовавшихъ въ эту эпоху въ отдѣльныхъ ханствахъ, въ виду той важности, какую представляетъ точное знаніе повинностей этого времени для послѣдующихъ періодовъ Дагестанской исторіи.

---

[1]) Освобожденіе безправныхъ рабовъ ib 48.

[2]) Акты т. IX №№ 214, 218.

[3]) Ханы Мехтулинскіе ib. стр. 11—12.

Во владѣніи Тарковскомъ и Бамматумѣ правители получали слѣдующія подати и повинности [1]):

1) Кентъ-ясакъ—подать съ барановъ. Съ каждаго хозяина, имѣющаго стадо барановъ не менѣе 30 головъ, взималось ежегодно по 1 овцѣ. Размѣръ подати оставался одинаковымъ, хотя бы овцеводъ имѣлъ нѣсколько сотъ и болѣе головъ... Она не взыскивалась съ хозяевъ, начинающихъ заведеніе баранты въ теченіе года, сколько бы заводящій ни пріобрѣлъ головъ.

2) Арба-ясакъ (дровяная повинность). Всякій домъ, имѣвшій рабочій скотъ, обязанъ былъ доставить владѣльцу 1 арбу дровъ.

3) Булка (барщина), состоявшая въ выставѣ плуговъ, косцовъ и жнецовъ и простиравшаяся отъ 2 до 4 рабочихъ дней въ году, кромѣ Халимъ-бекъ-аула, составлявшаго гвардію правителей и отбывавшаго болѣе.

4) Выставка арбъ для надобностей хана.

5) Выставка рабочихъ для строительныхъ работъ въ домѣ хана и обработки его сада.

6) Штрафы за преступленія и проступки, какъ то: убійства, пораненіе, увозъ женщинъ, воровство и проч.

7) Дамга или рахтарный сборъ съ провозимыхъ черезъ владѣніе товаровъ [2]).

Въ Мехтулинскомъ ханствѣ правители, кромѣ податей, существовавшихъ во владѣніи Тарковскомъ, какъ то, кентъ-ясакъ, арба-ясакъ (арба-агачь) и кочь-арба (нарядъ арбъ для переѣздовъ хана и его семейства), получали еще:

1) Сабу — подать по 1 сабѣ [3]) съ каждаго дыма, взимавшуюся пшеницею въ селеніяхъ Большой и Малой Дженгутай и Дуранги, а въ другихъ селеніяхъ магаромъ [4]) со всѣхъ тѣхъ, кто производитъ посѣвы самъ или отдаетъ земли подъ посѣвъ другимъ за условленную долю урожая.

---

[1]) Шамхалы Тарковскіе ib. 78—79.

[2]) Кромѣ этихъ сборовъ, вносимыхъ всѣми жителями, евреи несли особый сборъ по 3—5 руб. со двора, а чагары и ногайцы, сидѣвшіе на государственныхъ земляхъ, особыя повинности, заключавшіяся въ исполненіи домашнихъ работъ въ домѣ хана въ правѣ хана на сборы изъ женитьбы и проч. и въ правѣ наслѣдованія выморочнаго имущества.

[3]) Сабу—мѣра для зерна=1 пуду и 10 фунтамъ.

[4]) Магаръ—особый родъ чернаго хлѣба, имѣвшаго цѣну наравнѣ съ ячменемъ.

2) Бильха (барщина): а) Сабанъ-бильха—выставка плуговъ для распашки полей владѣльца въ числѣ, какое можетъ снарядить населеніе, обязанное нести эту повинность. Отъ владѣльца зависѣло потребовать часть плуговъ весною, часть осенью, но тѣ хозяева, которые выполнили работу весною, не могли быть потребованы осенью... в) Бичанъ-бильха—выставка по 1 косцу съ дыма на день для кошенія и уборки владѣльческаго сѣна. с) Уракъ-бильха—выставка жнецовъ по 1 съ дыма на 1 день для уборки владѣльческихъ посѣвовъ. Всѣ эти работы производились только до полудня и продовольствіе полагалось отъ владѣльца.

3) Ясакъ съ баранты на Аркасскихъ горахъ за содержаніе тамъ охраннаго караула по барашку съ каждаго вводимаго туда стада [1]).

Кайтагскій уцмій, до водворенія русскихъ въ Дагестанѣ, какъ это мы узнаемъ изъ рапорта генералъ-майора Барона Вреде Генералъ-Лейтенанту Вельяминову отъ 3 февраля 1821 года № 108 [2]), получалъ, кромѣ штрафовъ за преступленія, дамги, [3]), платы за пастьбу скота на ятагахъ (пастбищныхъ мѣстахъ) и за аренду нефтяныхъ колодцевъ:

1) Отъ каждой пары буйволовъ или быковъ по 20 сабъ (25 пуд.) пшеницы и 5 сабъ ячменя (5 пуд.) [4]).

2) За каждый пудъ искапываемой марены—пошлину въ размѣрѣ 10 коп. сер. съ покупщиковъ.

---

[1]) Кромѣ этихъ податей, Мехтулинскіе ханы при женитьбѣ или погребеніи членовъ ханскаго дома съ жителей Большого и Малаго Дженгутая получали по арбѣ дровъ и сабѣ пшеницы, а съ жителей сел. Апши, Дуранги, Ахкентъ и Чоглы по 1 быку, и, кромѣ того, имѣли право наслѣдованія выморочнаго имущества.

[2]) Акты т. VI в. II. стр. 65.

[3]) Казембекъ въ коментаріяхъ къ „Derbend Nâmeh“ перечисляетъ тѣ сборы, которые получалъ уцмій въ Дербентѣ: съ каждой арбы или повозки, приходившей или отходившей со всякими товарами, кромѣ шелка, около 8 шиллинговъ, если въ арбѣ былъ шелкъ, то сверхъ этого 3 шиллинга за каждую связку; за пару черкесскихъ барашковыхъ шкурокъ или за каждую калмычью шкурку $2^1/_2$ пенни; за каждаго верблюда 3 шиллинга, за каждую лошадь и каждаго буйвола $1^1/_2$ шиллинга, за каждаго быка или корову 9 пенни и за каждую овцу $2^1/_2$ пенни.

[4]) По емкости сабу=1 четверику (Акты т. VI в. II стр. 65).

3) Съ жителей, имѣвшихъ шелководство, съ каждаго сада взималось по 2 мотка шелку и 1 сабѣ шелковичнаго сѣмени [1]).

Въ Табасарани, раздѣленной на двѣ части—сѣверную и южную, жители платили закятъ, кентъ-ясакъ, арба-ясакъ, штрафы за преступленія и бильха, состоявшую въ постановкѣ жнецовъ, плуговъ и косцовъ и перевозкѣ хлѣба на мельницу въ теченіе 5—7 дней въ году.

Въ Дербентскомъ ханствѣ жители платили ханамъ $^1/_{10}$ часть со всего посѣяннаго, деньгами около 3 руб. и работой отъ 5—7 дней.

Что касается Казикумухскаго и Аварскаго ханствъ, то здѣсь доходъ хановъ почти не увеличился и составлялся изъ штрафовъ за преступленія, части подати, собиравшейся съ покоренныхъ обществъ, части военной добычи и платы за пастьбу скота на извѣстныхъ горахъ и чагаръ, поселенныхъ на земляхъ хана [2]).

Жители Кюры [3]), Горнаго Магала [4]), вошедшаго въ составъ Елисуйскаго султанства, какъ и всего остального Дагестана, никакихъ податей, кромѣ закята, въ этотъ періодъ не несли и были лично вполнѣ свободны [5]).

---

[1]) Кромѣ того, уцмій получалъ пошлину въ с. Кубагахъ за провозимый шелкъ изъ Нухи и владѣній Джарскаго и Елисуйскаго султана; по 1 червонцу съ каждаго вьюка.

[2]) Про Аварскихъ хановъ читаемъ въ Актахъ т. VI № 445. (Отнош. бар. Розена къ гр. Нессельроде отъ 6 апрѣля 1833 г. № 249: ....Владѣніе, собственно хану принадлежащее, составляетъ меньшую часть Аваріи: оно состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень, платящихъ ему небольшую подать; остальная же часть аварцевъ, хотя и считаетъ хана своимъ владѣльцемъ и иногда платитъ ему дань, но повинуется въ томъ только случаѣ, если онъ личными достоинствами умѣлъ пріобрѣсти народную довѣренность... ....Сурхай ханъ, другой владѣлецъ той же Аваріи, есть ничто иное, какъ помѣщикъ, владѣющій только тремя ему принадлежащими деревнями. (стр. 567—568).

Доходы въ пользу Казикумухскаго хана взимались главнымъ образомъ съ Исхревскаго магала (Самурскаго окр.). Берже. Прикаспійскій край. Кавказск. календарь 1857 г. стр. 327.

[3]) Комаровъ А. В. Казикумухскіе и Кюринскіе ханы. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ вып. I стр. 21.

[4]) Линевичъ. Бывшее Елесуйское султанство. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. VII стр. 10—14.

[5]) Комаровъ А. В. Казикумухскіе и Кюринскіе ханы. Сборникъ свѣдѣній о кавк. гор. Вып. I, стр. 22—24.

Заканчивая этимъ [1]) очеркъ постепеннаго усиленія власти хановъ въ сферѣ судебной, административной, поземельной и финансовой, и переходя въ слѣдующей главѣ къ сословному вопросу, мы все же въ заключеніе должны замѣтить, что ханская власть, по единогласному признанію очевидцевъ и путешественниковъ, de facto въ этотъ періодъ далеко не была неограниченной....

„Хотя Шамхалъ имѣлъ право жизни и смерти, говоритъ одно изъ начальствующихъ лицъ въ Дагестанѣ, но обычай и вольность жителей дѣлали Шамхала умѣреннымъ“ [2])...

„Владѣтели въ Дагестанѣ, читаемъ мы въ Запискахъ Муравьева-Карсскаго [3]), совершенно не то, что въ Персіи и въ другихъ восточныхъ странахъ. Они могутъ болѣе называться старшими старшихъ, чѣмъ государями. Правленіе ихъ патріархальное и нарушеніе сихъ правъ можетъ только терпѣться въ необыкновенныхъ случаяхъ“.

Глава V.

Возникновеніе сословій, какъ слѣдствіе усиленія ханской власти. Происхожденіе сословія бековъ. Беки коренные и заслуженные. Доходы бековъ. Поземельныя права ихъ. Отношеніе къ жителямъ подчиненной деревни. Общая ихъ характеристика. Зависимыя сословія. Кулы и караваши; чагары. Положеніе послѣднихъ.

Въ тѣсной связи съ усиленіемъ государственной власти въ лицѣ хановъ во владѣніяхъ Дагестана находится сословный вопросъ.

Древняя родовая организація, какую представляли независимые другъ отъ друга дагестанскіе тохумы, не была благопріятна, какъ мы видѣли раньше, развитію общественнаго неравенства. Въ то время всѣ были свободны и вольны, почему о сословіяхъ, если не говорить о немногочисленномъ сословіи рабовъ, въ пе-

---

1) Здѣсь должны мы замѣтить, что повинности и подати жителей Кубинскаго ханства мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ сказанное ханство, хотя прежде и входило въ составъ владѣній Дагестана, но уже давно отошло отъ него къ Бакинской губ. и въ настоящее время сильно отличается отъ него, какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

2) Козубскій. Памятная книжка. Стр. 8—9.

3) Записки Николая Николаевича Муравьева-Карсскаго (1823—1824 г.) Русскій Архивъ за 1888 г. № 7, стр. 332.

ріоды, предшествующіе образованію ханствъ, не можетъ быть и рѣчи.

„Для своего развитія, говоритъ Макс. Ковалевскій, процессъ образованія сословій нуждается въ замѣнѣ первоначальной независимости родовъ подчиненіемъ единой центральной власти“ [1]), каковая является только въ этотъ періодъ въ лицѣ хановъ, шамхала, уцмія, хахлавчи и пр. Поэтому только во владѣніяхъ послѣднихъ мы встрѣчаемся съ фактомъ существованія отличнаго отъ свободныхъ, особаго привилегированнаго сословія—бековъ [2]) и сословія крѣпкихъ землѣ людей—чагаръ, раятъ и проч.

Генезисъ ихъ таковъ.

„У нихъ (арабовъ) былъ старый обычай, говоритъ Мухаммедъ-Рафи въ своей исторіи Дагестана, назначать въ каждое селеніе или городъ, старшину или правителя изъ числа собственныхъ вождей“ [3])...

Унаслѣдовавъ этотъ древній обычай, имѣвшій цѣлью поддержку родственниковъ правителя, усилившіеся дагестанскіе ханы стали поручать своимъ родственникамъ, какъ то: братьямъ, чанкамъ [4]) и проч., управленіе одной или нѣсколькими деревнями и въ вознагражденіе за это отдавать доходы, причитавшіеся имъ съ этихъ деревень. Получавшіе удѣлъ родственники удалялись обыкновенно въ пожалованную деревню и, поселившись въ ней, управляли жителями удѣла на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ ханы—цѣлымъ владѣніемъ. Такъ съ теченіемъ времени изъ нихъ составилось особое сословіе—бековъ коренныхъ, къ числу которыхъ прибавились еще такъ называемые карачи-беки, происходившіе,

---

1) Макс. Ковалевскій. Законъ и Обычай т. I, 226.

2) Бекъ—бій—слово монгольское—значитъ повелѣвающій. Фамилію носятъ большею частью по имени владѣтеля, отъ коего происходятъ. Комаровъ. Адаты etc. 74.

3) Лѣтопись. ib. стр. 21.

4) Чанка—дѣти отъ неравнаго брака владѣтеля и бека. Права чанковъ не опредѣлены положительно; большею частью они пользуются значеніемъ, которое придаютъ имъ ихъ отцы, и тѣ изъ нихъ, которые произошли отъ матерей непростолюдинокъ, называются также беками. Дѣти же чанковъ, происходящія отъ женъ простого сословія, не имѣютъ права на званіе бека и хотя называются чанками, но въ правахъ никѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ узденей. Комаровъ А. В. Адаты etc ib. 79; кое-что о кумыкахъ. Газ. Кавказъ, № 70, за 1865 г.

по преданію, отъ древнихъ правителей, бывшихъ въ Дагестанѣ до арабовъ [1]).

Позднѣе рядомъ съ этимъ классомъ родовыхъ бековъ выдвинулся еще одинъ классъ, представители котораго благодаря свободѣ отъ податей и повинностей и своему привилегированному положенію стали по аналогіи также называться беками... Случилось это такимъ образомъ. Прежніе правители, какъ это и теперь еще существуетъ въ Турціи и Персіи, давали своимъ любимцамъ или чиновникамъ вмѣсто жалованія одну или нѣсколько деревень на то время, пока чиновникъ находился въ должности или пользовался расположеніемъ хана. На первыхъ порахъ это право было всецѣло связано со службой и прекращалось вмѣстѣ съ нею. Но такъ какъ со временемъ служба становилась не только пожизненной, но и наслѣдственной, то и это временное и личное отличье, вызываемое службой, со временемъ на почвѣ чисто фактическихъ отношеній пріобрѣло характеръ постоянной сословной привилегіи [2]).

Несмотря на то, что права бековъ не были опредѣлены никакими постановленіями, эти двѣ категоріи бековъ—бековъ коренныхъ и бековъ, такъ сказать, заслуженныхъ—рѣзко различались между собою какъ въ отношеніи личныхъ правъ, такъ и по владѣнію имѣніями [3]).

Родовые беки были болѣе сильны и стояли къ ханамъ въ меньшей зависимости... Весь доходъ съ пожалованныхъ деревень шелъ въ ихъ пользу, и они не были обязаны никакимъ отчетомъ... Пожалованные беки пользовались только малуджехатомъ, т. е. сборомъ извѣстной части съ урожая произведеній, посѣянныхъ жителями, а денежную подать съ деревни ежегодно должны были

[1]) Акты т. IX № 214. Взглядъ на состояніе финансов. управленія въ Даг. провинціяхъ, стр. 188. Комаровъ А. В. Адаты 18—19. Вейденбаумъ. Матеріалы для историко-географ. словаря Кавказа. вып. 1. (Сборн. Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XX, стр. 11—12. Козубскій Пам. книжка стр. 399 (Каранай), 388 — 389 (Карачи беки Карабудахкента и Губденя), 394—395 Шикарты, 400—401).

[2]) Акты IX, № 214. Взглядъ на сост. финан. управ. въ мусульм. провинціяхъ стр. 188—189, Макс. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ т. I, 230

[3]) Акты IX № 218 Отношенія ген. Головина къ гр. Киселеву отъ 27 апрѣля 1839 г. за № 224 и журналъ совѣта главнаго управленія отъ 15 апрѣля 1839 г., стр. 201--202.

представлять хану, отъ воли котораго зависѣло подарить ее беку или взять себѣ [1]). Затѣмъ права коренныхъ бековъ были болѣе гарантированы отъ нарушенія, и деревни не были у нихъ отнимаемы безъ особенной побудительной причины, между тѣмъ какъ имѣнія, пожалованныя ханами въ ознаменованіе милости или заслуги, могли быть отбираемы во всякое время и въ родъ переходили не иначе какъ съ согласія хана [2]), при чемъ наслѣдованіе совершалось не по шаріату, какъ у коренныхъ бековъ, а ограничивалось только мужскимъ поломъ и со смертью послѣдняго въ родѣ прекращалось, никогда не переходя ни въ боковыя мужскія линіи, ни къ женщинамъ, которыя имѣли право только на наслѣдство движимаго имущества [3]).

Что касается правъ бековъ той и другой категоріи по отношенію къ жителямъ управляемой деревни, то они были весьма ограничены и сводились въ мирное время [4]) главнымъ образомъ къ тому, что жители обязаны были платить имъ опредѣленную обычаями подать и исправлять повинности, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть больше тѣхъ, какія исполнялись другими деревнями даннаго владѣнія въ пользу хана [5]).

Во внутреннее управленіе сельской общины беки не имѣли права вмѣшиваться и не смѣли посягать на личныя права жителей, которые пользовались полною свободой и безпрепятственно могли переходить и селиться, гдѣ пожелаютъ [6]). Судебной власти надъ жителями они не имѣли и выступали только въ роли посредника, приговоръ котораго не имѣлъ для сторонъ обязательнаго значенія [7]).

---

[1]) Акты т. IX № 214. Взглядъ etc. стр. 188.

[2]) Акты т. IX № 218 Журналъ etc. стр. 201—202.

[3]) Акты т. IX, № 214. Взглядъ etc. стр. 187—188.

[4]) Въ военное время жители обязаны были давать беку конныхъ вооруженныхъ людей, съ которыми бекъ обязанъ былъ явиться къ хану.

[5]) Акты т. IX № 218 стр. 202 Подати собирались либо самими беками, либо его нукерами со всѣхъ жителей, кромѣ муллы старшины, нукеровъ бека и картовъ.

[6]) Акты т. IX № 218 ib 201—202.

[7]) Акты т. IX № 218, стр. 202. Сами же беки не подлежали никакому суду и пользовались по адату привилегированнымъ положеніемъ, такъ напр. бекъ, убившій узденя, подвергался только изгнанію на короткое время—3 мѣсяца — послѣ чего родственники убитаго обязаны были за опредѣленное вознаграж-

Поземельныя права бековъ въ этотъ періодъ сводились къ тому, что собственностью послѣднихъ признавались только тѣ земли, которыя были или пожалованы имъ ханами, напр. извѣстныя горы, или пріобрѣтены возмезднымъ путемъ отъ жителей, на всѣ же прочія земли, населенныя коренными обитателями страны или переселенцами, они, кромѣ права на надѣлъ, наравнѣ съ прочими жителями, не имѣли никакихъ правъ, такъ какъ эти земли всегда принадлежали обществамъ поселянъ, на нихъ живущимъ [1]).

Пользуясь податями съ жителей и не неся въ обыкновенное время никакихъ обязанностей, беки составили классъ людей праздныхъ по преимуществу. Не отличаясь отъ простого народа ни образованіемъ, ни образомъ жизни, читаемъ мы въ исторіи Дубровина [2]), они располагали только значительно большими средствами. Они имѣли отличную лошадь, саклю съ разноцвѣтными стеклами, но въ ней былъ такой же безпорядокъ и нечистота. Бекъ долженъ былъ имѣть ястреба, гончихъ, за столомъ пловъ и множество нукеровъ—вотъ и все его отличье отъ простолюдина. Поселившись тамъ, гдѣ считали болѣе привольнымъ, беки пріѣзжали въ свои имѣнія за сборомъ предоставленныхъ доходовъ; объ улучшеніи же сельскаго хозяйства они никогда не заботились и довольствовались тѣмъ, что родитъ земля, воздѣланная и засѣянная руками подвластныхъ имъ земледѣльцевъ. Жили по-азіатски въ полномъ смыслѣ слова—ѣли сытно, имѣли гаремъ, спали вдоволь и принимали гостей... Любили часто посѣщать другъ друга, и провести время среди равныхъ себѣ, поговоритъ о томъ, о семъ, вставляя въ свою рѣчь множество массаловъ (поговорокъ), покутить, а главное ничего не дѣлать. Такъ безполезно и праздно текла ихъ жизнь до владычества русскихъ въ Дагестанѣ, да и послѣ, какъ мы увидимъ, мало въ чемъ измѣнилась.

Теперь переходимъ къ другому сословію—сословію крѣпкихъ землѣ людей, образованіе и укрѣпленіе котораго шло параллельно съ развитіемъ бекскаго сословія.

деніе съ нимъ помириться безъ соблюденія обрядовъ, установленныхъ адатомъ для примиренія обыкновенныхъ узденей. Комаровъ А. В. Адаты etc. ib. 23. Уздень же убивался безъ всякаго разбора дѣла и суда за убійство бека.

[1]) Акты IX № 218, стр 202. Дубровинъ Н. Исторія войны, т. I, кн. II стр. 390.

[2]) Дубровинъ. Исторія войны ib. т. I к. II, стр. 390—391.

Матеріаломъ, изъ котораго образовался этотъ классъ, явились прежде всего рабы.

Рабы подъ именемъ куловъ и каравашей, какъ мы видѣли, существовали въ Дагестанѣ съ давнихъ поръ. Исламъ съ гуманнымъ взглядомъ на рабство [1]) не могъ уничтожить совершенно этого института; онъ только нѣсколько смягчилъ его характеръ. Во всякомъ случаѣ число рабовъ въ описываемый періодъ былъ весьма велико, такъ какъ намъ извѣстны цѣлыя деревни, населенныя рабами, какъ напр. въ Аваріи дер. Казъ, въ Казикумухѣ Кодрухъ, Четрухъ и друг...

По характеру исполняемыхъ работъ, рабы дѣлились на куловъ и каравашей, составлявшихъ главнымъ образомъ домашнюю прислугу беков, и чагаръ, на обязанности которыхъ лежали земледѣльческія работы [2]). Образовались чагары изъ рабовъ и рабынь, отпущенныхъ отъ господскаго двора для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ на господской землѣ, съ обязательствомъ исполнять повинности естественными произведеніями и издѣльныя. Перваго рода повинности заключались въ томъ, что все посѣянное на землѣ бека, за исключеніемъ зерна, нужнаго для посѣва и на прокормъ себя и семейства, чагаръ обязанъ былъ отдавать беку, издѣльныя же повинности не были опредѣлены обычаемъ и совершенно зависѣли отъ воли владѣльца [3]). Поселенные на земляхъ бека, они не имѣли на нее никакихъ правъ и сохраняли за собою при продажѣ только имущество, трудомъ своимъ пріобрѣтенное.

Будучи сословіемъ лично-зависимымъ, какъ кулы и караваши, такъ и чагары не пользовались гражданскими правами. За убійство ихъ виновный не подлежалъ ни кровной мести, ни изгнанію, а только уплачивалъ владѣльцу высшую плату, которая полагалась при оцѣнкѣ рабовъ. За то и рабъ, убившій узденя или бека, не подвергался кровомщенію, если только не былъ отпущенъ на волю: за него выходилъ въ канлы [4]) его владѣлецъ. Послѣднему же принадлежало и право иска за своихъ рабовъ...

---

[1]) Слов. Брокгауза и Эфрона, т. 51, стр. 48, слово Рабство.

[2]) Освобожденіе безправныхъ рабовъ etc. ib. 48—49.

[3]) Освобожденіе ib, 48. Комаровъ. Адаты etc. стр. 75.

[4]) Комаровъ. Адаты, стр. 24 и 75. Выходъ въ канлы—это изгнаніе изъ общества на болѣе или менѣе опредѣленное время.

Свободу какъ тѣ, такъ и другіе могли пріобрѣтать только съ согласія владѣльца посредствомъ освобожденія—дарового, или же по единовременному выкупу, или же наконецъ съ разсрочкой взноса выкупа на нѣсколько лѣтъ. Цѣны на рабовъ вообще обыкновенно зависѣли отъ тѣлосложенія и возраста продаваемаго, но если рабъ отличался особыми качествами, напримѣръ, каравашь—красотою, то цѣна возрастала до значительныхъ размѣровъ [1].

Потомки освобожденнаго раба не пользовались вполнѣ правами свободныхъ людей. Они не имѣли права рѣзать для пищи болѣе 3 барановъ на цѣлое семейство въ теченіе года, хотя бы по состоянію своему были и богаче кровныхъ узденей. Въ селеніи Чохъ освобожденные рабы и ихъ потомки до 4 колѣна обязаны были при передѣлѣ общественныхъ земель, бывающихъ черезъ 10 лѣтъ, давать по 1 котлу изъ особаго сплава, называемаго охи (цѣною въ 8—10 руб.). Одинъ изъ котловъ разбивался на мелкія части, остальные продавались, и за вырученную сумму дѣлалось угощеніе членовъ сельскаго управленія. Кромѣ того, разъ въ годъ, послѣ раздѣла покосовъ и пастбищныхъ мѣстъ, каждый освобожденный рабъ и его потомки обязаны были угощать всѣхъ узденей живущихъ на одной улицѣ [2].

Кромѣ этихъ двухъ сословій, привилегированнаго—бековъ и лично-зависимаго—куловъ, каравашей и чагаръ, всѣ остальные жители считались принадлежащими къ сословію узденей, бывшихъ свободными и подчинявшихся ханской власти только на правахъ подданства.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Павелъ Гидуляновъ.

---

[1]) Освобожденіе безправныхъ рабовъ ib. стр. 48—49.

[2]) Комаровъ А. В. Адаты etc. ib. 75, Воспоминанія Мутаммна Абдуллы Омаръ-оглы. Сборникъ свѣдѣн. о Кавказскихъ горцахъ въ т. I, стр. 37—38.

Страничка изъ сѣверо-кавказскаго богатырскаго эпоса.

ИНГУШСКО-ЧЕЧЕНСКІЯ СКАЗАНІЯ О НАРТАХЪ, ВЕЛИКАНАХЪ, ЛЮДОѢДАХЪ И ГЕРОЯХЪ, ЗАПИСАННЫЯ СО СЛОВЪ СТАРИКОВЪ-ИНГУШЕЙ ВЪ 1892 ГОДУ.

Посвящается

Всеволоду Федоровичу Миллеру.

I. Сказанія о нартахъ.

Какъ родился Сосна-Солса [1]).

Одна дѣвушка доила коровъ; близъ того мѣста, гдѣ она доила, былъ синій камень. Одинъ молодой человѣкъ, любившій эту дѣвушку, сѣлъ на этотъ камень и, глядя на нее, онъ пришелъ въ возбужденіе, отчего съ нимъ произошло что-то, и отъ этого въ камнѣ образовался зародышъ Соска-Солса. Объ этомъ знала святая женщина [2]) Сели-Сата; она пошла, разбила камень и взяла оттуда Соска-Солса.

На мой вопросъ, былъ-ли Соска-Солса героемъ народнымъ и приносилъ-ли онъ пользу народу,—Газбыкъ отвѣтилъ, что онъ помогалъ только своимъ орштхоямъ, близкимъ своимъ, но всему народу не былъ полезенъ. Вообще всѣ орштхои грабили и обижали другихъ людей.

Происхожденіе Газдіевыхъ Базоркиныхъ [3]).

Въ одномъ мѣстѣ былъ раздвоенный камень. Одинъ молодой человѣкъ легъ на этотъ камень и заснулъ; въ это время мимо

[1]) Разсказывалъ Газбыкъ Газіевичъ Хабіевъ Буржаевъ—столѣтній старикъ-ингушъ.

[2]) По-ингушски—Шейхъ.

[3]) Разсказывалъ Ганыжъ 60-лѣтній старикъ ингушъ, по фамиліи Келиговъ-Фалхановъ. Интересно сопоставить этотъ разсказъ съ предыдущимъ: разсказъ по содержанію одинъ и тотъ же, только въ первомъ говорится о происхожденіи Соска-Солса, а во второмъ—нынѣ еще живущей фамиліи Базоркиныхъ.

него прошла любимая имъ дѣвушка; онъ се увидѣлъ во снѣ и имѣлъ съ ней сношеніе: сѣмя его попало въ трещину камня. Когда онъ всталъ, то камень сомкнулся, и наверху образовалась шишка. Онъ спросилъ знающихъ людей: что это значитъ? Ему сказали, чтобы онъ всегда слѣдилъ за камнемъ. Шишка все росла и на девятый мѣсяцъ растрескалась, и оттуда вышло дитя. Отъ него произошли Газіевы (или Базоркины).

Батыгъ-Шертга [1]).

Батыгъ-Шертга былъ тоже изъ нартовъ и былъ товарищъ Соска-Солса. Онъ часто умиралъ и опять воскресалъ (ходилъ на тотъ свѣтъ и возвращался на этотъ). Однажды, когда онъ умеръ, ему зарѣзали двѣ курицы и одного пѣтуха. Когда онъ вернулся на этотъ свѣтъ, то окружающіе его сказали ему, что они зарѣзали ему въ садака [2]) много быковъ, барановъ и проч. Но онъ сказалъ, что ничего изъ того не видѣлъ, кромѣ двухъ куръ и одного пѣтуха. Тогда всѣ стали рѣзать скотину, зная, что все идетъ на пользу умершихъ ихъ предковъ [3]).

Соска-Солса и Батыгъ-Шертга [4]).

Когда умиралъ Соска-Солса, онъ позвалъ къ себѣ Батыга-Шертга и спросилъ его: „что стоитъ моя лошадь, которая перепрыгиваетъ черезъ башню, когда я разсержусь?“ — „Какая цѣна бываетъ дойной коровѣ, когда бываетъ засуха и голодуха среди людей, столько стоитъ твоя лошадь,“ отвѣтилъ Батыгъ-Шертга.—„А сколько стоитъ моя шашка, которой я разрубаю скалу?“ „Шашка твоя стоитъ столько, сколько-бы стоило одно ребро трехлѣтней нетельной (значитъ жирной) коровы въ годъ, когда люди готовы отнимать пищу другъ у друга“.—„Сколько будетъ стоить мое ружье, пуля котораго доходитъ до неба?“ — „Ружье твое стоитъ

---

1) Разсказывалъ Газбыкъ.

2) Садака—арабское слово—означетъ милостыню.

3) Это сказаніе важно, какъ объясняющее въ глазахъ народа необходимость дѣлать поминки по умершимъ; важно оно и для характеристики языческаго міровоззрѣнія ингушей, по которому люди живутъ на томъ свѣтѣ жизнью земною, и посвященная для нихъ на землѣ пища попадаетъ къ нимъ въ загробный міръ.

4) Записано со словъ старика Ганыжа.

столько, сколько стоитъ въ неурожайный годъ стволъ ружья, наполненный просомъ" — „Ну, хорошо, я-то самъ сколько стою?" „Я тебя не сравню и съ послѣднимъ человѣкомъ, такъ какъ ты противъ Бога войну велъ".—„Подобныхъ насмѣшекъ я никогда не переносилъ", сказалъ Соска-Солса и положилъ руку на рукоятку шашки.—„Ну, если такъ, я самъ не останусь на этомъ свѣтѣ", сказалъ Батыгъ-Шертга и скрылся на тотъ свѣтъ.

Сказаніе про нарта Соска-Солса и Охнырь-Канта [1]).

Соска-Солса ѣздилъ въ сел. Охкыръ, гдѣ жилъ Охкыръ-Кантъ съ цѣлью отбить у него жену. Въ то время Охкыръ-Канта не было дома. Жена его, узнавши, что Соска-Солса пріѣхалъ увезти ее, выдавила свое молоко, приготовила изъ него молочную кашу, прибавила сластей разныхъ и послала эту кашу съ своею матерью къ гостю. Соска-Солса, не зная, изъ чего она приготовлена, началъ ѣсть и выхвалять кашу, спрашивая, изъ чего она приготовлена. Мать отвѣтила, что эта каша приготовлена изъ молока ея дочери. Тогда Соска-Солса увидѣлъ, что онъ обманутъ ею, потому что сдѣлался съ этого времени молочнымъ братомъ жены Охкыръ-Канта и молочнымъ сыномъ ея матери; затѣмъ онъ уѣхалъ прочь [2]).

Соска-Солса и Колай-Кантъ [3]).

Колай-Кантъ жилъ въ пещерѣ, въ которой онъ запиралъ на ночь и нѣсколько тысячъ головъ баранты. Соска-Солса хотѣлъ угнать ихъ у него, но не могъ со всѣми своими всадниками-

---

[1]) Т. е. Охкырскаго наѣздника, (охкыръ—названіе мѣстности и Кантъ-наѣздникъ). Судя по смыслу сказанія, Охкыръ-Кантъ долженъ быть отнесенъ къ великанамъ, и я думаю—это нартъ. Соска-Солса жилъ, какъ и прочіе нарты-орштхои, въ осетинскомъ горномъ ущельѣ, гдѣ находится сел. Саниба, а Колай-Кантъ былъ галгаевецъ, ингушъ; тоже и Охкыръ. Записано со словъ столѣтняго старика Газбыка Газіевича Хабіева Буржаева въ г. Владикавказѣ.

[2]) Это сказаніе интересно въ томъ отношеніи, что иллюстрируетъ обычай установленія молочнаго родства у ингушей; обычай этотъ существуетъ и у другихъ горцевъ.

[3]) Это сказаніе тоже записано со словъ Газбыка одновременно съ предыдущимъ. Колай-Кантъ, значитъ колайскій-молодецъ-наѣздникъ. (Колай—названіе мѣстности). Надо полагать, что и Колай-Кантъ былъ Нартъ-великанъ.

нартами отодвинуть камень, загораживавшій входъ въ пещеру. Тогда онъ пустился на хитрость и къ Колай-Канту, ни разу въ жизни не имѣвшему никакого дѣла съ женщиною, послалъ одну красивую дѣвушку. Послѣ первой ночи, проведенной съ этой дѣвушкой, Колай-Кантъ такъ ослабѣлъ, что не могъ придвинуть плотно камня къ входу въ пещеру, и осталась щелка, въ которую могла пройти кошка. Послѣ второй ночи, оставшееся открытымъ отверстіе было больше прежняго; а послѣ третьей ночи отверстіе было открыто на половину. Тогда Соска-Солса вошелъ въ пещеру, перевязалъ спящаго Колай-Канта и угналъ всю его баранту. Колай-Кантъ проснулся и увидѣлъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Тогда онъ взялъ кость отъ ноги барана, сдѣлалъ изъ нея зурну [1]) и заигралъ на ней пѣсню [2]). На его зовъ (пѣсню) немедленно прискакала къ нему сноха его и освободила ему руки и ноги. Онъ пустился въ погоню за похитителями и прибылъ къ Тереку, когда Соска-Солса успѣлъ уже переправиться на тотъ берегъ рѣки и когда уже половина баранты была на томъ же берегу [3]). Колай-Кантъ хотѣлъ переправиться, но вода Терека сразу увеличилась, и онъ остался на этомъ берегу. Съ досады онъ тогда схватилъ двѣ огромныя скалы и бросилъ ихъ въ Терекъ, сказавъ: „Если-бы я догналъ тебя, то вотъ что сдѣлалъ бы“. Оба камня вонзились на половину въ землю и такъ стоятъ и теперь. Соска-Солса тоже кинулъ камень, немного меньше, нежели тотъ, и онъ тоже стоитъ на томъ мѣстѣ, воткнувшись въ землю. Камни эти стояли при сліяніи рѣки Армхи съ Терекомъ, противъ Джераховскаго поста на Военно-Грузинской дорогѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ они всѣ были тамъ, но недавно одинъ камень Колай-Кантъ смытъ водой.

Соска-Солса и накыстцы [4]).

Соска-Солса однажды поѣхалъ на своемъ конѣ въ селеніе Пакыстъ (недалеко отъ Тумги Галгаевскаго общества). Онъ въѣхалъ

---

[1]) Зурна, въ родѣ гобоя, здѣсь скорѣе свирѣль.

[2]) Мотивъ этотъ извѣстенъ народу и до сихъ поръ и называется пѣсnью Колай-Канта. Ее пѣлъ мнѣ старикъ-разсказчикъ.

[3]) Подразумѣвается лѣвый берегъ Терека, такъ какъ Соска-Солса угонялъ добычу къ себѣ въ Осетію изъ Галгая.

[4]) Записано со словъ Газбыка.

въ селеніе, доѣхалъ до средины, но никто его не пригласилъ къ себѣ въ гости; и такъ какъ онъ долго стоялъ такъ на улицѣ, то лошадь его захотѣла пить; никто не далъ и воды для лошади. Тогда лошадь ударила копытомъ въ землю: образовался родникъ, и она напилась воды; родникъ этотъ существуетъ и понынѣ. Такъ какъ накыстцы оказались людьми негостепріимными, то Соска-Солса сказалъ, уѣзжая: „Пусть потомки ваши будутъ ниже другихъ (фамилій)". Дѣйствительно изъ этихъ накыстцевъ нѣтъ ни одного хорошаго человѣка [1]). Мѣстность у нихъ очень хорошая.

Хамчи-Патрижъ [2]).

Хамчи-Патрижъ родился на несчастіе человѣчества. Пока онъ не родился на свѣтъ, если брали землю въ руки и давили ее, изъ нея текло масло: до того было хорошо жить прежде до него; онъ же, родившись, принесъ съ собою несчастіе всему человѣчеству.

Однажды Хамчи-Патрижъ былъ въ гостяхъ у одной женщины; съ нимъ было еще много другихъ гостей. Хозяйка изъ двухъ горшней муки спекла хлѣбъ, котораго хватило на десять человѣкъ. Когда гости, удивившись тому, спросили ее—какъ она это сдѣлала, то она сказала, что эта мука съ того времени, пока еще не было на свѣтѣ Патрижа. Тогда Патрижъ съ горя хотѣлъ убить себя, но хозяйка удержала его, сказавъ: „Все равно теперь не измѣнишь этого, хотя бы ты и умеръ—это воля Божья".

Къ этому прибавляю то, что сообщилъ мнѣ о Хамчи-Патрижѣ другой старикъ Ганыжъ. По его словамъ, Хамчи-Патрижъ жилъ еще во времена пророковъ. Съ его рожденіемъ пропалъ на землѣ баракятъ, т. е. благодать. Когда ему сказали, что баракятъ не возстановится и по смерти его, то онъ умеръ съ досады [3]).

---

[1]) Это показываетъ, какъ высоко стоитъ гостепріимство въ глазахъ ингушей.

[2]) У осетинъ Хамыцъ сынъ Батраза-нарта. Записано со словъ Газбыка. Хамчи—имя отца; Патрижъ—имя самого героя сказанія.

[3]) Замѣчательный альтруизмъ въ воззрѣніяхъ ингушей. Человѣкъ, приносящій несчастіе ближнему, не считаетъ себя въ правѣ жить.

Гибель орштхоевъ [1]).

У нартовъ [2]) былъ неурожай въ теченіе семи лѣтъ; они отнимали хлѣбъ у другихъ людей и кое-какъ перебивались. Но, въ концѣ концовъ, имъ волей-неволей приходилось умирать голодною смертью. Поэтому они начали пить растопленную мѣдь, чтобы поскорѣе избавиться отъ мученій. Всѣ они отъ этого умерли, не умеръ только одинъ Соска-Солса [3]); ему сильно захотѣлось пить воды, но онъ не имѣлъ силъ встать и, лежа, сталъ просить воды у птицъ, пролетавшихъ надъ нимъ. Ни одна птица не исполняла его мольбы. Одинъ лишь голубь сжалился надъ умирающимъ и принесъ ему воды. За это Соска-Солса оторвалъ волосъ отъ своего уса и привязалъ къ шеѣ голубя, велѣвъ ему произносить имя свое до свѣтопреставленія. У этого голубя и теперь на шеѣ видна бѣлая полоса отъ волоса Соска-Солса, и онъ постоянно выкрикиваетъ: „Калігъ Соск-Солса. Калігъ Соск-Солса“ [4]).

Отчего Богъ истребилъ орштхоевъ [5]).

Соска-Солса однажды поѣхалъ на охоту съ нѣсколькими всадниками. Они убили зайца, передали его нарту Хамчи-Патрижъ [6]) и велѣли ему сварить его для кушанья. Сваривъ этого зайца, Хамчи-Патрижъ вынулъ его изъ котла и положилъ его на кустъ; заяцъ ожилъ и убѣжалъ, и когда Соска-Солса возвратился и хо-

---

1) Записано со словъ старика-Газбыка, о которомъ говорилось выше. Разсказчикъ Газбыкъ смѣшиваетъ нартовъ и орштхоевъ, но, какъ мы увидимъ ниже, другой разсказчикъ Ганыжъ проводитъ между тѣми и другими большую грань.

2) Собственно у орштхоевъ.

3) Соска-Солса—главный изъ всѣхъ орштхоевъ. У ингушей онъ считается святымъ.

4) Это означаетъ: бѣдный Соска-Солса. Газбыкъ меня увѣрялъ, что самъ онъ видѣлъ голубя и слышалъ крикъ его. Не нужно думать, что голубь этотъ тотъ самый, который далъ пить нарту; отъ него размножилась цѣлая порода подобныхъ ему голубей.

5) Записано со словъ Газбыка; какъ я уже говорилъ раньше, онъ орштхоевъ называетъ и нартами. Это преданіе имѣетъ тѣсную связь съ предыдущимъ.

6) Хамчи—имя отца; Патрижъ—имя сына. Осетинскіе нарты, соотвѣтствующіе имъ: Хамыцъ и Батразъ.

тѣлъ закусить, зайца не оказалось. Тогда Соска-Солса сталъ требовать отчета отъ Хамчи; тотъ сказалъ, что заяцъ убѣжалъ, когда онъ его сварилъ и положилъ на кустъ. Соска-Солса не повѣрилъ ему и говоритъ: „лучше отдай зайца, но можетъ быть, чтобы свареный заяцъ убѣжалъ; это ты насмѣхаешься надо мною". Тотъ сталъ его увѣрять въ томъ, что это дѣйствительно такъ и было, хотя самъ не знаетъ отчего. Соска-Солса спросилъ всадниковъ, вѣрятъ-ли они словамъ Хамчи-Патрижъ или нѣтъ. Тѣ отвѣтили, что это неправдоподобно. Тогда Соска-Солса отсѣкъ голову Хамчи-Патрижъ. Но потомъ они стали раскаиваться, что убили его, и одинъ изъ нихъ догадался предложить положить и Хамчи-Патрижъ на тотъ кустъ, о которомъ онъ говорилъ: Хамчи-Патрижъ ожилъ. Съ тѣхъ поръ убитаго товарища нарты всегда клали на этотъ кустъ и оживляли. За это Богъ истребилъ нартовъ, пославъ имъ страшный голодъ [1]).

Замѣчаніе о нартахъ [2]).

Какъ было сказано выше, старикъ Ганыжъ отличаетъ нартовъ отъ орштхоевъ. Часто говорятъ: „нартъ-орштхой", соединяя тѣхъ и другихъ въ одно понятіе (Ганыжъ говоритъ, что это дѣлается для пущей важности). По его словамъ, тѣ и другіе жили во времена пророка Моисея. Всѣ нартъ-орштхои вели бродячій образъ жизни, грабили народъ и нападали. Число ихъ неизвѣстно. По словамъ Ганыжа, нарты жили въ сел. Яндырчъ, около Назрани (Владикавказскаго округа), а орштхои жили въ самомъ Назранѣ. Какъ нарты, такъ и орштхои были люди, которыхъ просьбы Богъ всегда исполнялъ. Нарты были люди богоугодные, жившіе по указанію божьему, ведшіе благочестивую жизнь. Орштхои же жили вопреки велѣніямъ Бога, грабили, убивали другихъ. Орштхои были храбрѣе нартовъ. Остались ли отъ нартовъ и орштхоевъ потомки или нѣтъ—неизвѣстно. По всей вѣроятности, они погибли всѣ. По приведенному выше сказанію и по подтвержденію

[1]) Смыслъ сказанія таковъ, что нарты были истреблены Богомъ за то, что они пошли противъ законовъ природы, противъ Бога и не хотѣли умирать.

[2]) Эти свѣдѣнія получены мною послѣ настойчивыхъ и долгихъ разспросовъ урывками отъ старика Ганыжа.

Ганыжа, орштхои умерли всѣ, выпивъ растопленную мѣдь. Нарты же, услышавъ, что тѣ умерли праведниками, сами стали просить смерти у Бога и тоже умерли. Одинъ изъ орштхоевъ былъ извѣстный развратникъ. Говорятъ, что онъ обманулъ и соблазнилъ мать всѣхъ водъ (по-ингушски—„химехки-нана)" [1]). Всѣ нарты-орштхои погибли у Татаръ-Тупа (станція Владикавказской желѣзной дороги).

Напечатанные въ XXII вып. за 1897 г. и XXVIII вып. за 1900 г. Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, отд. III, чеченскіе тексты, записанные въ сел. Гехи, первые—чеченцемъ Магомаевымъ, съ замѣтками А. Грена и Л. Л., а вторые—Эльдархановымъ, содержатъ также довольно интересныя данныя о чеченскихъ нартахъ. Селеніе Гехи находится въ плоскостной Чечнѣ, и по записаннымъ съ устъ его обитателей сказаніямъ можно судить, какъ забываются нартовскія сказанія въ плоскостной Чечнѣ. Чеченцы успѣли уже дать нартамъ магометанскія имена вродѣ Али; по словамъ Магомаева, извѣстны еще два имени нартовъ Кесли и Ичерхо; настоящихъ же именъ нартовъ, общихъ ингушамъ, осетинамъ, кабардинцамъ и горцамъ Кабарды, повидимому, плоскостные чеченцы уже не знаютъ теперь. Эти сказанія еще разъ подтверждаютъ нашъ выводъ, что чеченцы не отличаютъ нартовъ отъ орхустойцевъ, называя 63-хъ нартовъ-эрхустойцевъ и просто нартами. Нарты у нихъ являются людьми неимовѣрной силы, со сверхъестественными свойствами, воинственными, жаждущими приключеній и враждебно относящимися къ людямъ, какъ къ таковымъ, отъ коихъ они живутъ отдѣльно; это не простые люди, а богатыри; всѣ они выпили расплавленную мѣдь и переселились на небо; чеченцы говорятъ, что звѣзды Большой Медвѣдицы—это пропавшіе нарты. Г. Гренъ, Л. Л. и д-ръ Пфафъ считаютъ нартовъ самыми древними насельниками Сѣвернаго Кавказа, жившими на Кавказѣ до появленія сѣверо-кавказскихъ туземцевъ. Самое слово „нартъ" г. Л. Л. производитъ отъ иранскаго „мардъ"—человѣкъ. Всѣ эти догадки весьма интересны, но остаются пока одними предположеніями и гипотезами. Для разгадки истиннаго характера нартовскихъ сказаній нужны исчерпывающія изслѣдованія сказаній у всѣхъ кавказскихъ народностей и

[1]) Это богиня водъ.

освѣщеніе таковыхъ изслѣдованій историко-сравнительнымъ методомъ. А пока нужно бы заняться собираніемъ сказаній у всѣхъ народовъ Кавказа.

II. Сказанія о великанахъ [1]) („вамположъ") [2]).

Было это давно, но старики передаютъ такъ. Былъ въ одномъ селеніи человѣкъ, который въ присутствіи своей жены поднималъ корову за хвостъ, переносилъ черезъ заборъ, опускалъ на землю, опять поднималъ и переносилъ назадъ; послѣ этого всегда онъ билъ свою жену и спрашивалъ у нея: „Скажи, кто сильнѣе меня на свѣтѣ?" Жена не могла указать никого. Объ этомъ узнала жена Пезъ-Аміева; она пришла къ женѣ силача и сказала ей: „Что же ты не знаешь, когда я, послѣдняя женщина въ селеніи, и то знаю это; пусть онъ переправится черезъ гору; на той сторонѣ горы люди удятъ рыбу; пусть онъ съ ними помѣряется силою—они сильнѣе его".

Вечеромъ силачъ приходитъ домой и, поднявъ корову за хвостъ, опять спрашиваетъ жену: „Скажи, кто сильнѣе меня на свѣтѣ". Жена отвѣтила: „переправься черезъ гору; тамъ ты найдешь людей, удящихъ рыбу: тѣ сильнѣе тебя". Силачъ перешелъ черезъ гору и увидѣлъ трехъ человѣкъ, удившихъ рыбу. Онъ сказалъ имъ: „Давайте силу пробовать"!—„Зачѣмъ намъ силу пробовать. Мы не знаемъ, зачѣмъ ты пришелъ; иди лучше сюда, а тамъ мы и силу попробуемъ". Онъ подошелъ къ нимъ. Тогда одинъ изъ братьевъ сказалъ: „На, держи удочку, пока я схожу на дворъ". Тотъ взялъ удочку; тотчасъ же зацѣпилась за нее рыба и стала его тянуть въ воду. Тогда тотъ, который сидѣлъ по близости отъ него, сидя, схватилъ силача одной рукой и привлекъ его къ себѣ съ рыбой совсѣмъ.—„А, ты пришелъ этакую силу пробовать съ нами". Сказавъ это, онъ подулъ на него и отбросилъ его къ среднему брату, тотъ дунулъ и отбросилъ его къ третьему брату; и такъ онъ сталъ летать отъ одного брата къ другому.—

---

[1]) Записано со словъ Ганыжа.

[2]) Это слово ингушское—значитъ „великаны", единств. чис. „вамполъ". Сказаніе о вамполахъ печатается впервые. Доселѣ о нихъ въ печати имѣлась лишь небольшая замѣтка г. *Ахріева* въ VIII вып. Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ, стр. 7.

„Вотъ Богъ послалъ намъ забаву, есть чѣмъ позабавиться“—говорили они. Возвращаясь домой, они также подували на него, и онъ летѣлъ впереди ихъ по дорогѣ. Остановившись отдыхать, они пообѣдали, легли спать и оставили въ сторонѣ силача, намѣреваясь опять поиграть съ нимъ, когда проснутся. Онъ однако убѣжалъ, когда они заснули. На дорогѣ онъ встрѣтилъ одного человѣка-вамполъ (великана) огромнаго роста, безъ одной руки и безъ одного глаза [1]); одной рукой онъ везъ тринадцать арбъ сѣна. Онъ обратился къ вамполу со словами: „hи дели hашусъ“ (я твой и Божій гость). Послѣ этихъ словъ вамполъ не могъ его не принять, и онъ предложилъ ему взлѣзть на арбу и укрыться рогожкой [2]). „Нѣтъ, ты мнѣ дай болѣе безопасное мѣсто“.—„Куда же помѣстить тебя“? „Ну, полѣзай въ штаны“. И силачъ весь скрылся въ его штанахъ. Вамполъ пошелъ себѣ дальше. На встрѣчу ему бѣгутъ три брата-рыбака.—„Не видалъ-ли ты нашей игрушки“?—„Какой игрушки? ничего я не видалъ“.—„Нѣтъ, ты, должно быть, видѣлъ, лучше скажи.“—„Уходите прочь отъ меня, а то я побью васъ“.—„Не легко насъ побить, и мало найдется такихъ“, отвѣчали тѣ. Тогда онъ размахнулся и ударилъ рукою одного изъ нихъ по щекѣ, и всѣ трое повалились отъ одного удара. Вамполъ обратился къ своему гостю: „Вырви-ка одинъ волосъ сзади у меня“. Тотъ уперся обѣими ногами (о задъ) и, надрываясь, насилу вырвалъ одинъ волосъ и передалъ вамполу. Онъ взялъ волосъ, перевязалъ всѣхъ троихъ братьевъ и сказалъ: „Ну, теперь разскажите мнѣ, что такое у васъ произошло?“ Тѣ ему разсказали, какъ первый человѣкъ пришелъ къ нимъ помѣряться силою, когда они удили рыбу, какъ они возвращались домой и, когда легли спать, онъ убѣжалъ отъ нихъ. Тогда вамполъ говоритъ троимъ братьямъ-вамполамъ [3]): „Вотъ послушайте меня. Насъ было семеро братьевъ. Мы тоже вышли помѣряться силою, считая себя сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Идемъ мы и встрѣчаемъ пастуха, огромнаго роста, одноглазаго, погоняющаго громадное стадо баранты. При одномъ видѣ его мы всѣ пе-

---

[1]) Какъ увидимъ изъ разсказа, этотъ великанъ не былъ одноглазымъ отъ рожденія, а только лишился одного глаза.

[2]) Тутъ выступаетъ вся сила обычая гостепріимства у ингушей; передъ нимъ преклоняется даже людоѣдъ-великанъ.

[3]) Всѣ они были „вамполъ“ великаны послабѣе одноглазаго.

репугались и запрятались въ черепъ лошади, лежавшій тутъ же недалеко (и лошади въ тѣ времена были большія) [1]. Подбѣжала къ намъ огромная собака пастуха, потащила черепъ со всѣми нами и положила у ногъ его.—„Спасибо тебѣ, моя собака, за гостинецъ", сказалъ пастухъ, продѣлъ палку въ дыру черепа и, положивъ насъ на плечо, пошелъ себѣ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало. Придя домой, онъ изжарилъ шестерыхъ братьевъ моихъ на вертелѣ, съѣлъ ихъ и легъ спать, оставивъ меня на утро для закуски. Когда онъ заснулъ, я взялъ шампуръ, накалилъ его въ каминѣ и однимъ ударомъ пронзилъ ему глазъ.—А! ты лишилъ меня глаза; погоди же, все равно ты не уйдешь теперь отъ меня", сказалъ пастухъ и утромъ сталъ выпускать баранту по одной штукѣ и по спинѣ каждаго барана водилъ рукой, ища меня. Видя неизбѣжность моей гибели, я взялъ, зарѣзалъ козла и, надѣвъ на себя его шкуру, прошелъ мимо пастуха, обманувъ его такимъ образомъ. Вышедши изъ пещеры, я погналъ все стадо и, отойдя далеко, крикнулъ ему: „Ты съѣлъ моихъ шестерыхъ братьевъ, но я спасся и лишилъ тебя глаза, отомстивъ тебѣ хоть сколько нибудь, и теперь угоняю твое стадо". Какъ только я сказалъ это, пастухъ бросилъ огромную скалу въ направленіи, откуда слышался мой голосъ, и этой скалой оторвалъ у меня одну руку и лишилъ одного глаза. Такъ вотъ совѣтъ мой вамъ: не считайте себя сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а живите себѣ каждый для себя". Сказавъ это, онъ отпустилъ ихъ, и всѣ они разошлись во-свояси.

О людоѣдахъ „Гарбожъ".

Скажемъ тутъ же нѣсколько словъ о великанахъ типа Гарбожъ, или Гарбашъ. Объ нихъ у насъ имѣются два сказанія. Первое изъ нихъ касается встрѣчи Соска-Солса съ тазовою костью колоссальныхъ размѣровъ; воскрешенный, по просьбѣ Солсы, великанъ умираетъ снова.

Болѣе ясное о нихъ представленіе получается изъ второго сказанія о встрѣчѣ нартъ-орштхоя Чопа съ тремя Гарбожъ. Эти люди необыкновеннаго роста и физической силы; дубинами у нихъ служатъ вѣковые чинары. Отличительнымъ признакомъ ихъ отъ вам-

[1]) Замѣчаніе разсказчика.

половъ служитъ то, что они живутъ въ лѣсахъ и у нихъ имѣется волшебный оселокъ, прикосновеніе котораго залѣчиваетъ раны. Отмѣтимъ еще, что преданіе приписываетъ одной изъ гарбожъ 9000 головъ.

Обращаясь къ литературѣ, мы находимъ о тѣхъ же гарбожъ указанія, у г. Ахріева (Сб. св. о к. г. вып. VIII), гдѣ Соска-Солса также встрѣчается съ тазовою костью. Воскрешенный гарбожъ (впрочемъ, имя не названо) передаетъ интересныя свѣдѣнія изъ жизни ихъ временъ. Онъ говоритъ, что они дрались чинарами, что люди, смѣнившіе ихъ, т. е. нарты, должны быть умнѣе ихъ; но за то у нихъ нѣтъ той благодати, какая была въ ихъ время. Въ другомъ мѣстѣ (Сб. св. о к. г. вып. V.) г. Ахріевъ говоритъ, что гарбожъ—это была рабыня, людоѣдка, девятиголовая; она имѣла оселокъ, оживляющій мертваго. Далѣе приведено преданіе о встрѣчѣ орштхоевъ съ нею и ея 13 сыновьями. Нарты-орштхои спаслись хитростью, задавъ имъ загадку и заставивъ этимъ тѣхъ перерѣзать другъ друга (мотивъ общій сказаніямъ другихъ горцевъ Кавказа, наприм. осет. сказанію „бычачья лопатка", „Великаны и Даредзаны" [1]) и др.). О встрѣчѣ Чопа съ „лѣсными людьми" говоритъ также сказаніе, записанное г. Ахріевымъ (Сб. св. о к. г., вып. VIII, 28); сверхъ того, что сказано въ нашемъ сказаніи о Чопѣ, здѣсь говорится еще о связи послѣдняго съ лѣсной женщиной и смерти его отъ руки сына ея за убійство дяди, мстившаго ему.

Замѣчаніе.

Ингуши такъ выражаются: „если даже ты будешь такой большой, какъ вамполъ—(великанъ), и ты ударишь человѣка, все-таки онъ тебѣ отвѣтитъ", желая этимъ показать, что храбрый человѣкъ не долженъ никого и ничего на свѣтѣ бояться. Вамполы нѣкогда обитали въ странѣ, гдѣ живутъ ингуши. Въ пещерѣ возлѣ старинной церкви Тхаба-ерда въ Галгаѣ [2]) находятся огромныя тазовыя кости вамположъ [3]); во время засухи ихъ берутъ и, привязавъ къ веревкѣ, держатъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока не

---

[1]) См. сб. мат. для изслѣд. IV. II, стр. 16 и друг.

[2]) Подробное описаніе этой церкви см.: „Труды экспедиціи, снар. на Высочайше даров. средства". т. I. М. 1888 г.

[3]) По словамъ В. Миллера, эта кость обыкновенной величины. См. ibid.

пойдетъ дождь. По словамъ разсказчика, послѣ этого всегда идетъ дождь.

Въ дополненіе къ сказанному остается прибавить немногое. Въ VIII в. Сб. св. о Кав. гор. въ статьѣ г. Ахріева на стр. 6-й мы находимъ слѣдующее: „Въ одно время съ Соска-Солса жили въ горахъ джелты (греки), народъ образованный; они построили много замковъ и башенъ и впослѣдствіи уѣхали въ другую страну, оставивъ клады. Послѣ джелтовъ жили тамъ „вамположъ"; между ними были двуротые. Въ то время въ долинѣ Терека жили кабардинцы. Въ скоромъ времени на вамположъ разсердился Богъ, и они стали умирать. Кабардинцы, жившіе тогда въ Терской долинѣ, принуждены были выселиться въ степь, разбитые вамположью. Вотъ все, что до сихъ поръ извѣстно о вамполахъ. Эти скудныя свѣдѣнія сами по себѣ говорятъ очень мало о народѣ вамполъ. Поэтому весьма цѣннымъ для насъ является сказаніе о вамполахъ, которое удалось намъ записать, благодаря счастливой случайности. Какъ видитъ читатель, дѣйствующія лица въ этомъ сказаніи, всѣ—люди необыкновенные, всѣ они больше и сильнѣе обыкновенныхъ людей и всѣ они называются вамполъ. Слѣдовательно, несомнѣнно, что это суть великаны. Изъ этого же сказанія, которое цѣликомъ выражаетъ одну идею—что не нужно гордиться и хвалиться своею силою, что на свѣтѣ найдется сильнѣе тебя,—явствуетъ, что и вамполы сами подраздѣляются по своей физической силѣ и нѣкоторымъ другимъ отличительнымъ признакамъ на нѣсколько категорій; въ нашемъ сказаніи этихъ категорій четыре, начиная отъ вампола, подымающаго корову за хвостъ, и кончая исполиномъ-одноглазомъ. Какая неимовѣрная сила приписывается сказаніемъ этому кавказскому Полифему, можно судить потому, что онъ зажариваетъ и поѣдаетъ не обыкновенныхъ смертныхъ, а великановъ же, одни волосы которыхъ напоминаютъ бичевки, имѣющія три-четыре вершка въ діаметрѣ, и силища которыхъ такова, что одинъ изъ нихъ тащитъ одной рукой тринадцать возовъ сѣна. У ингушей въ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ еще и другого рода великановъ „гарбашъ", о которыхъ было сказано выше; слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на нашемъ сказаніи, представляющемъ собою въ высшей степени характерный видъ сказанія формулы Полифема. „Изученіе Кавказскихъ сказаній имѣетъ значеніе для исторіи распространенія эпическихъ сказаній", гово-

ритъ уважаемый профессоръ В. Ѳ. Миллеръ въ статьѣ „Кавказскія сказанія о циклопахъ“ [1]). Въ настоящее время извѣстно уже до пяти варіантовъ сказаній, относящихся къ типу Полифема, записанныхъ въ послѣднее десятилѣтіе у мингрельцевъ, чеченцевъ, осетинъ и дагестанцевъ.

Кромѣ кавказскихъ и извѣстнаго классическаго, извѣстно еще 12-ть сказаній формулы Полифема у разныхъ европейскихъ и частью азіатскихъ народовъ.

Хотя профессоръ Миллеръ и не находитъ возможнымъ установить генетическое отношеніе между всѣми этими сказаніями, но за то, по тщательной критикѣ ихъ, приходитъ къ выводу, что всѣ кавказскіе разсказы вообще ближе стоятъ къ древне-греческому, чѣмъ европейскіе, что объясняется географической близостью Кавказа и Греціи между собою съ одной стороны и близостью ихъ съ общей прародиной сказанія о Полифемѣ—Малой Азіей—съ другой. Вышесказанное удвоиваетъ интересъ къ изученію именно кавказскихъ варіантовъ сказанія.

Разбирая варіанты сказанія типа Полифема на Кавказѣ, проф. Миллеръ наткнулся на печальное отклоненіе отъ данной имъ характеристики кавказскихъ сказаній вообще при разборѣ чеченскаго варіанта. Вотъ что говоритъ названный ученый объ этомъ сказаніи, записанномъ г. Ахріевымъ въ 1870 году [2]): „Это сказаніе бѣдно и вставлено въ другой разсказъ, передаваемый Батерхомъ богатырю Лялъ-Султа“... Чеченскій разсказъ въ началѣ болѣе похожъ на осетинскій (объясняется сосѣдствомъ); но потомъ разница между ними—огромная; такъ, въ немъ нѣтъ ослѣпленія великана; роль барана въ осетинскомъ сказаніи здѣсь играетъ собака, которая приноситъ къ великану спрятавшихся въ черепѣ человѣка путниковъ. А главное, великанъ здѣсь, вопреки всѣмъ прочимъ варіантамъ, не одноглазый; при томъ никакого ослѣпленія его тутъ нѣтъ, нѣтъ, слѣдовательно, того героизма и того противоположенія ума обыкновенныхъ людей глупости великановъ, что составляетъ характернѣйшую черту всѣхъ прочихъ сказаній типа Полифема. Напротивъ, герой сказанія съ поджаренными боками еле-еле успѣваетъ доползти до мѣста спасенія, оставивъ кровь погибшихъ

---

[1]) См. Этнограф. Обозр., кн. IV (1890, № 1).
[2]) См. Сб. св. о кав. гор. вып. IV, отд. II, ст. 12.

товарищей неотомщенной. Спрашивается, какъ же можно послѣ такого отступленія чеченскаго сказанія отъ извѣстнаго типа его говорить о близости кавказскихъ сказаній вообще съ греческимъ? Если бы вопросъ оставался въ такомъ видѣ, то, конечно, тутъ видна кажущаяся непослѣдовательность, даже ошибочность. Но почтенный ученый не остановился на этомъ, не примирился съ явнымъ абсурдомъ, проповѣдуемымъ чеченскимъ сказаніемъ, съ искаженіемъ основного сюжета сказанія до нельзя, и въ этомъ сказалась вся плодотворность сравнительнаго метода въ рукахъ умѣлыхъ мастеровъ дѣла, позволяющаго даже прозрѣвать впередъ, заключать отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. В. Миллеръ говоритъ: „Вѣроятно, чеченскій разсказъ случайно оборванъ и существуютъ другіе варіанты, кончающіеся ослѣпленіемъ великана." Эти слова были высказаны въ 1890 году, и мы-бы не придавали имъ такого важнаго значенія, если-бы теперь въ записанномъ нами сказаніи объ Одноглазѣ не нашли блестящаго подтвержденія ихъ. Слѣдуетъ теперь отмѣтить основныя и спеціальныя черты сходства между греческимъ и записаннымъ нами ингушскимъ, или иначе чеченскимъ, варіантами.

1) Полифемъ представляется пастухомъ-скотоводомъ, ухаживающимъ за своимъ стадомъ; такъ же точно изображенъ чеченскій Одноглазъ.

2) Дубина Полифема была „свѣжій стволъ изъ обрубленной маслины дикой"; чеченскій одноглазъ имѣетъ также огромную палку, которую онъ вдѣваетъ въ черепъ и приноситъ на плечѣ сидящихъ въ немъ великановъ.

3) Придя домой, Полифемъ прежде всего раскладываетъ „яркій огонь". Чеченскій одноглазъ также раскладываетъ огонь и, зажаривши шестерыхъ великановъ, поѣдаетъ ихъ и ложится спать.

4) И въ чеченскомъ варіантѣ ослѣпленіе великана производится острымъ орудіемъ.

5) По ослѣпленіи одноглаза и въ греческомъ и въ чеченскомъ сказаніи герои уходятъ живыми, хотя въ чеченскомъ онъ и пострадалъ порядочно.

Въ заключеніе укажемъ на то, что виновникомъ искаженія сказанія, записаннаго г. Ахріевымъ, былъ не народъ, а разсказчикъ. Это ясно изъ того, что 20 лѣтъ спустя, мы разыскали у другого разсказчика настоящее, неискаженное сказаніе.

Гарбаша (великаны-чудовища) [1].

Гарбаша были до того огромны, что громадный нартъ Соска-Солса верхомъ на конѣ проѣхалъ черезъ отверстіе тазовой кости одного изъ нихъ. Соска-Солса удивился и сталъ просить Бога, чтобы онъ воскресилъ великана, но безъ глазъ. По просьбѣ Соска-Солса Богъ воскресилъ великана; великанъ сталъ молить Бога, чтобы онъ далъ ему глаза. Тогда Соска-Солса испугался, какъ бы Богъ не исполнилъ просьбу великана и не далъ ему глазъ, и сталъ молить, чтобы тотъ опять умеръ. Гарбаша умеръ. Эти великаны жили на землѣ раньше нартовъ.

Гарбашъ (великанъ-чудовище) [2].

Наши отцы говорили, что одна гарбашъ имѣла девять тысячъ головъ. Были между ними мужчины и женщины; они жили совершенно отдѣльно отъ обыкновенныхъ людей и вели особый образъ жизни.

Однажды орштхоецъ Чопа Борганъ видѣлъ, какъ гарбаши дрались. Вотъ что разсказываетъ намъ преданіе стариковъ.

Однажды Чопа Боргановъ поѣхалъ верхомъ на лошади; проѣзжая по степямъ, онъ заѣхалъ въ лѣсъ. Когда онъ проѣзжалъ черезъ этотъ лѣсъ, то увидѣлъ кровавую рѣку. Онъ удивился этому и далъ себѣ слово не уѣзжать, не узнавъ сперва, откуда эта кровь, и поѣхалъ вверхъ по теченію рѣки. Когда онъ доѣхалъ до опушки лѣса, онъ увидѣлъ лежащаго на боку человѣка, величиною какъ скала. Оказалось, что онъ порѣзалъ себѣ мизинецъ, и кровавая рѣка образовалась изъ крови этого человѣка. Когда Чопа подъѣхалъ къ нему, то Гарбашъ спросилъ его: „Что ты за человѣкъ и зачѣмъ пришелъ сюда?" Тотъ отвѣчалъ: „Я Чопа-Борганъ; проѣзжая по лѣсу, я увидѣлъ кровь, и мнѣ захотѣлось узнать, откуда кровь вытекаетъ и гдѣ ея начало".—„Да", сказалъ Гарбашъ, „я слышалъ много о тебѣ, что ты витязь; но на самомъ дѣлѣ оказывается, ты не что иное, какъ муха".—„Ну что же муха не муха, тотъ самый Чопа я и есть. А ты зачѣмъ порѣзалъ свой мизинецъ и валяешься здѣсь?"—„А вотъ, отвѣчалъ Гарбашъ: дру-

[1] Записано со словъ Газбыка.

[2] Этотъ разсказъ принадлежитъ Ганыжу.

гой Гарбашъ поѣхалъ за просватанной мнѣ дѣвушкой, я же хочу отбить ее у него и отомстить ему за это и караулю его на дорогѣ здѣсь, но, боясь заснуть и проспать, взялъ порѣзалъ себѣ мизинецъ".—„А, можетъ быть, я тебѣ въ чемъ-нибудь помогу"— сказалъ Чопа.—„Въ чемъ же ты можешь помочь мнѣ?"—„Да хоть разбужу тебя, если ты заснешь".—„Какъ и чѣмъ ты меня разбудишь?"—„Я выстрѣлю изъ ружья".—„Нѣтъ, ты меня этимъ не разбудишь; а вотъ я прилягу головой къ чинару, и когда вдали покажется туманъ, то ты подруби чинаръ; когда дерево упадетъ на мою голову, я проснусь". Сказавъ это, онъ прилегъ головой къ чинару. Чопа сидѣлъ, сидѣлъ и увидѣлъ, что между двумя хребтами по долинѣ показался туманъ. Онъ мигомъ схватилъ топоръ, подрубилъ чинаръ и свалилъ его; чинаръ упалъ на голову, и Гарбашъ проснулся.—„Что такое? зачѣмъ ты разбудилъ меня?" —„А вонъ туманъ".—„Это не туманъ, а паръ отъ быковъ, на которыхъ онъ везетъ мою невѣсту. Надо приготовиться".—„А можетъ быть, я и въ дракѣ помогу тебѣ?" сказалъ Чопа.—„Нѣтъ, ты мнѣ не поможешь въ дракѣ. Ты лучше спрячься, и когда мы закричимъ, то подойди къ намъ; мы тогда умремъ оба; тебѣ останется дѣвушка, при ней будутъ деньги: какъ угодно, ты ими распоряжайся". Когда туманъ приблизился, то Гарбашъ схватилъ чинаръ, вырвалъ его съ корнями, обчистилъ, какъ траву, и приготовился въ ожиданіи врага. Когда противникъ приблизился къ тому мѣсту, онъ кинулся на него. Тотъ тоже схватилъ чинаръ, и они начали бить другъ друга; чинары поломались. Тогда они схватили топоры и стали наносить удары, но у нихъ обоихъ были волшебные оселки и, потерши ими, они заживляли раны. Въ концѣ концовъ они оба заревѣли и упали мертвыми. Тогда Чопа подошелъ къ дѣвушкѣ, говоря: „Да, это не худо; гарбаши убили другъ друга, а мнѣ осталась дѣвушка и остались деньги".—„А что ты хочешь со мною сдѣлать?"—сказала дѣвушка.—„Конечно, возьму тебя для себя".—„Хорошо, иди сюда; я разставлю ноги, и если ты, вытянувшись во весь ростъ и протянувъ плеть, рукою достанешь до моихъ шальваровъ [1]), то ты для меня годишься, а если не достанешь, то я и ты не годимся другъ для друга". Чопа сдѣлалъ такъ и не досталъ.—„Ну, хорошо, быть по твоему; ты

---

[1]) Говорится и „до колѣнъ".

пойдешь себѣ домой; будь себѣ счастлива; тѣмъ не менѣе я долженъ взять себѣ арбу, быковъ, деньги и все, что находится въ арбѣ". Гарбашъ пошла домой, а Чопа взялъ все и тоже отправился домой.

Замѣчаніе.

Въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXII за 1897 г., отд III на стр. 13,—приведено сказаніе про одноглазаго великана-пастуха, записанное въ плоскостной Чечнѣ въ селеніи Гехи. Сказаніе подъ названіемъ „Путешествіе нарта" соединяетъ въ себѣ варіанты сказанія объ одноглазѣ съ приведеннымъ нами ниже сказаніемъ про Баркима, убившаго похитителя своей жены и наказавшаго жену за измѣну. Въ этомъ сказаніи великанъ тоже—съ однимъ глазомъ посрединѣ лба и людоѣдъ; тутъ также фигурируетъ козелъ: герой разсказа—нартъ, подвязалъ себя подъ него, и одноглазъ ночью не могъ его найти; когда разсвѣло, онъ его отыскалъ, и между ними завязывается борьба, и нартъ, оказавшійся сильнѣе великана, убиваетъ послѣдняго, а не спасается, какъ бы слѣдовало ожидать, хигростью, ослѣпивши великана. Сказаніе это, сильно отступающее отъ основного типа сказанія о Полифемѣ, подверглось такой ломкѣ, подъ вліяніемъ всесокрушающаго времени, но интересно потому, что въ немъ говорится о природномъ одноглазѣ.

III. Преданія о герояхъ и богатыряхъ.

Могила Бексултана Бороганъ [1]).

Еще не такъ давно, когда кабардинцы жили въ окрестностяхъ Назрана [2]), была дѣвица, происходящая изъ фамиліи князей Ахловыхъ. Предки ея жили на правомъ берегу рѣки Сунжи. Мѣстность эта называется „Гязей Каувъ", (что значитъ усадьба Казія). Недалеко отъ названной усадьбы находится большой курганъ (иη-борзъ), насыпанный по преданію этой самой княжной Ахловой.

---

[1]) Преданіе это про Бексултана, могила котораго находится около Назрани и считается святыней у ингушей, записано со словъ жителя сел. Пліевскаго Исупа Наурузова-Ажигова. Человѣкъ, знающій это преданіе, нашелся лишь послѣ долгихъ поисковъ. Печатается впервые.

[2]) Назранъ—селеніе и крѣпость въ 20 верст. отъ Владикавказа.

Немного дальше отъ кургана къ сѣверу есть въ балкѣ родникъ, называемый „елнъ-hостъ“ (княгининъ родникъ) [1]; надъ этимъ родникомъ находится камень, а на камнѣ есть чашко-образная выбоина, куда, говорятъ, княгиня клала мыло во время стирки бѣлья.

Бексултанъ Бороганъ жилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится сел. Яндырское [2]. Онъ былъ влюбленъ въ княжну Ахлову, да и княжна была неравнодушна къ нему. Бексултанъ постоянно спалъ, стреноживъ лошадь, подложивъ сѣдло подъ голову и подостлавъ подъ себя бурку, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроена могила Бороха-кашъ (что значитъ: могила Бороха); на этомъ мѣстѣ онъ пасъ свой скотъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь не напала шайка абрековъ и не угнала его скота. Княжна выходила часто на курганъ иγ-борзъ и смотрѣла на Бексултана, а Бексултанъ на нее; и такъ они любовались другъ на друга. Недалеко отъ станицы Карабулакской [3] находится курганъ hэяси-γун-борзъ [4], гдѣ однофамилецъ Бексултана пасъ телятъ [5]. Однажды съ той стороны, гдѣ жили уздени Жогишевы, вышла шайка чеченскихъ наѣздниковъ и направилась къ Бексултану съ цѣлью угнать его скотъ и лошадей. Но Бексултанъ не потерялъ присутствія духа и началъ стрѣлять изъ ружья по врагамъ; братъ его, пастухъ телятъ, тоже сталъ стрѣлять во враговъ; оба они дрались со своими людьми, побѣдили и погнались за врагами съ обнаженными шашками въ рукахъ. Когда они истребили всѣхъ, за исключеніемъ одного человѣка, Бексултанъ погнался за этимъ человѣкомъ. Этотъ послѣдній сказалъ ему: „не гонись за мной: если получишь рану отъ пули моего ружья, то ты непремѣнно умрешь, потому что ружье мое изъ ружей Пяси-лача“. Но Бексултанъ, сказавъ: „пока не перебью всѣхъ, не вернусь домой“, не переставалъ преслѣдовать его. Тогда чеченецъ выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ Бексултана. Княжна же на томъ самомъ мѣстѣ (около сел. Яндырскаго), гдѣ спалъ Бексултанъ, выстроила

---

[1] Княгиня эта—мать названной княжны.

[2] Селеніе Яндырское находится при сліяніи рѣкъ Малой и Большой Яндырки, притоковъ Сунжи, на сѣверо-востокъ отъ Назрана, въ 8 верстахъ.

[3] Карабулакская ст. въ 7—8 вер. отъ Назрана, на сѣверо-востокъ, на лѣвомъ берегу р. Сунжи; отъ сел. Яндырскаго она отстоитъ въ 3 верстахъ.

[4] Т.-е. курганъ пастуха телятъ.

[5] Имя его было пастухъ телятъ.

существующій и понынѣ мавзолей „Бороха-кашъ" (могила Бороха), для чего она изъ Тифлиса на мулахъ возила камни. Когда часовня была готова и тѣло Бексултана перенесено въ нее, княжна поставила ручку кинжала на грудь Бексултана, а сама налегла на острый конець, и такимъ образомъ покончила съ собою; тѣло ея было положено рядомъ съ тѣломъ Бексултана.

Таково преданіе стариковъ о „Бороха-кашъ".

Есть преданіе, что большіе курганы, во множествѣ разбросанные въ окрестностяхъ Назрана, насыпалъ Котолъ-Раггаһ', т. е. Китайскій императоръ [1]).

Преданіе о происхожденіи фамиліи Барконхой [2]).

Баркимъ былъ изъ кумыковъ. Когда онъ еще жилъ на родинѣ съ кумыками, ему дали знать, что одна княжна назначила одному князю ночное свиданіе за ауломъ, куда она должна была придти со своею рабыней, чтобы бѣжать затѣмъ съ княземъ. Баркимъ раньше времени, назначеннаго княземъ для свиданія, отправился на назначенное мѣсто и послалъ отъ имени князя человѣка сказать княжнѣ, что онъ, князь, давно уже стоитъ на мѣстѣ и ожидаетъ ее. Княжна тотчасъ же съ рабыней и своими вещами отправилась на мѣсто, гдѣ долженъ былъ стоять князь; но на томъ мѣстѣ, конечно, она нашла не князя, а Баркима. Послѣдній схватилъ ее съ рабыней и ускакалъ верхомъ на лошади. Но, находясь подъ постояннымъ страхомъ ожидавшей его мести со стороны оскорбленнаго имъ князя, онъ не имѣлъ покоя на родинѣ и пошелъ съ своей женой странствовать по свѣту, ища, гдѣ бы можно было ему спокойно прожить. Пришелъ онъ въ Галгай [3]) къ галгайцамъ

1) Объ этихъ курганахъ и раскопкахъ ихъ см. „Пятый Археологич. Съѣздъ въ Тифлисѣ", Протоколы подгот. ком. Прилож. къ IX тому „Древностей" М. 1882 г. стр. 216 — „дневникъ раскопокъ, вед. въ 1879 г. В. Антоновичемъ" и далѣе стр. 297 — „днев. арх. раб. 1879 г. В. Беренштама." Приведенное мною преданіе даетъ нѣкоторое освѣщеніе вопроса о возникновеніи этихъ кургановъ.

2) Записано со словъ Даніила Котіева, въ с. Пліевскомъ, въ 2—4 вер. отъ Назрана, Владик. окр. Преданія о Баркимѣ напечатаны въ Сб. св. о кав. горц. вып. VI, но по содержанію они въ корнѣ расходятся съ нашимъ.

3) Галгай—горный кряжъ, съ правой стороны Военно-Грузинской дороги, считая по теченію Терека, и общество того-же наименованія.

и сталъ тамъ жить постоянно у однихъ кунаковъ [1]). Тамъ прижилъ онъ съ женой двоихъ дѣтей: первую дочь, а второго—сына. Послѣ рожденія сына, княжна начала просить пустить ее къ родителямъ. Но Баркимъ отвѣтилъ ей, что есть пословица: „Женѣ и лошади не вѣрь". И поэтому онъ не вѣритъ ей; можетъ быть, она не забыла еще кумыкскаго князя, за котораго собиралась выходить замужъ. Такимъ образомъ онъ не пустилъ ее. Тогда она обратилась съ просьбою къ кунакамъ, чтобы они упросили Баркима пустить ее къ родителямъ. Кунаки настояли на этомъ, говоря, что она уже женщина, имѣетъ двоихъ дѣтей и измѣнить ни въ какомъ случаѣ уже не можетъ. Баркимъ приготовилъ для нея все, что нужно на дорогу, и въ даръ роднымъ: барановъ, напитковъ, хлѣба и другихъ кушаньевъ и, назначивъ ей срокъ для возвращенія, отправилъ ее къ родителямъ. По прибытіи къ родителямъ и послѣ окончанія пиршества, она тайкомъ отправила къ князю человѣка съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Если я тебѣ теперь не противна, то выйду за тебя замужъ, а двоихъ дѣтей, прижитыхъ мною съ Баркимомъ, обратимъ въ твоихъ холоповъ".—Князь отвѣтилъ, что предложеніе ея онъ принимаетъ съ радостью. Но она все боялась своихъ братьевъ и не рѣшалась выходить за князя изъ родительскаго дома, а потому отъѣздъ къ мужу все откладывала.

Тогда Баркимъ, такъ какъ жена въ назначенный срокъ не пріѣхала домой, отправился за ней къ ея родителямъ. Когда, по пріѣздѣ его, они стали собираться въ обратный путь, то она дала знать князю, что они уѣзжаютъ и будутъ ночевать тамъ-то; она мужа подпоитъ, и тогда онъ можетъ убить его безъ труда и взять ее себѣ въ жены.

Когда Баркимъ съ женою и дѣтьми прибыли на назначенное ею мѣсто, то она сказала мужу: „Здѣсь трава для скотины хорошая, давай здѣсь ночевать". Мужъ изъявилъ свое согласіе, и они расположились на ночлегъ. Она достала изъ арбы кувшинъ съ напиткомъ и сказала мужу: „Этотъ напитокъ я приготовила особо для тебя", и начала поить его; она напоила его до-пьяна. Но онъ все-таки не довѣрялъ своей женѣ и прилегъ самымъ „жестокимъ образомъ", такъ чтобы легко могъ проснуться въ случаѣ чего.

[1]) Кунакъ—здѣсь хозяинъ, у котораго гостятъ; кунакъ значитъ также и гость.

Когда онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, то она тотчасъ же дала знать князю; тотъ пришелъ къ Баркиму, но убивать его не сталъ. Тогда жена Баркима сказала князю: „Убей его; если онъ останется живъ, онъ будетъ вредить намъ, ибо сильнѣе и храбрѣе его никого нѣтъ на свѣтѣ“. Князь отвѣтилъ: „Пока Баркимъ не увидитъ жены своей въ объятіяхъ моихъ и пока онъ не услышитъ, что дѣтей его я обратилъ въ холоповъ, я не убью его“. Послѣ этихъ словъ, онъ со своими двѣнадцатью отборными узденями перевязалъ спящаго Баркима и началъ играть съ его женою, удаливъ предварительно узденей. Послѣ продолжительной игры съ нею, достаточно насмѣявшись надъ ея мужемъ, они оба заснули самымъ крѣпкимъ сномъ. Когда Баркимъ проснулся совершенно трезвымъ, то увидѣлъ описанную картину и себя перевязаннымъ по рукамъ и по ногамъ.

Въ это время дѣти его еще не спали, а играли тутъ же недалеко; онъ обратился къ дочери своей: „Подай лежащую тамъ шашку“. Дочь отвѣчала: „Нѣтъ, не подамъ, мама будетъ ругать“. Тогда онъ обратился къ малолѣтнему сыну: „Подай, сынъ мой, вонъ ту шашку“. Сынъ, не имѣя силъ поднять шашку, притянулъ къ отцу ремень отъ нея. Послѣдній, схвативъ поясъ, кое-какъ дотянулъ шашку до себя; ручку шашки взялъ въ ротъ, а сыну велѣлъ тянуть ножны къ себѣ и, такимъ образомъ, обнаживъ шашку съ большими усиліями, порѣзалъ веревки и освободился. Баркимъ тотчасъ же всталъ, оправился и сперва убилъ одиннадцать узденей, оставивъ одного для того, чтобы онъ разсказалъ дома о случившемся. Затѣмъ онъ надѣлъ свой панцырь и доспѣхи и сталъ будить князя. Когда тотъ проснулся и всталъ, онъ убилъ его; потомъ содралъ съ него кожу, начиная съ живота, вмѣстѣ со срамными частями и, повѣсивъ все это женѣ на шею, посадилъ ее на осла задомъ на передъ и отправился домой въ Галгай [1]). На второй день послѣ этого, къ нему на встрѣчу явились кунаки его, молодежь, но никто не осмѣливался сказать ему, чтобы онъ снялъ съ шеи жены висѣвшее на ней украшеніе. Вскорости послѣ этого на встрѣчу къ нему пріѣхалъ старшій кунакъ его и, какъ только увидѣлъ висѣвшее на шеѣ жены, закричалъ: „что за безобразіе!

[1]) Этотъ обычай весьма интересенъ для характеристики обычнаго права у первобытныхъ народовъ. Такой же точно обычай встрѣчается и у другихъ горцевъ Кавказа.

сейчасъ же сними и брось ихъ". Баркимъ, изъ уваженія къ кунаку, не сталъ спорить съ нимъ и бросилъ ихъ; но потомъ сказалъ старшему: „снялъ по твоей просьбѣ, но теперь опять повѣшу ей это безобразіе и такимъ образомъ поведу ее къ женщинамъ". Но старшій кунакъ отвѣтилъ, что онъ ни за что не позволитъ этого. Баркимъ тогда окончательно бросилъ кожу, и они пріѣхали домой. Галгайцы надѣлили его землей, и онъ поселился въ качествѣ уже не гостя, а настоящаго члена общества. Отъ него произошла и нынѣ существующая фамилія (родъ) [1]) ингушей Барконхой, которая подраздѣляется на слѣдующія группы или мелкія фамиліи (вяры): Котіевы, Точіевы, Канчиговы и Гадаборшовы [2]).

Преданіе о Бора Абаевѣ [3]).

Бора Абаевъ былъ человѣкъ весьма крупнаго тѣлосложенія; въ былое время онъ слылъ за богатыря.

Однажды, когда онъ ѣхалъ на своей арабской богатырской лошади, его настигъ большой пожаръ. Чтобы спастись отъ пожара, онъ пустилъ коня вскачь. Вдругъ позади его послышался ему пискъ чей-то; оглянулся и видитъ: за нимъ бѣжитъ большая змѣя и не можетъ догнать его. Бора сжалился надъ нею и подалъ ей конецъ своей плети, сказавъ: „На, змѣя, схвати конецъ плети, да покрѣпче". Змѣя схватилась за конецъ плети, а Бора пришпорилъ своего коня и пустилъ его во весь карьеръ. Такимъ образомъ онъ спасъ себя и змѣю, и когда они выѣхали въ безопасное мѣсто, то Бора сказалъ: „Ну, змѣя, ты теперь находишься въ безопасномъ мѣстѣ и можешь остаться здѣсь; пусти мою плеть и оставайся съ Богомъ". Змѣя выпустила плеть Бора, но отстать отъ него не отставала. Когда Бора оборачивался къ ней, она оборачивалась назадъ, а какъ только онъ продолжалъ ѣхать, она ползла за нимъ, и такъ повторялось у нихъ всю дорогу. Наконецъ, Бора сказалъ: „Видно, змѣя, ты желаешь, чтобы я послѣ-

---

[1]) По-ингушски „тайпа".

[2]) Обращаю вниманіе читателей на то, что разсказъ записанъ со словъ Котіева, одного изъ потомковъ Баркима, героя разсказа.

[3]) Записано со словъ жителя сел. Насыръ-Кортъ, 2-го участка Сунженскаго отдѣла Ибрагима Даршкіева, 15-го сентября 1892 года. Печатается въ первый разъ.

довалъ за тобой; такъ даю тебѣ честное слово, куда бы ты ни поползла, я поѣду за тобой". Ему пришлось слѣдовать за змѣей довольно порядочное разстояніе; наконецъ они пришли къ ея норѣ; она оглянулась на Бора, затѣмъ вошла въ нору, и, спустя нѣкоторое время, сталъ въ норѣ виденъ хвостъ ея. Тогда Бора сказалъ про себя: „Ну, навѣрное, она пригласила на доброе дѣло: если змѣя выползаетъ хвостомъ впередъ, значитъ, она добра желаетъ человѣку" [1]). Дѣйствительно, змѣя выползла и вынесла изъ норы большой булатный панцырь. Бора сказалъ: „Навѣрное, въ благодарность за то, что я спасъ тебя отъ огня, ты даришь мнѣ этотъ панцырь; даю тебѣ слово никому не дарить его и потомкамъ своимъ завѣщать то же самое". Сказавъ это, онъ надѣлъ панцырь и уѣхалъ домой. Есть преданіе, что панцырь этотъ находится у Абаевыхъ и посейчасъ.

Преданіе объ Ахмедѣ-благодѣтелѣ [2]).

Ахмедъ былъ охотникъ, который своею охотою содержалъ и кормилъ цѣлое селеніе, гдѣ жили триста человѣкъ.

Однажды онъ пошелъ на охоту и въ теченіе дня не увидѣлъ ни одного звѣря и ни разу ему не пришлось стрѣлять изъ ружья. Когда, возвращаясь домой, онъ сѣлъ надъ рѣкой для совершенія омовенія къ передъ-вечернему намазу [3]), то замѣтилъ двухъ змѣй— одна бѣлая, а другая—черная [4]). Онѣ дрались между собою: черная поборола бѣлую, но бѣлая опять вскочила; тотчасъ же вновь завязалась борьба, и опять черная повалила бѣлую. Тутъ Ахмедъ проворно совершилъ намазъ, взялъ ружье и, прицѣлившись въ черную змѣю, выстрѣлилъ; но черная отвернулась, и пуля попала въ бѣлую. Бѣлая змѣя застонала человѣческимъ голосомъ и ушла. Тогда Ахмедъ сказалъ: „О Великій Аллахъ! змѣя застонала человѣческимъ голосомъ", и, подумавъ, что это, должно быть, были джины [5]), уѣхалъ домой. Дѣло это было въ четвергъ подъ пят-

---

[1]) Характерное выраженіе для выясненія міросозерцанія народа.

[2]) Записано со словъ жителя сел. Сагопшинскаго, 2 уч. Сунж. отд., Тер. обл. Бадыга Арсакіевича Бокова, 29 сент. 1892 г.; печатается въ первый разъ.

[3]) Эта молитва у мусульманъ совершается предъ закатомъ солнца.

[4]) Мѣсто интересно для характеристики воззрѣній культурныхъ народовъ на религію (метаморфоза; суевѣрія и нечистая сила).

[5]) Джины—духи или геніи; дѣлятся на добрыхъ и злыхъ.

ницу. Оказалось, что бѣлая змѣя была дочь царя джиновъ магометанской вѣры, а черная—сынъ царя джиновъ христіанской вѣры. Дочь царя джиновъ приходитъ домой хромая. Отецъ спрашиваетъ ее: „отчего ты хромаешь?" дочь отвѣчаетъ: „когда я пошла за водой, въ меня выстрѣлилъ Ахмедъ-благодѣтель и ранилъ въ ногу".—„Зачѣмъ же онъ стрѣлялъ въ тебя?"—„Ахмедъ, сидя надъ рѣкой, сказалъ: „пуля моего ружья на что-нибудь должна выходить изъ ружья, а она сегодня ни разу не выходила; вотъ змѣя [1]), я въ нее и выпущу пулю своего ружья",—вотъ онъ и выстрѣлилъ въ меня". Но, на самомъ дѣлѣ, надъ нею сынъ царя христіанскихъ джиновъ хотѣлъ совершить насиліе, и Ахмедъ хотѣлъ избавить ее отъ этого; она же скрыла отъ отца правду, умолчавъ о покушеніи на нее. Тогда отецъ ея, не зная, въ чемъ дѣло, сказалъ: „Завтра пятница и Ахмедъ непремѣнно будетъ въ мечети, и когда онъ, выходя оттуда, будетъ надѣвать чувяки, душа его очутится на мизинцѣ правой ноги; ты завтра отправься въ ихъ мечеть, спрячься въ его правый чувякъ и укуси за мизинецъ; отъ этого онъ тотчасъ же долженъ умереть, и такимъ образомъ мы отомстимъ ему". Дочь такъ и поступила. На слѣдующій день она отправилась туда, гдѣ жилъ Ахмедъ-благодѣтель, обернулась въ змѣю и спряталась въ мечети, куда долженъ былъ придти и Ахмедъ. На этотъ разъ Ахмедъ пришелъ позже всѣхъ, и на лицѣ его отражалась тоска; а до этого времени онъ по пятницамъ постоянно приходилъ раньше всѣхъ. Поэтому люди спросили его: „Ты всегда приходилъ прежде насъ а сегодня пришелъ позже всѣхъ. Что причиной этому?" Отвѣчаетъ Ахмедъ: „Братья-мусульмане, есть у меня на сердцѣ горе великое, которое не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, ни на одну минуту. Когда я вчера, не убивъ ничего, возвращался съ охоты, вошелъ я на рѣку совершить омовеніе къ предвечернему намазу и увидѣлъ двухъ змѣй—одну черную, а другую бѣлую; онѣ дрались между собою и черная повалила бѣлую; но бѣлая все-таки не поддавалась, и драка эта у нихъ продолжалась все время, пока я молился. Кончивъ молитву, я схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ черную змѣю, но попалъ въ бѣлую, которая закричала человѣческимъ голосомъ и скрылась;

---

[1]) По словамъ разсказчика, обѣ змѣи были въ образѣ человѣка, но казались въ образѣ змѣи.

тутъ я узналъ, что бѣлая змѣя была магометанскій джинъ, а черная—христіанскій, и теперь я все думаю, какъ это я ранилъ магометанскаго джина; и кровь его лежитъ на мнѣ, и я никакъ не могу выпросить у него прощенія". Все это отъ слова до слова слушала змѣя и подумала: „вотъ какъ Ахмедъ тоскуетъ по моей крови; нѣтъ, не разсказавъ обо всемъ отцу, не лишу его жизни". Сказавъ это, она прилетѣла домой. Отецъ ее спрашиваетъ: „ну, что, лишила-ли ты жизни Ахмеда-благодѣтеля?" Она упала передъ отцомъ на колѣни и подробно разсказала ему, какъ сынъ царя христіанскихъ джиновъ хотѣлъ лишить ее чести; какъ Ахмедъ стрѣлялъ не въ нее, а въ него, но ранилъ ее совершенно случайно, желая убить ея противника; разсказала и то, какъ теперь Ахмедъ тоскуетъ по ея крови и всенародно высказываетъ свою скорбь. Тогда отецъ сказалъ ей: „Возьми мою лошадь, одѣнься въ мужской костюмъ, поѣзжай къ нему и привези его ко мнѣ". Она превратилась въ мужчину, сѣла верхомъ и, взявъ для Ахмеда лошадь своего отца, поѣхала къ нему. Она въѣхала въ дворъ его и крикнула: „Ахмедъ дома?" Ахмедъ выскочилъ съ вопросомъ: „Что нужно?" Она сказала ему: „Поѣдемъ со мной". Ахмедъ ничего не спросилъ—кто такой былъ этотъ всадникъ и куда зоветъ его, сѣлъ на приведенную лошадь и поѣхалъ съ нимъ. Ко-
что ты вчера, жела... за околицу, она сказала Ахмеду: „Ты помнишь,
была я, и я дочь магометанскихъ змѣю, поранилъ бѣлую; бѣлая змѣя
царя христіанскихъ джиновъ. За то, что ...овъ; а черный былъ сынъ
отецъ хочетъ тебѣ сдѣлать подарокъ; онъ те.. спасъ меня отъ него,
гать всякихъ лошадей и скота, но ты, смотри, ничѣ будетъ предла-
только скажи: „ничего мнѣ не нужно, только своего не бери, а
три раза плюнь подъ мой языкъ". Они пріѣхали къ ...ми слюнами
Ахмедъ гостилъ у него цѣлыхъ трое сутокъ. Когда же ... отцу ея;
брался ѣхать домой, царь джиновъ собралъ стада скота и т...онъ со-
лошадей и говоритъ Ахмецу: „Бери сколько хочешь". Но Ах...абуны
отвѣтилъ, что ему ничего не нужно. Царь спросилъ: „Чего ...медъ
ты желаешь?" Ахмедъ отвѣчалъ: „Если хочешь отблагодарить меня
за спасеніе твоей дочери, то своими слюнами три раза плюнь мнѣ подъ языкъ".—„Кто научилъ тебя этому, тому лишиться языка. Это, навѣрное, сказала тебѣ моя дочь". Сказавъ это, онъ плюнулъ ему подъ языкъ: съ этой минуты Ахмедъ сталъ понимать языки

всѣхъ тварей на землѣ, не только людей, но и животныхъ, звѣрей, птицъ и проч. Онъ простился съ нимъ и пошелъ домой. По дорогѣ онъ зашелъ ночевать на хуторъ, гдѣ была баранта десяти хозяевъ изъ его селенія. Пастухи очень обрадовались его приходу и всѣ старались ему услужить; зарѣзали ему по барану. Ночь была темная; поднялась настоящая буря; къ стаду подошла стая волковъ и завыла волчьими голосами: „Вотъ сегодня ночь темная, съ вѣтромъ и грозою; пастухи какъ заснутъ, до самаго утра не проснутся, и мы васъ всѣхъ барановъ и овецъ передушимъ и поѣдимъ". Сѣрая собака, на которую никто не обращалъ никакого вниманія, отвѣчала волкамъ: „Сегодня здѣсь Ахмедъ благодѣтель, ему зарѣзали барана, и если отъ этого барана я съѣмъ кусокъ мяса, то я вамъ всѣмъ покажу". Все это слушалъ и понималъ Ахмедъ, и когда ему по обычаю подали цѣлаго варенаго барана, онъ сказалъ пастухамъ: „А ну-те, братцы, позовите-ка сюда собаку, которая тутъ у васъ подъ заборомъ валяется". Пастухи отвѣтили: „Эхъ, Ахмедъ-благодѣтель, охота ли тебѣ за столомъ говорить о такихъ вещахъ; это такая собака, которой мы, по ея дряхлости и негодности, не даемъ ужина".—„А вотъ потому именно я и хочу накормить ее; меня не даромъ прозвали Ахмедомъ-благодѣтелемъ, а за то, что уважаю сильныхъ и могучихъ и защищаю слабыхъ и беззащитныхъ". [1]) Тутъ пастухи привели къ нему сѣрую собаку. Ахмедъ отрѣзалъ полъ-барана и далъ ей, сказавъ: „На, сѣрка, кушай на здоровье". Послѣ этого въ мискѣ дали ей и бульонъ. Затѣмъ, поужинавъ, они всѣ легли спать; а сѣрка пошла сторожить. Ночью на баранту напали четырнадцать волковъ, но сѣрка всѣхъ передушила и, поклавъ ихъ вокругъ себя, сама легла спать. Утромъ Ахмедъ и пастухи увидѣли, что сѣрка передушила четырнадцать волковъ и сама лежитъ по срединѣ ихъ. Тогда Ахмедъ, подойдя къ сѣркѣ, сказалъ: „Не околѣла-ли ты сама?" Но сѣрка оказалось живой и посмотрѣла на Ахмеда. Тогда пастухи сказали Ахмеду: „Если бы ты не покормилъ нашу собаку, то каждый изъ насъ понесъ бы убытку на десять барановъ; поэтому мы даемъ тебѣ по два барана". Но Ахмедъ отказался отъ этого. Пастухи все-таки уговорили его взять по одному барану съ

---

[1]) Интересное мѣсто, дающее намъ понятіе о добродѣтеля по воззрѣніямъ ингушей.

хозяина, т. е. всего десять штукъ; когда они, сказавъ Ахмеду: „выбирай себѣ любыхъ изъ барановъ", начали ихъ выпускать, то овца, шедшая впереди, закричала барашку своему, который шелъ позади: „Мы ходимъ впереди и ѣдимъ первую траву, отъ того мы такія гладкія; а ты всегда идешь позади и ѣшь наши остатки, оттого ты и худой". Барашекъ отвѣтилъ: „Счастье всегда идетъ вслѣдъ за хозяиномъ; а такъ какъ я счастье хозяина, то всегда остаюсь позади". Когда этотъ барашекъ поровнялся съ Ахмедомъ, онъ схватилъ его и, сказавъ, что онъ возьметъ только одного этого барашка, простился съ пастухами и пошелъ домой. Когда онъ пришелъ домой, жена его на гумнѣ вѣяла просо. Прилетѣли воробьи и начали клевать зерна по сторонамъ гумна, а одинъ воробей сѣлъ на самую кучу зеренъ и началъ чирикать: „Что вы тамъ кушаете; лучше идите сюда на чàло, [1]) пока не убралъ хозяинъ; будемъ клевать здѣсь, а тамъ-то мы во всякое время успѣемъ; то наше достояніе, и оно не уйдетъ отъ васъ". Услыхавъ это, Ахмедъ засмѣялся. Жена его метлою собирала зерна, и когда Ахмедъ засмѣялся, она обернулась къ нему и сказала: „Ты смѣешься надо мною; если ты не скажешь, что во мнѣ такого смѣшного, я не буду работать на гумнѣ и жить съ тобою, завтра же уйду домой къ своему отцу". Сказавъ это, она бросила метлу и ушла съ гумна домой. Ахмедъ же созвалъ своихъ сосѣдей и кое-какъ убралъ просо, а вечеромъ пришелъ домой. Жена все сердится и не говоритъ съ нимъ. Ахмедъ увѣряетъ ее, что онъ смѣялся не надъ ней вовсе, а такъ себѣ по-просту. Въ это время подходитъ къ дверямъ пѣтухъ и кричитъ: „Я имѣю десять куръ, что захочу, то и дѣлаю съ ними: какую захочу, такую и прибью, другую приласкаю, а Ахмедъ не можетъ усмирить даже одну жену". Ахмедъ тотчасъ же вышелъ на дворъ принесъ двѣ палки,—одну подлиннѣе, а другую короче, и сказалъ женѣ: „А хочешь, чтобы я сказалъ тебѣ, надъ чѣмъ я на гумнѣ смѣялся"?—„Хочу".— „Ну, такъ нагнись въ той позѣ, какъ ты мела на гумнѣ просо". Она нагнулась, а онъ ударилъ ее длинной палкой; когда она выпрямилась во весь ростъ, онъ бросилъ длинную палку, взялъ короткую и началъ наносить ей ударъ за ударомъ до тѣхъ поръ, пока она не повалилась на полъ. Тогда онъ сказалъ ей: Когда

[1]) Куча зерна.

ты собирала на гумнѣ зерна, мое вниманіе обратилось на твою спину и мнѣ показалось, какъ бы хорошо на нее ложилась палка, вотъ отъ чего я и смѣялся". Послѣ этого жена присмирѣла.

Есть преданіе, что отъ того барашка приплодъ такъ размножился, что Ахмеду не пришлось ходить на охоту въ теченіе десяти лѣтъ, и этимъ приплодомъ онъ прокормилъ не только себя, но и весь аулъ.

Подвигъ Чербыша [1]).

Чербышъ былъ житель селенія Гумлетъ [2]), Джераховскаго общества. Однажды онъ ночевалъ въ селеніи Охкыръ; въ это время кабардинскіе всадники шли по Военно-Грузинской дорогѣ на Тифлисъ съ намѣреніемъ напасть на городъ и разграбить. Чербышъ слышалъ во снѣ голосъ, говорившій ему: „Если ты пойдешь навстрѣчу, то разобьешь эту шайку кабардинцевъ". Слѣдуя совѣту невидимаго духа, Чербышъ, дѣйствительно, отправился на Военно-Грузинскую дорогу и ниже селенія Гумлетъ разрушилъ два моста черезъ Терекъ, такъ что кабардинцы, очутившись на пространствѣ между этими двумя мостами, не могли двинуться ни впередъ ни назадъ. Чербышъ началъ изъ засады стрѣлять въ нихъ. Въ гнѣвѣ и досадѣ, князь кабардинскій воскликнулъ: „Что же это, Богъ ли съ неба стрѣляетъ, или человѣкъ на землѣ? Если-бы я видѣлъ его, вотъ что сдѣлалъ бы съ нимъ". И онъ однимъ ударомъ шашки разрубилъ пополамъ огромный обломокъ скалы. Тогда Чербышъ, убивъ всѣхъ, оставилъ князя и сказалъ: „За такой подвигъ твой отпускаю тебя живымъ. Иди и разскажи всѣмъ у себя подвигъ Чербыша".

За такую важную услугу, оказанную Чербышемъ Грузіи, Царь Грузинскій Георгій подарилъ ему землю отъ Казбека [3]) до Гумлета, давъ ему при этомъ письменный документъ о пожалованіи земли. Гумлетцы до выселенія въ Закавказье пользовались этой землей. Въ 1889 году за ними оффиціально признана эта земля.

---

[1]) Записано со словъ Ганыша. Не было еще въ печати.

[2]) Жители этого селенія выселены въ Закавказье за частыя нападенія на проѣзжихъ по Военно-Грузинской дорогѣ.

[3]) Здѣсь разумѣется ст. Казбекъ. Гумлетъ находится отъ Казбека въ нѣсколькихъ верстахъ.

Сказаніе про Хидыръ-Марза [1]).

(Жителя сел. Дашхаклой, Галгаевскаго общества).

Хидыръ-Марза былъ такой человѣкъ, который за свою отважность въ каждомъ походѣ получалъ двѣ части добычи. Когда онъ состарился, сынъ его подросъ и тоже сталъ ходить за добычей. Однажды отецъ спросилъ сына: „Ходишь ли ты на добычу и какъ ты получаешь часть?“ Тотъ отвѣчаетъ: „На добычу хожу и часть получаю наравнѣ съ прочими товарищами“.—„Ахъ ты, дѣвица! если бы у тебя было сколько-нибудь мужества, ты бы получалъ не одну, а двѣ части, какъ получалъ отецъ твой“. Затѣмъ спрашиваетъ сына: „Заряжено ли твое ружье и есть ли на замкѣ порохъ?“ Сынъ отвѣчаетъ: „Ружье заряжено и на замкѣ есть порохъ“. Тогда отецъ, взявъ ружье сына, поднялъ курокъ, поставилъ прикладъ между ногъ, а дуло въ ротъ; ногой придавилъ пуговку и спустилъ курокъ. Но ружье дало осѣчку и, къ немалому изумленію сына, выстрѣла не послѣдовало. Тогда отецъ сказалъ: „Вотъ видишь, пока не настанетъ смерть, человѣкъ не умретъ никогда; и если ты не будешь бояться смерти, то и ты будешь получать по двѣ части отъ своихъ сотоварищей“. Съ тѣхъ поръ сынъ послѣдовалъ совѣту отца и сталъ получать двѣ части въ добычѣ. Кромѣ того, говорятъ, какое дѣло ни предпринималъ Марза, онъ всегда достигалъ цѣли, и это было извѣстно всѣмъ тогдашнимъ людямъ.

Когда Хидыръ-Марза состарился, сыновья его поженились, а къ нему потеряли должный почетъ и уваженіе, онъ не вытерпѣлъ такого униженія и отправился къ своему присяжному брату [2]), предку нынѣшней осетинской фамиліи Тугановыхъ [3]). Въ то время присяжного брата его не было дома, а были у него кабардинскіе гости. Въ томъ домѣ находился лукъ, подаренный Хидыръ-Мар-

---

[1]) Записано со словъ Гапыжа. Въ печати появляется въ первый разъ. Это сказаніе интересно для характеристики быта прошлаго чеченцевъ, когда, по преданію, всѣ жили набѣгами и грабежами.

[2]) Присяжнымъ братомъ называется у ингушей братъ не по крови, а духовно сроднившійся, происходящій изъ чужой фамиліи человѣкъ.

[3]) Тутъ разсказчикъ ошибается, называя Тугановыхъ вмѣсто Дударовыхъ, жившихъ, дѣйствительно, въ аулѣ Чми, на Военно-Грузинской дорогѣ.

зою еще въ молодости своему присяжному брату. Кабардинцы, не обращая никакого вниманія на пришедшаго старика, жалкаго на видъ, стали натягивать лукъ, но никто изъ нихъ не могъ этого сдѣлать. Тогда Хидыръ-Марза сказалъ: „Подайте мнѣ сюда". Кабардинцы засмѣялись, сказавъ: „Ну-те, подайте ему, посмотримъ", и подали лукъ Хидыръ-Марзѣ. Марза натянулъ лукъ, какъ слѣдуетъ, не спѣша, и выпустилъ стрѣлу въ перекладину. Стрѣла, пробивъ перекладину, на половину вонзилась въ потолокъ. Тогда кабардинцы, объятые ужасомъ, съ удивленіемъ стали смотрѣть на старика. Послѣ этого Хидыръ-Марза положилъ лукъ на мѣсто, сказавъ: „Да будешь ты на счастье тому, кому подаренъ"! Какъ только извѣстили гостей о пріѣздѣ хозяина дома, всѣ кабардинцы отправились къ нему на встрѣчу. Послѣ первыхъ привѣтствій они сказали ему, что они не могли натянуть лука, а какой-то дряхлый старикъ натянулъ и, пробивъ потолокъ стрѣлою, положилъ лукъ на мѣсто, промолвивъ: „Да будешь на счастіе тому, кому ты подаренъ"!—„А, это мой присяжный братъ Хидыръ-Марза", сказалъ онъ и поскакалъ домой, болѣе не разговаривая съ гостями. Онъ пріѣхалъ, поздоровался; они обнялись побратски, и послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, хозяинъ спросилъ его между прочимъ: „Если хорошенько поправишься, не сможешь-ли ты ѣздить верхомъ?" Тотъ отвѣтилъ: „Можетъ быть, и смогу". Тогда онъ началъ кормить Марзу всякими кушаньями и поить напитками и, черезъ нѣкоторое время, возстановилъ его силы, такъ что Марза безъ посторонней помощи сѣлъ самъ на лошадь. Тогда они поѣхали на Куртатинскихъ [1]) князей (ель). Хотя Куртатинцы были многочисленны и сильны, но все таки тѣ разбили ихъ, и, забравъ у нихъ плѣнниковъ и всякаго богатства, возвратились домой. Присяжный братъ Марзы справилъ ему все необходимое, далъ ему лучшаго коня, денегъ, сколько ему было угодно и, сказавъ: „Сколько ты ни живи у меня, все-таки не получишь того почета, какой ты можешь имѣть, живя со своими сыновьями", отправилъ его домой.

[1]) Куртатинцы—осетины, живутъ въ ущельѣ того же наименованія, къ востоку отъ Военно-Грузинской дороги.

Глупая жена [1]).

Въ селеніи Шали Грозненскаго округа жили мужъ и жена; мужа звали Сохаипъ, а жену—Пашта. Жили они очень бѣдно: мужъ ходилъ на работу и зарабатывалъ лишь на дневное пропитаніе. Разъ онъ пошелъ на работу, и заработаннаго имъ не хватило на дневное пропитаніе; во второй день повторилось тоже самое; на третій день, когда Сохаипъ шелъ на работу, то на дорогѣ нашелъ мѣшокъ муки. Онъ принесъ мѣшокъ домой и сказалъ женѣ: „Мука эта чужая, а потому не можетъ быть употреблена нами въ пищу; а только, когда кто заявитъ о пропажѣ муки, мы и возвратимъ ему" [2]). Сказавъ это, онъ ушелъ на работу. А жена его, какъ только проголодалась, тотчасъ достала муки и испекла большой хлѣбъ. Но, боясь какъ бы мужъ не узналъ объ этомъ, она вышла на улицу и начала кричать, что мужъ ея нашелъ мѣшокъ муки, не потерялъ ли кто. Тогда двое изъ прохожихъ заявили, что они потеряли, но въ сущности они ничего не теряли, а, пользуясь случаемъ, они взяли муку и ушли. Вечеромъ приходитъ домой мужъ и говоритъ: „Гдѣ находится мука?" Жена отвѣчала, что она вышла на улицу и кричала, не потерялъ ли кто муки; двое заявили, что потеряли и унесли. Тогда Сохаипъ сказалъ: „Клянусь Аллахомъ, пока не увижу женщину глупѣе и хуже тебя, не вернусь домой". Сказавъ это, онъ пошелъ куда глаза глядятъ; прибылъ въ селеніе Старо-Сунженское и зашелъ въ домъ Адая; хозяина дома не оказалось; находившаяся дома жена его Тахо вышла и спросила: „кто ты такой и откуда идешь?" Сохаипъ отвѣчалъ: „Иду съ того свѣта" [3]). Тахо чуть не кинулась къ нему на шею и стала разспрашивать: „Ну, какъ тамъ живетъ отецъ мой?" Сохаипъ сказалъ: „Все благополучно, только за отцомъ твоимъ сто рублей долгу, и ему не откуда достать этихъ денегъ; я посланъ отцомъ твоимъ къ тебѣ за этими деньгами, и если ты пошлешь ему эти сто рублей, то избавишь его отъ тяжелой отвѣтственности".

---

[1]) Разсказъ записанъ со словъ молодого ингуша селенія Насыръ-Кортовскаго, 2 участка, Сунженскаго отдѣла Терской области. Разсказъ не былъ еще никѣмъ записанъ.

[2]) Это доказываетъ уваженіе народа къ чужой собственности.

[3]) Мѣсто въ высшей степени интересное для характеристики воззрѣній первобытныхъ народовъ на загробный міръ.

Тахо отвѣчала: „Сто рублей-то я пошлю ему, только сперва давай закусимъ".

Сохаипъ сказалъ на это, что закусывать теперь ему некогда, потому что онъ торопится назадъ на тотъ свѣтъ, ибо чѣмъ скорѣе онъ вернется туда, тѣмъ скорѣе освободится ея отецъ. Послѣ этого Тахо тотчасъ же достала изъ сундука сто рублей и передала ихъ Сохаипу. Послѣдній взялъ себѣ эти деньги и скрылся изъ глазъ. Вечеромъ Адай возвращается домой; жена бѣжитъ къ нему на встрѣчу и говоритъ: „Сегодня къ намъ приходилъ съ того свѣта человѣкъ отъ покойнаго отца; этотъ человѣкъ говорилъ, что отецъ сильно нуждается въ ста рубляхъ, и я послала съ нимъ эти деньги для отца". Но мужъ догадался, что тутъ обманъ, и, узнавъ отъ нея, въ какую сторону онъ направился, взялъ ружье, сѣлъ верхомъ и поскакалъ. Сохаипъ видитъ, что за нимъ скачетъ человѣкъ съ ружьемъ; тутъ недалеко отъ него была мельница, около которой сидѣлъ мельникъ и ковалъ камень. Сохаипъ обратился къ мельнику со словами: „Вонъ видишь, скачетъ человѣкъ?„—"Вижу„.—„А за нимъ ѣдутъ еще много другихъ, и они всѣ собрались избить тебя за то, что ты за помолъ берешь много". Мельникъ говоритъ: „Ну, что же мнѣ дѣлать?" Сохаипъ отвѣчаетъ: „А вотъ что: ты отдай мнѣ свою одежду, а самъ надѣнь мою и полѣзай подъ мельницу, я же одѣнусь въ твою и знаю, что имъ сказать". Такъ они и сдѣлали; мельникъ въ одеждѣ Сохаипа полѣзъ подъ мельницу, а Сохаипъ въ одеждѣ мельника сѣлъ ковать камень. Подъѣзжаетъ Адай и спрашиваетъ: „Не проходилъ ли тутъ одинъ человѣкъ?" Сохаипъ отвѣчаетъ: „Не видѣлъ никого", но самъ указалъ пальцемъ подъ мельницу. Адай не замѣтилъ жеста Сохаипа и вторично спросилъ: „Можетъ быть, видалъ ты, какъ прошелъ тутъ одинъ человѣкъ, скажи правду". Тотъ опять отвѣчаетъ: „не видѣлъ", а пальцемъ указалъ подъ мельницу. Тогда Адай замѣтилъ это и, поставивъ лошадь у мельницы и повѣсивъ ружье за сѣдло, забѣжалъ подъ мельницу. Сохаипъ же моментально сѣлъ на лошадь Адая, взялъ ружье и ускакалъ домой.

Адай въ это время подъ мельницей поднялъ шумъ и крикъ и говоритъ мельнику: „Давай сто рублей!" Мельникъ отвѣчаетъ: „Ей-Богу, я промолу мало беру". Адай говоритъ свое, а мельникъ свое. Наконецъ, Адай сказалъ: „Давай тѣ сто рублей, которые

ты получилъ отъ моей жены".—Я—мельникъ, и никогда никакихъ денегъ не получалъ отъ жены твоей; тотъ человѣкъ, который сидитъ и куетъ наверху, послалъ меня подъ мельницу, переодѣвши въ свою одежду". Тогда Адай подумалъ: „Навѣрное, онъ и взялъ у моей жены сто рублей", и выскочилъ изъ-подъ мельницы. Но Сохаипа и слѣдъ простылъ. Адай, въ отчаяніи за свой промахъ, повернулъ домой. Жена встрѣчаетъ его и спрашиваетъ: „Ну, какъ, видѣлъ его?" „Да, видѣлъ,—и онъ говорилъ, что на эти сто рублей наросли проценты и что этими ста рублями не можетъ быть освобожденъ твой отецъ, и я принужденъ былъ отдать ему для покрытія процентовъ свою лошадь и ружье. Отдавъ это, я просилъ его, чтобы онъ непремѣнно освободилъ твоего отца".

Легенда-быль о хромомъ Темырѣ (Астха-Темыръ) и его сынѣ [1]).

Жилъ въ давнія времена Хромой Темыръ. У него былъ сынъ. Однажды отецъ съ сыномъ поссорились и сынъ въ сердцахъ ушелъ отъ него. Темыръ зналъ хорошо характеръ своего сына и поэтому былъ увѣренъ, что теперь онъ къ нему больше не вернется. Это было зимою. Темыръ сказалъ про себя: „хорошо бы было, если бы негодный мальчуганъ зарылся въ землю, а то вѣдь замерзнетъ". Оказалось, что мальчикъ, дѣйствительно, выкопалъ себѣ яму, зарылся въ ней и въ ту ночь остался цѣлъ. На второй день его поймалъ жившій въ то время нѣкто Гаjсан; [2]) онъ сказалъ: „Бездѣтному человѣку Богъ наслѣдника послалъ", и взялъ его къ себѣ. У него была лишь одна корова, которая давала каждый день по одному „гердъ" [3]) масла и, не въ примѣръ прочимъ коровамъ, доилась не два, а три раза въ день. Обязанность пасти эту корову пала на сына Хромого Темыра. Вотъ онъ и говоритъ своему новому хозяину: „Какъ-бы мнѣ пріобрѣсти какое нибудь оружіе, необходимое при пастьбѣ коровы?" „А вотъ

[1]) Записано со словъ Ганыжа Абыевича Келигова-Фалханова, шестидесятилѣтняго старика. Ганыжъ—по происхожденію ингушъ, Мецхальскаго общества, Сунженскаго отдѣла Терской области.

[2]) И теперь еще сохранилось это имя, какъ названіе балки въ Ассинскомъ ущельѣ Галгаевскаго общества; балка эта называется „Гаjсан-беріш".

[3]) „Гердъ" ингушская мѣрка, соотвѣтствующая полмѣркѣ русской.

виситъ клинокъ шашки, возьми себѣ и носи его". Онъ взялъ клинокъ, сдѣлалъ самъ ножны, отточилъ его и сталъ носить. Разъ онъ въ полѣ нашелъ конскую голову и въ тотъ день до самаго вечера плясалъ отъ радости, говоря: „не такой-ли бываетъ турпулъ-гоуръ [1]), не такой-ли бываетъ, какъ висящій у меня съ боку цок-булатъ" [2]). И такъ онъ цѣлыхъ три дня съ утра до вечера плясалъ въ восторгѣ.

Односельцы, замѣтивъ это и не мало удивившись мальчику, сказали Гайсану: „Что это значитъ, что твой мальчикъ уже три дня танцуетъ съ утра до вечера въ то время, когда пасетъ корову? съ чего это онъ вздумалъ плясать?" Гайсанъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: „Правда-ли, что ты такъ танцуешь? говорятъ, что ты такъ пляшешь каждый день". „Да, правда". „Что же это такое значитъ? почему ты такъ много пляшешь?" „Оттого, что я нашелъ турпулъ-гоуръ и цокъ-булатъ." А ты развѣ можешь распознать турпулъ-гоуръ и отличать его отъ простой лошади; и можешь ли отличить цокъ-булатъ отъ простого булата?" „Могу". „А чѣмъ ты докажешь это? Ну, сколько стоитъ твой клинокъ"? „Мой клинокъ стоитъ двухъ плѣнниковъ [3])." „А сколько стоитъ тотъ, который я ношу?" „Ничего не стоитъ". „А если мой клинокъ разрубитъ твой клинокъ?" „Этого быть не можетъ." „А ну-ка!" Мальчикъ взялъ и концомъ своей сабли продѣлалъ дыру въ шашкѣ Гайсана, какъ въ деревѣ. Тогда Гайсанъ подумалъ: „Да, дѣйствительно, этотъ человѣкъ кое-что знаетъ". Потомъ онъ спросилъ мальчика: „Значитъ, ты теперь можешь отличить и богатырь-коня отъ простой лошади?" „Да, я могу".

Послѣ этого, Гайсанъ взялъ самаго лучшаго коня и отправился съ мальчикомъ на большую дорогу, по которой въ теченіе дня проѣзжала, по меньшей мѣрѣ, тысяча всадниковъ.

Сколько ни проѣзжало всадниковъ, мальчикъ все отзывался, что онъ не видитъ богатырь-коня. Къ вечеру, когда они собирались уже идти домой, то увидѣли человѣка, идущаго пѣшкомъ и ведущаго за собой подъ уздцы лошадь; за ней бѣжалъ паршн-

[1]) Конь богатырь.

[2]) Правильно писать нужно такъ „боq-булатъ" (по алфавиту Барона П. К. Услара). Слово это означаетъ магнитный клинокъ.

[3]) Это мѣсто интересно для характеристики прошлаго быта чеченцевъ.

венькій двухлѣтній жеребчикъ. Мальчикъ сказалъ Гайсану: „Смотри, этого жеребчика не пропусти“. Гайсанъ обратился къ хозяину жеребчика со словами: „Не промѣняешь ли твоего жеребенка на этого коня?“ Тотъ отвѣтилъ: „Пожалуйста, перестань насмѣхаться“.—„Мы тебѣ говоримъ серьезно“. Кое-какъ они упросили хозяина и взяли жеребенка, давъ ему коня. Тотъ подумалъ: „Вотъ дураки, за паршиваго жеребенка—какого коня дали“, и, сѣвъ на него, поѣхалъ себѣ дальше. Они тоже пришли домой съ жеребенкомъ.

Въ тотъ годъ они купили еще трехъ гулявшихъ на волѣ двухлѣтокъ-кобылицъ и пустили ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ жеребенкомъ на пастбища пастись. Осенью, когда лошадей пригнали домой, мальчикъ убилъ одну кобылицу; когда онъ поломалъ ножную кость, то въ кости этой оказалось такое же большое дупло, какое вообще бываетъ у взрослыхъ лошадей.

На второй годъ онъ опять пустилъ жеребенка пастись съ оставшимися двумя кобылицами и осенью зарѣзалъ вторую кобылицу; разбилъ кость и оказалось, что дупло стало замѣтно уменьшаться, а кость увеличиваться въ толщину. Онъ сказалъ: „Нѣтъ, еще рано садиться на него“ и пустилъ его пастись и на третій годъ съ одной кобылицей.

Зарѣзавъ на третій годъ послѣднюю кобылицу, онъ увидѣлъ, что дупло въ кости настолько съузилось, что нельзя было въ него продѣть нитки. Онъ подумалъ: „Вотъ теперь лошадь стала настоящею лошадью и на нее можно садиться“.

Хозяинъ спросилъ мальчика: „Ну, какъ нашъ конь?“—„Ничего, теперь можно ѣздить на немъ“, отвѣтилъ тотъ.

Послѣ пропажи сына, Хромой Темыръ какъ-то разъ пришелъ въ кузницу. Найдя кузнеца спящимъ и не желая его будить, онъ присѣлъ въ ожиданіи, пока проснется кузнецъ, и сталъ наблюдать за нимъ. Вдругъ изъ носа кузнеца стала выходить муха; муха эта поползла по щипцамъ, лежавшимъ на мискѣ съ водой возлѣ кузнеца, переправилась по щипцамъ черезъ миску и переползла на наковальню; тутъ за наковальнею образовалась довольно большая трещина, и муха спустилась въ эту трещину; тамъ она оставалась довольно продолжительное время. Затѣмъ муха выползла на верхъ и, миновавъ наковальню, стала переправляться обратно черезъ миску по щипцамъ; но она упала въ воду и

тамъ начала биться; съ трудомъ она выползла на щипцы и опять вошла въ носъ кузнеца, гдѣ и скрылась. Кузнецъ послѣ этого тотчасъ проснулся. Темыръ догадался, въ чемъ тутъ дѣло: это вышла душа кузнеца, обратившись въ муху, и пропутешествовала черезъ щипцы въ яму и обратно [1]). Очнувшись, кузнецъ сказалъ: „Кажется, я долго спалъ“?—„Да я и сидѣлъ все время, пока ты спалъ“. Они разговорились, и Темыръ сказалъ кузнецу: „Развлеки ты меня чѣмъ-нибудь: я въ большомъ горѣ—у меня пропалъ сынъ. Разскажи что-нибудь“.—„А что разсказывать. Мы все-равно не доберемся до того, что я видѣлъ во снѣ“. Темыръ просилъ его разсказать. Онъ началъ: „Когда я спалъ, то во снѣ переправился черезъ большую рѣку и желѣзную гору и спустился въ большую огромную пещеру, гдѣ находился кладъ серебра и золота. Стоялъ я тамъ долго, не имѣя возможности уйти, будучи прикованъ на одномъ мѣстѣ блескомъ и роскошью. Но, сознавая, что мнѣ надобно вернуться, я рѣшился уйти и вернулся. Когда я возвращался домой, то упалъ съ моста и чуть-было не утонулъ“.—Убѣдившись окончательно, что это ходила душа кузнеца, Темыръ началъ его просить исполнить одну его просьбу, какъ одинокаго человѣка. Тотъ далъ слово исполнить, что бы онъ ни просилъ. Тогда Темыръ сказалъ ему: „Я—человѣкъ одинокій, и если ты позволишь, я бы поселился по близости отъ тебя“. Кузнецъ далъ на это свое согласіе. Тогда Темыръ сталъ просить его дать ему ту часть земли, гдѣ была кузница, а кузницу перенести куда-нибудь въ другое мѣсто. Кузнецъ и на это согласился, и Темыръ переселился туда, обстроился какъ слѣдуетъ и началъ копать землю на мѣстѣ, занятомъ раньше кузницей; и онъ докопался до клада, состоящаго изъ несмѣтнаго количества денегъ и всевозможныхъ сокровищъ. На эти деньги Хромой Темыръ началъ копать канавы-рвы [2]) по всему свѣту, распространяя тѣмъ самымъ вѣсть о пропавшемъ сынѣ своемъ. Эти ямы и теперь называются еще у всѣхъ народовъ Темыръ-

[1]) Тутъ сказывается языческое міровоззрѣніе народа, по которому душа человѣка, во время сна, покидаетъ тѣло и, обратившись въ насѣкомое, совершаетъ путешествія.

[2]) По всему Сѣверному Кавказу изъ Чечни, черезъ Осетію и Кабарду, къ Черному морю идутъ эти канавы-рвы, вырытыя—по преданіямъ всѣхъ народовъ Сѣвернаго Кавказа—Тамерланомъ.

оржъ (ямы Темыра). Въ это самое время, когда Темыръ искалъ по всему свѣту исчезнувшаго сына, въ селеніи Гайсана происходили скачки, и Гайсанъ съ сыномъ Темыра пустилъ свою лошадь. Другія лошади не сдѣлали еще и двухъ круговъ, какъ лошадь Гайсана сдѣлала всѣ три круга и выиграла призъ. Послѣ этого мальчикъ сѣлъ на своего жеребца и, сказавъ Гайсану: „Теперь прощай; я уѣзжаю и беру у тебя этого коня и ту шашку, которую ты мнѣ подарилъ", ускакалъ отъ него и скрылся изъ виду. Гайсанъ поднялъ на тревогу всѣхъ жителей и погнался за нимъ.

Когда лошадь, со звѣдочкой на лбу, начала догонять мальчика, онъ началъ скакать по направленію къ солнцу, и лошадь со звѣздочкой отстала отъ него. А когда его стала догонять сѣрая лошадь, онъ пустилъ свою лошадь по мѣстамъ, залитымъ водою, и по каменистымъ мѣстамъ, то въ воду, то по камнямъ, и сѣрая лошадь также отстала отъ него. Когда стали догонять его рыжія лошади, то онъ пустилъ свою лошадь по хребту горъ, и рыжія лошади стали отставать отъ него. Тогда, видя, что имъ не догнать мальчика, они спросили его: „Отчего ты такъ разнообразно скакалъ?" Онъ отвѣтилъ: „У лошади со звѣздой на лбу (бѣлая шерсть на лбу) кожа бываетъ тонкой, и она не можетъ перенести солнечнаго жара; у сѣрой лошади подъ передними лопатками бываютъ крылья, и если они сдѣлаются мокрыми, то сѣрая лошадь не можетъ долго бѣжать; а у рыжихъ лошадей хвостъ и грива бываютъ большіе, и по хребту онѣ набираютъ много воздуха и потому не въ состояніи бѣжать".

Въ это самое время Хромой Темыръ съ войскомъ находился весьма близко отъ того мѣста, гдѣ скакалъ сынъ его. Онъ велѣлъ приготовить серебряный хлѣбъ и сказалъ войску своему, что черезъ три дня прибудетъ сынъ его, который одинъ только и можетъ оцѣнить этотъ хлѣбъ.

Когда сынъ Темыра, дѣйствительно, прискакалъ въ его стоянку, то всѣ лошади, подобныя его коню-богатырю, заржали; а когда онъ слѣзъ съ лошади и повѣсилъ оружіе на вѣшалку, то оружіе всѣхъ воиновъ упало на землю. Это отъ того, что конь его былъ лучше всѣхъ богатырь-коней, а шашка его была изъ магнитъ-булата.

Какъ только лошади заржали, Темыръ узналъ, что его сынъ прибылъ, и сказалъ войску, что сына его можно узнать потому,

что онъ будетъ спать, растянувшись, спиною вверхъ и лицомъ внизъ.

Но сынъ, узнавъ объ этомъ сторопою, легъ на бокъ. Тогда Темыръ послалъ серебряный слитокъ, показывая каждому воину и спрашивая цѣну ему. Воины оцѣнивали слитокъ кто въ два, кто въ три, кто въ четыре плѣнника и т. д. [1]) Когда слитокъ золота проносили мимо сына Темыра, то онъ сказалъ: „Покажи-ка сюда, можетъ быть, я оцѣню его". Онъ хорошенько осмотрѣлъ слитокъ и сказалъ: „Онъ стоитъ хлѣбной лепешки, величиною какъ онъ самъ, въ голодный годъ, когда люди готовы ѣсть мухъ". Посланные для разспросовъ вернулись къ Темыру. Онъ спросилъ: „Ну, какъ кто оцѣнилъ?" Ему разсказали все, во что оцѣнивали слитокъ, и сказали, что одинъ воинъ оцѣнилъ его въ хлѣбъ, одинаковой съ нимъ величины въ неурожайный годъ. Темыръ сказалъ: „Ну, такъ это самый и есть сынъ мой". Послѣ этого опять съ сыномъ свидѣлись. Хромой Темыръ прекратилъ выкапываніе канавъ, и они благополучно возвратились домой къ себѣ.

Тамерланъ на Кавказѣ.

(Къ легендѣ о рвѣ Тамерлана).

Бичъ народовъ, могучій властитель Востока, Тамерланъ, или Тимуръ, иначе Хромой Тимуръ, какъ извѣстно, нѣсколько разъ прорѣзалъ вдоль и поперекъ исполинскія горы Кавказа; побѣждалъ народы, уводилъ плѣнниковъ и увозилъ богатую добычу. Ударъ, нанесенный Хромымъ Темыромъ, тѣ жестокости, которыя онъ чинилъ всюду, куда только ступали его варварскія, дикія полчища, непобѣдимыя по ихъ безсчетному количеству, все это навѣки запечатлѣлось въ памяти народностей Кавказа и увѣковѣчило имя его въ многочисленныхъ легендахъ о рвѣ Тамерлана.

По словамъ арабскаго историка Шерифъ-Еддина, въ первый разъ, а именно въ 1386 году, Тимуръ взялъ Тифлисъ, опустошилъ мѣстности, населенныя преимущественно грузинскимъ племенемъ, пробравшись въ центральную часть Кавказскихъ горъ, и съ богатой добычей и плѣнниками вернулся въ Сирію; добычу отправилъ въ Самаркандъ.

---

[1]) Опять указаніе на то, что плѣнники въ старину на Кавказѣ имѣли опредѣленную цѣнность, замѣняли какъ-бы денежную единицу.

Второе нашествіе относится къ 1395 году, когда Тимуръ въ походѣ противъ хана Тохтамыша побывалъ въ Осетіи, у черкесовъ и въ странѣ азовъ, прошелъ мимо Эльбруса въ Абхазію, оттуда въ Грузію и, наконецъ, въ Дагестанъ. Нашествія 1399 и 1400 гг. не относятся прямо къ Кавказу.

Судя по народнымъ преданіямъ горцевъ, нѣкогда на протяженіи всего Кавказскаго хребта, отъ Дербента и Каспійскаго моря вплоть до самаго Чернаго моря, по странѣ черкесовъ тянулся Тамерлановъ ровъ. Слѣды этого рва, по словамъ мѣстныхъ обывателей, весьма замѣтны въ различныхъ мѣстахъ Чечни за Аргуномъ, около укрѣпленія Воздвиженскаго, въ Малой Чечнѣ и за Терекомъ. Профессоръ В. Ф. Миллеръ видѣлъ слѣды рва въ Кабардѣ по дорогѣ со станицы Котляревской въ гор. Нальчикъ; лично намъ также нѣсколько разъ приходилось переѣзжать этотъ ровъ, приписываемый преданіемъ Аксакъ-Темиру; въ 1879 г. В. Л. Беренштамъ также наблюдалъ валъ „Темиръ-оръ", перерѣзывающій группу кургановъ недалеко отъ гор. Владикавказа, около сел. Кантышевскаго [1]).

Хотя еще никто не провѣрилъ, дѣйствительно ли Тамерлановъ ровъ тянется по всему сѣверному Кавказу, но одно то, что преданія различныхъ народностей и наблюденія путешественниковъ въ различныхъ мѣстахъ сходятся между собою въ существованіи этого рва, придаетъ сказанному огромную долю вѣроятности; несомнѣнно лишь протяженіе рва на огромное пространство. Другое дѣло, конечно, вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли ровъ этотъ принадлежитъ Тамерлану: рѣшить его мы не беремся и пока не имѣемъ другихъ данныхъ объ этомъ, помимо преданій.

Изъ легендъ о рвѣ Тамерлана имѣются пока въ печати четыре: три чеченскія [2]), а четвертая кабардинская [3]). Приведенная нами

---

[1]) По ногайскимъ преданіямъ, Тимуръ былъ въ Чечнѣ; урочища съ его именемъ, существующія и теперь, подтверждаютъ эти преданія. Говорятъ, что онъ поднимался вверхъ по теченію р. Сунжи и переправлялся на правый ея берегъ недалеко отъ нынѣшней кр. Грозный; на этомъ мѣстѣ Тимуръ построилъ мостъ, почему переправа эта доселѣ называется „Копырь-Аксака-Тимуръ" (мостъ Хромого Тимура, по-татарски) см. Сб. св. о Тер. обл., I, 257.

[2]) См. Сб. о Тер. обл., вып. I стр. 257. Также см. Сб. св. о кав. г., вып. VI. отд. I, 41 и в. VIII, стр. 20 (сказанія).

[3]) См. Труды этнограф. отд. ИМП. общ. люб. ест. кн. VII, 1886 г. В. Миллеръ: „Кавказскія легенды".

будетъ пятой по числу; ее мы должны назвать ингушской. Она значительно разнится отъ кабардинской и ближе къ чеченской. Историческая сторона въ ней слабѣе, чѣмъ въ четырехъ предыдущихъ легендахъ, но сюжетъ въ ней вѣрнѣе удержанъ; она представляетъ большой интересъ и какъ варіантъ легенды о Тимурѣ, записанный позже и въ другой мѣстности, и какъ памятникъ народной литературы горцевъ. Въ ней сказались способности народа создавать поэтическія сказанія; въ ней же вѣрнымъ штрихомъ народнаго художественнаго творчества нарисованъ старинный бытъ его; въ ней сказалось и языческое міровоззрѣніе ингушей, остающихся доселѣ въ родовомъ быту съ родовой, т. е. языческой религіей [1]). Чтобы читателю можно было безъ труда опредѣлить то мѣсто, которое должна занять записанная нами легенда о Тимурѣ среди прочихъ версій, извѣстныхъ въ печати,но разсѣянныхъ въ различныхъ и малораспространенныхъ изданіяхъ, я укажу отличительныя черты четырехъ остальныхъ варіантовъ сказанія.

Первая легенда объ „Аксакъ-Темиръ-оръ", т. е. о рвѣ Хромого Темира, записана г. Лаудаевымъ въ Чечнѣ въ 1872 году и напечатана очень кратко въ VI в. Сбор. свѣд. о кавказ. гор. Въ ней говорится, что у Тамерлана пропалъ сынъ. Онъ рѣшился найти сына или покорить міръ и съ этою цѣлью пошелъ искать его. Чтобы вѣрнѣе запомнить обратный путь, онъ копаетъ рвъ, который тянется отъ Каспійскаго моря до Чернаго и на Русь. Сынъ его былъ табунщикомъ у хана Тохтамыша. Когда Тамерланъ приближался къ столицѣ хана, то конь сына его услыхалъ шумъ войска отца и прискакалъ къ нему съ сыномъ. Побѣдивъ татаръ, Тамерланъ вернулся обратно къ себѣ. Вотъ и вся почти легенда. Какъ видитъ читатель, кромѣ описанія голаго факта, въ ней никакого поэтическаго элемента нѣтъ. Интересно здѣсь то, что упомянуто имя хана Тохтамыша, у котораго находился сынъ Тамерлана, и противъ котораго на самомъ дѣлѣ Тамерланъ пошелъ войною въ 1395 году. Почти буквальнымъ повтореніемъ этого является легенда о Тимурѣ, напечатанная г. П. Головинскимъ въ Сбор.

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь то мѣсто въ сказаніи, гдѣ душа, по вѣрованіямъ чеченцевъ, превращается въ муху (или пчелу). Получается чудное для ума заключеніе, если сопоставить это вѣрованіе на Кавказѣ съ такимъ же у бурятъ на Байкалѣ: сходство въ данномъ случаѣ говоритъ о единствѣ религіозаго міросозерцанія у отдаленныхъ народностей.

св. о Терской области. I. По непонятной для насъ причинѣ, здѣсь сынъ Темира похищенъ нартомъ (Турпаломъ) Соска-Солсанъ, и канава прорыта отъ Галашевскаго ущелья Терской области до кумыкской плоскости. Солсанъ продалъ его галашевцу Ганшу. Тимуръ пошелъ войною на ингушей, но не рѣшился сразиться и вернулся въ Самаркандъ, сказавъ сыну, чтобы тотъ бѣжалъ къ нему; а чтобы сынъ не заблудился, онъ прорылъ канаву. Историческая сторона здѣсь полнѣе, нежели въ трехъ остальныхъ варіантахъ; какъ мы видѣли, указанъ даже Самаркандъ — столица Тамерлана.

Въ трехъ остальныхъ версіяхъ Тохтамышъ замѣненъ другими лицами, не историческими, но за то въ нихъ шире развернулась народная фантазія, въ нихъ сказалось художественное творчество; при чемъ народная фантазія, сказавшаяся въ двухъ ингушскихъ версіяхъ, въ общемъ однородна, разнится лишь въ деталяхъ; но она значительно отступаетъ отъ этихъ послѣднихъ въ кабардинскомъ варіантѣ, записанномъ В. Θ. Миллеромъ въ 1883 году (см. Труды этн. отд., VII) въ сл. Нальчикѣ. Въ ней, какъ говоритъ проф. Миллеръ, къ древнему сооруженію прикрѣплено съ одной стороны историческое имя, съ другой—восточная чудесная сказка; въ этомъ ея интересъ. Привожу вкратцѣ ея содержаніе.

Жилъ былъ въ гор. Дербентѣ царь Аксакъ-Темиръ. У него была красавица-дочь, которую онъ воспитывалъ въ заключеніи, никуда не выпуская. Въ Стамбулѣ умеръ одинъ мулла и завѣщалъ своему ученику огарокъ свѣчи. Ученикъ зажегъ огарокъ; къ нему явились духи и спрашиваютъ, что онъ прикажетъ. Онъ велѣлъ доставить красавицу. Джины принесли дочь Темира; это продолжалось долго. Дочь Темира начала хворать и сказала отцу, что во снѣ она уносится далеко къ молодому человѣку. Мудрецы посовѣтовали ей взять вещь у молодого человѣка. Она взяла яблоко, которое оказалось изъ Стамбула. Темиръ пошелъ войною, но удивленный чудомъ молодого человѣка, явившагося къ нему, простилъ его, выдалъ за него дочь и вернулся на корабляхъ на Кавказскій берегъ Чернаго моря; отсюда онъ повелъ войско въ Дербентъ. Войско было такъ многочисленно, что протоптанная имъ тропа стала широкимъ и глубокимъ рвомъ, остатки котораго видны и теперь и слывутъ подъ именемъ „дороги зятя“.

Что касается до четвертаго варіанта, записаннаго г. Ахріевымъ

въ 1875 году у ингушей, то она разнится отъ приведенной нами лишь въ мелкихъ деталяхъ, а потому мы и ограничимся указаніемъ этихъ отличій, не приводя самаго содержанія. Въ ней сказано, что канава Темира проходитъ отъ Галгаевскаго ущелья до Малой Кабарды и тянется отъ Чернаго моря до Каспійскаго. Въ преданіи Темиръ, какъ и въ приводимомъ нами, является не ханомъ, а обыкновеннымъ бѣднымъ человѣкомъ. Отецъ переломилъ ему одну ногу, боясь, что онъ убѣжитъ отъ него.. Кузнецъ говоритъ ему, что онъ былъ на днѣ морскомъ, когда спалъ (у насъ -- въ трещинѣ). Когда у Тамерлана пропалъ сынъ, то на деньги, найденныя въ кладѣ, онъ копаетъ ровъ, надѣясь, что слухъ объ этомъ дойдетъ до сына. Оказалось, что сынъ его былъ купленъ горнымъ ингушемъ Баркимомъ [1]) (у насъ—другое лицо); отъ него онъ ускакалъ на турпулѣ-конѣ. Въ легендѣ говорится далѣе, что сѣрая лошадь потому не можетъ скакать по камнямъ, что у нея бываютъ мягкія копыта; у лошади съ пятномъ на лбу—кости тонкія, отъ солнца нагрѣвается у нея мозгъ, и она устаетъ. Когда по прибытіи въ лагерь Тамерлана, сынъ его повѣсилъ шашку, то шашки воиновъ протянулись къ ней, п. ч. она была магнитная. Темиръ былъ шейхъ (святой) и узналъ о прибытіи сына. —Когда къ сыну его принесли золото для оцѣнки, то онъ оцѣниваетъ его дешевле куска хлѣба одинаковой величины (у насъ иначе). Встрѣтившись съ сыномъ, Тамерланъ идетъ на Баркима, послѣдній бѣжалъ изъ Дятахо въ Галгаевское ущелье. Вотъ все, что мы считали полезнымъ сказать по поводу приведенной нами легенды.

Замѣтки къ сказаніямъ.

Нартовскія сказанія у чеченцевъ и ингушей [2]).

Какъ извѣстно, нартовскій Сѣверо-Кавказскій эпосъ въ послѣднее время обратилъ на себя особенное вниманіе изслѣдователей русскаго богатырскаго эпоса. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этого отдѣла, проф. В. Ѳ. Миллеръ, по основательномъ изученіи интересующаго насъ вопроса, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые полезно знать при знакомствѣ съ нартовскими ска-

1) Баркимъ,—имя часто встрѣчающееся въ сказаніяхъ.

2) Ингуши составляютъ отдѣльную часть чеченцевъ, совершенно обособленную и съ особымъ нарѣчіемъ.

заніями у чеченцевъ. Богатырскія сказанія кабардинцевъ, балкарцевъ, осетинъ и чеченцевъ представляютъ собою одинъ эпическій циклъ, который можно назвать сѣверо-кавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверо-западнаго Кавказа, а впослѣдствіи зашелъ въ горы, гдѣ лучше всего и сохранился [1]). Сходство русскаго богатырскаго эпоса съ сѣверо-кавказскимъ, какъ убѣдительно доказано В. Ѳ. Миллеромъ, объясняется тѣмъ, что какъ русскія окраины, такъ равно и прикавказскія степи были въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ ареною борьбы мѣстныхъ жителей съ тюркскими кочевниками и вотъ, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, вырабатываются богатырскія сказанія; многія сказанія прямо могли быть занесены этими кочевниками изъ Азіи; во всякомъ случаѣ кочевники были тѣмъ естественнымъ звеномъ, которое связывало оба богатырскіе эпоса: сѣверный русскій и южный Кавказскій.

Нартовскія сказанія на Кавказѣ, какъ извѣстно, находятся въ періодѣ вымиранія. Что касается непосредственно чеченцовъ, то вымираніе сказаній у нихъ мы можемъ констатировать лично. Молодежь не знаетъ ихъ совсе. Изъ стариковъ—только немногіе; какъ быстро идетъ забвеніе ихъ, можно судить изъ того, что разспрашиваемые нами оба старика Газбыкъ и Ганыжъ (первому 100—110 лѣтъ, а второму—60 лѣтъ), одни изъ лучшихъ знатоковъ народныхъ обычаевъ и преданій среди ингушей, при всей готовности ихъ удовлетворить нашей просьбѣ, могли сообщить лишь тѣ немногіе отрывочные разсказы о нартахъ, которые мы цѣликомъ приводимъ въ настоящей статьѣ.

Несмотря на свое убожество, записанныя нами сказанія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на нартовскій эпосъ чеченцевъ, и ингушей; къ сожалѣнію, до сихъ поръ среди самихъ чеченцевъ оказалось мало людей, которые бы записали въ свое время народныя сказанія, а потому вообще нартовскій эпосъ отличается неполнотой и отрывочностью, а подчасъ неразъясненными противорѣчіями.

Мы имѣемъ въ виду работы природнаго чеченца Чаха Ахріева, напечатанныя въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказ. горцахъ, и кое-что, записанное чеченцемъ Лаудаевымъ. Надо удивляться то-

---

[1]) „См. Этногр. Обозрѣніе“ кн. X и кн. XI. *В. Миллеръ*, Кавказско-русскія параллели.

му, что лучшія работы по изслѣдованію Кавказа относятся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ; а съ тѣхъ поръ наступило какое-то затишье, и все рѣже и рѣже сами горцы берутся за перо, а между тѣмъ при желаніи они бы дали наукѣ и родинѣ то, что не доступно русскому заѣзжему ученому. Грустно подумать, что если бы не записалъ Ахріевъ, то такъ бы мы и не знали вовсе чеченскихъ нартовскихъ сказаній.

Перейдемъ къ разбору записанныхъ нами сказаній и постараемся указать то, что они даютъ намъ для раскрытія темныхъ сторонъ нартовскаго эпоса, главнымъ образомъ, чеченскаго. Говоря откровенно, дѣло это нелегкое, если имѣть въ виду отрывочность и противорѣчіе нартовскихъ сказаній. Начнемъ съ выясненія общихъ вопросовъ. Спросимъ сперва—гдѣ находилось мѣсто жительства нартовъ? На это мы до сихъ поръ имѣли отвѣтъ, данный г. Ч. Ахріевымъ, что постоянное мѣсто жительства ихъ находится въ Осетинскомъ ущельѣ Саниба [1]); мѣстомъ же дѣйствія ихъ служитъ западная часть Чечни, именно Галгаевское ущелье. Проф. Миллеръ справедливо считаетъ пріуроченіе нартовскихъ сказаній къ горамъ дѣломъ позднѣйшимъ; осетинскія и кабардинскія сказанія единогласно называютъ, и это несомнѣнно такъ,—мѣстомъ дѣйствія нартовъ приазовскія и приволжскія степи и вообще степную полосу, прилегающую къ Кавказскому хребту.

На нашъ вопросъ, старикъ Гаъбыкъ давалъ отвѣтъ о томъ же, согласный съ свидѣтельствомъ г. Ахріева [2]). Но за то совершенно иное говоритъ намъ другой старикъ—Ганыжъ; по его словамъ, нарты жили во времена Моисея и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится укрѣпленіе Назранъ, т. е. на плоскости. Если это такъ, и если это не есть позднѣйшій переносъ мѣста жительства нартовъ вмѣстѣ съ переселеніемъ самихъ ингушей на плоскость, то это говоритъ много въ пользу того, что нарт. эпосъ развился на плоскости, а занесенъ и сохранился въ горахъ. Упомянемъ тутъ же, что, по словамъ Ганыжа, всѣ нарты погибли у Татаръ-Тупа (у ст. Эльхотово Владикавказской желѣзной дороги), т. е. на плоскости. Нужно замѣтить, что рядомъ съ нартами чеченскія ска-

---

[1]) По преданіямъ—нѣкогда ингуши жили въ ущельѣ Саниба.

[2]) Кажется, г. Ахріевъ въ 1870 годахъ бралъ свѣдѣнія у этого же самаго старика (такъ, помнится, передавали ингуши).

занія говорятъ объ орштхойцахъ; они жили (судя по Ахріевскимъ сказаніямъ) также въ Саниба, а дѣйствовали въ-Галгаѣ; по словамъ же Ганыжа, они жили возлѣ Назрани, въ селеніи Яндырскомъ, и погибли у Татаръ-Тупа. При желаніи установить отличіе нартовъ отъ орштхоевъ, мы натыкаемся на почти непреодолимыя затрудненія. Старикъ Газбыкъ не различаетъ ихъ вовсе и называетъ общимъ именемъ нартъ-орштхои. Старикъ Ганыжъ и Ахріевъ говорятъ, что нарты одно, а орштхойцы другое. За Ахріевымъ и В. Ѳ. Миллеръ утверждаетъ, что нарты—это настоящіе общекавказскіе нарты, а орштхойцы—это великаны, отличавшіеся непомѣрной силой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глупостью; имъ у кабардинцевъ соотвѣтствуютъ великаны-эмегены (тоже у балкарцевъ), у осетинъ же ойгуты. Но такъ ли это? не было ли тутъ какого-либо заблужденія со стороны Ахріева? орштхойцы—дѣйствительно ли то, что называется у кабардинцевъ эмегенами? При ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса, мы не можемъ придти къ утвердительному отвѣту. Вотъ какъ опредѣляются эти эмегены у балкарцевъ [1]). Эмегены-великаны огромной физической силы и гигантскаго роста; они отличаются глупостью и, по нѣкоторымъ сказаніямъ, у нихъ много было головъ и одинъ глазъ во лбу; они ѣли человѣческое мясо, за что нарты ихъ ненавидѣли и побѣждали ихъ хитростью. То же почти опредѣленіе великановъ мы находимъ у кабардинцевъ и у осетинъ. Спрашивается теперь, можно ли приложить это опредѣленіе къ орштхойцамъ? Отнюдь нѣтъ. Этимъ эмегенамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ въ чеченскихъ сказаніяхъ вамполы (см. наше сказаніе) и гарбожи (см. наше сказаніе, а также Сб. св. о к. г., V, стр. 39, „сказ. о Горбожѣ" г. Ахріева). Въ сказаніи, записанномъ г. Ахріевымъ, ясно выставлена именно глупость и сила гарбожъ, въ противоположность уму и храбрости орштхойцевъ, т. е., слѣдовательно, здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сказаніяхъ, орштхойцы являются въ роли нартовъ. Обратимъ наше вниманіе на то, какъ опредѣляются нарты у различныхъ народовъ Кавказа. Они у Дагестанскихъ горцевъ—безымянные великаны, либо спящіе въ бездѣльѣ, либо охотящіеся [2]); у кабардинцевъ они—люди необыкновенно сильные, ловкіе и отважные; они проводятъ жизнь въ постоянныхъ разъѣздахъ или въ пир-

[1]) См. „Сб. мат. для изслѣд. племенъ и мѣстн. Кавк." в. I, *Урусбіевъ*.

[2]) См. Чеченскій языкъ, *П. К. Услара*, прилож. 3, стр. 100.

шествахъ; они совершали набѣги, грабили [1]); осетины также рисуютъ нартовъ въ своихъ сказаніяхъ народомъ, не признающимъ надъ собой никакой божественной власти. Народъ говоритъ: „за то, что нарты не признавали Бога, Онъ ихъ и стеръ съ лица земли“ [2]). Кто же теперь орштхойцы чеченцевъ? Это, говорятъ намъ чеченцы, были люди коварные, завистливые, злые; они сильны и жаждутъ борьбы; они вѣровали въ Бога, но дѣлали все наоборотъ, за что Онъ и уничтожилъ ихъ. Сидятъ орштхойцы съ Соска-Солса и думаютъ такую думу: „Есть ли такой край, гдѣ бы мы не грабили?“ Вспомнимъ далѣе основныя черты главныхъ героевъ изъ 60 орштхойцевъ: Соска-Солса, Патрижъ-Хамча, Урузманъ, Орзми, Оруби, Тахшоко и т. д. Вѣдь они всѣ причислены къ орштхойцамъ. Спрашивается: развѣ эти герои орштхойцевъ, да и сами орштхойцы вообще, не есть копія съ нартовъ кабардинцевъ, осетинъ и балкарцевъ? Даже имена осетинскихъ нартовъ тѣ же (Батразъ, Хамыцъ и др.). Послѣ сличенія сказанія про тѣхъ и другихъ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что основныя черты героевъ у всѣхъ названныхъ народовъ однѣ и тѣ же. Единственный разсказъ, говорящій въ пользу противоположнаго мнѣнія въ чеченскихъ сказаніяхъ, мы находимъ у того же Ч. Ахріева [3]); это—„шестьдесятъ орштхойцевъ и Цазикъ“.

Въ этомъ разсказѣ орштхойцы выставлены какъ глупцы, которыхъ неоднократно обманываетъ Цазикъ и, въ концѣ концовъ, заставляетъ прыгать въ воду. Не говоря о томъ, что это противорѣчитъ представленію, какое даютъ намъ объ орштхойцахъ всѣ прочія сказанія, это сказаніе есть, просто говоря, фальшивое ненартовское. Сюжетъ его заимствованъ изъ похожденій муллы Насръ-Эддина и занесенъ въ Чечню извнѣ (напр., изъ Дагестана); это тѣмъ болѣе вѣроятно, что разсказъ записанъ въ Назранѣ, на плоскости, гдѣ почти неизвѣстны нартовскія сказанія, точно также, какъ во всей плоскостной Чечнѣ [4]). Во всякомъ случаѣ, разсказчикъ здѣсь, можно сказать, не имѣлъ никакого понятія объ орштхойцахъ.

Если, стало быть, мы приходимъ въ результатѣ къ тожеству

[1]) См. Сб. свѣд. о Кавказ. горц. в. V, Изъ кабард. сказ. стр. 47.
[2]) См. Ibid., стр. 33. Нарты осет. Шанаева.
[3]) См. Сб. свѣд. о Кавк. горц. в. V, *Ахріевъ*, 42.
[4]) См. Сб. св. о Кавк. горц. VI, отд. 1, 44.

орштхойцевъ съ нартами у другихъ народовъ Кавказа, то каковы-же были чеченскіе нарты? Общая характеристика ихъ, по представленію ингушей, такова, что они были люди добрые, „божіе“, вѣрующіе въ Бога и всегда дѣйствующіе согласно велѣніямъ его; это были рыцари, защитники слабыхъ; они тоже были весьма сильны и всегда вели упорную борьбу съ орштхойцами. Жили они рядомъ съ орштхойцами и погибли тоже вслѣдъ за ними и въ одномъ и томъ же мѣстѣ [1]). Вся разница, поэтому, сводится къ различію характеровъ тѣхъ и другихъ; нарты олицетвореніе добра, а орштхойцы олицетвореніе зла и коварства. Только одно странно: въ то время какъ сказанія называютъ намъ множество именъ орштхойцевъ, мы не знаемъ именъ нартовъ; приходится дѣлать догадки, и первое, что приходитъ на умъ, это то, что нарты были предками нынѣшнихъ чеченскихъ фамилій, родоначальниками. Извѣстно, что многія нынѣ существующія ингушскія фамиліи, происходятъ отъ нартовъ [2]); нартами были и тѣ сильные мирные обитатели, на которыхъ нападали орштхойцы; наприм., Борога-Бексултанъ, Чопа-Бороганъ, Гожакъ, Науръ [3]), Горжай, у котораго они угоняютъ стадо, Колай-Кантъ, Охкыръ-Кантъ, Баркимъ-Кантъ, Ахмедъ-благодѣтель и друг.

Но это дѣленіе, не нужно забывать,—чисто чеченское, не встрѣчающееся у другихъ народовъ; почему всякій разъ, когда мы говоримъ о нартахъ вообще, тогда это различіе пропадаетъ, и тѣ и другіе, т. е. чеченскіе нарты и орштхойцы, должны быть названы общимъ именемъ нартовъ. Недаромъ сами чеченцы соединяютъ оба слова, называя ихъ общимъ именемъ „нартъ-орштхой“. Скажемъ еще, что въ плоскостной Чечнѣ и въ Ичгеріи (по словамъ Лаудаева) это различеніе „нартовъ“ отъ орштхоевъ исчезаетъ вовсе, и тамъ-то, что говорится у ингушей объ орштхойцахъ, сказано о нартахъ. „Нарты, это керестанъ-исполины; они вездѣ являются угнетателями народа“, гов. Лаудаевъ въ VI в. Сб. св. о кав. гор. [4]). Теперь намъ остается указать на тѣ ва-

---

[1]) См. наши сказанія.

[2]) Впрочемъ, многія фамиліи производятъ себя и отъ орхустойцевъ (см. Сб. св. о кав. гор. в. VIII, Ахріевъ, 25, Основаніе Аул. Оббоно).

[3]) Эти имена встрѣчаются въ статьѣ г. Лаудаева.

[4]) Наши выводы въ данномъ случаѣ мы не считаемъ конечными, но при существующихъ данныхъ они единственно достовѣрные.

ріанты сказаній о нартахъ, которые имѣются въ печати, не исключая и записанныхъ нами.

Сказаніе о „рожденіи Соска-Солса" является въ печати впервые теперь. Интересно сопоставить это ингушское сказаніе съ осетинскимъ сказаніемъ о рожденіи Сирдона въ Сб. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. IX; а также Сбор. мат. вып. XII, гдѣ аналогичнымъ съ тѣмъ и другимъ является сказаніе о рожденіи кабардинскаго нарта Сосруко.

Сказаніе о „Батыгъ-Шертга напечатано также въ Сборникѣ свѣд. о кавк. горц. Вып. VIII, Ахріевъ, 31. Наше короче того.

„Соска-Солса и Батыгъ-Шертга" также напечатано тамъ же, гдѣ предыдущее. Разница между нашимъ и тѣмъ ничтожная; оцѣнка ружья Соска-Солсы и тамъ и тутъ тождественна; то же самое говорится и о конѣ; за то тамъ оцѣнивается самъ нартъ—въ собаку; а у насъ оцѣнка шашки сдѣлана въ ребро коровы во время голода; а самъ Соска-Солса въ нашемъ сказаніи ни во что не цѣнится, такъ какъ „онъ противъ Бога войну велъ".

Сказаніе про нарта Соска-Солса и Охкыръ-Канта до сихъ поръ нигдѣ, кажется, не было напечатано и записано нами впервые. Оно интересно тѣмъ, что до извѣстной степени характеризуетъ вѣчно-безпокойныхъ грабителей нартъ-орштхоевъ въ лицѣ представителя ихъ Соска-Солса. Слѣдуетъ тутъ обратить вниманіе еще на интересный обычай усыновленія у чеченцевъ посредствомъ принятія въ пищу молока женщины.

Другое сказаніе про Соска-Солса и Колай-Канта является въ печати уже второй разъ. Впервые оно напечатано Ч. Ахріевымъ въ Сб. св. о к. г. вып. IV стр. 4. Укажемъ на разницу между этими двумя варіантами, которые раздѣляютъ 20 съ лишнимъ лѣтъ. Г. Ахріевъ говоритъ, что Колай-Кантъ былъ младшимъ братомъ изъ трехъ; онъ заблудился въ горахъ и 12-ть лѣтъ не видѣлъ людей; тамъ орхустойцамъ удалось проникнуть въ пещеру пастуха; но они были выгнаны имъ. Дальше сказано, что Соска-Солса послалъ къ пастуху сестру свою, которая и осталась за нимъ. Прочія отличія несущественны. Вообще говоря, сказаніе, переданное Ахріевымъ, полнѣе и подробнѣе нашего, но и только—существенной разницы между ними не существуетъ.

„Гибель орштхоевъ". Объ ихъ гибели упоминаетъ и г. Ахріевъ въ Сб. св. о кав. гор., в. IV, отд. 2, стр. 1—3. Онъ подтвер-

ждаетъ гибель ихъ отъ расплавленной мѣди, выпитой ими.—Въ VI в. Сб. св. о к. г. отд. II, стр. 44—г. Лаудаевъ указываетъ на существованіе въ плоскостной Чечнѣ двухъ преданій о гибели нартовъ; по одному преданію—они гибнутъ, также выпивъ мѣди; а по другому—они устыдились упрековъ одной вдовы, видѣвшей въ нихъ причину всеобщаго несчастія, и, поселившись въ Чечнѣ, смѣшались съ прочими мирными обывателями.

О „Соскѣ-Солса и Накыстцахъ", вскользь упоминаетъ г. Ахріевъ въ Сб. св. о к. г. в. IV, отд. II; нами записанное сказаніе даетъ больше свѣдѣній.

Сказаніе о Хамча-Патрижъ въ нѣсколько иномъ видѣ также встрѣчается у г. Ахріева въ Сб. св. о к. г., в. VIII, 35. И тамъ и здѣсь Патрижъ является причиной человѣческаго несчастія; разница въ томъ, что тамъ онъ не можетъ даже при желаніи погибнуть: ни огонь, ни вода его не беретъ. Въ нашемъ сказаніи его благоразумно удерживаетъ вдова отъ самоубійства, указывая, что этимъ прежняго не воротишь. По словамъ старика Ганыжа, онъ погибаетъ отъ досады, что является причиной всеобщаго горя. Интересно сопоставить сказаніе о Патрижъ съ таковымъ о нартахъ у Лаудаева: тамъ, въ Чечнѣ, то, что у ингушей приписано Патрижу, отнесено ко всѣмъ нартамъ; они всѣ принесли съ собою несчастіе, уничтоживъ благодать; но они же и перестали грабить. Скажемъ еще, что сказаніе, записанное г. Ахріевымъ, полнѣе нашего; время отрѣзало у него конецъ: Патрижъ тамъ отправляется на тотъ свѣтъ и у бога жертвъ Ешпора успѣваетъ выпросить снять $^1/_3$ часть скудости съ міра сего.

Слѣдующее сказаніе „Отчего Богъ истребилъ орштхоевъ" до сихъ поръ нигдѣ не было въ печати. Оно интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на причину гибели нартъ-орштхоевъ.

Этимъ заканчиваемъ мы свои замѣтки о нартовскомъ эпосѣ чеченцевъ. Въ задачу нашу входило только указаніе тѣхъ сторонъ этого эпоса, на которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ собранныя нами сказанія. Характеристика героевъ чеченскихъ сказаній, проведеніе параллели между ними и нартами другихъ кавказскихъ народностей и затѣмъ между героями русскаго богатырскаго эпоса—все это вопросы крайне интересные и ими занимаются представи-

тели науки; если наша скромная работа облегчитъ хоть сколько-нибудь работы ученыхъ, мы найдемъ въ этомъ лучшую награду для себя [1]).

Замѣтимъ еще, что, если любители кавказской этнографіи и сами кавказскіе горцы теперь же не возьмутся спасать нартовскія сказанія, то всѣ они въ недалекомъ будущемъ канутъ въ безжалостную Лету; Кавказъ и Европа лишатся разъ навсегда одной изъ лучшихъ эпическихъ поэмъ, когда-либо существовавшихъ у юныхъ народовъ и сохранившихся лишь у немногихъ счастливцевъ, какъ у древнихъ грековъ Иліада и Одиссея, у германцевъ—Нибелунги, у финновъ—Калевала, у персовъ—Шахъ-наме, у индусовъ—Магабарата, у горцевъ—Нартіада (по Максу Мюллеру и Услару). Въ послѣднее время отъ спячки очнулась осетинская интеллигенція и занялась собираніемъ нартовскихъ сказаній; кабардинцы же, чеченцы и горцы Кабарды, гдѣ богатырскій эпосъ лучше всего сохранился, ничего не предпринимаютъ для спасенія погибающаго народнаго эпоса.

Б. К. Далгатъ.

---

[1]) Интересующихся языческимъ міровоззрѣніемъ ингушей и чеченцевъ, которое проглядываетъ во многихъ сказаніяхъ, я отсылаю къ своей статьѣ „Первобытная религія чеченцевъ" въ Терскомъ Сборникѣ за 1893 годъ.

Матеріалы для этнографіи поморовъ Архангельской губерніи.

Изъ жизни Бѣломорскихъ поморовъ.

Мнѣ пришлось три года, 1887—1890, прожить въ г. Кеми, Архангельской губерніи. Кемь—это поморская столица, въ которой сосредоточены какъ органы административнаго управленія Кемскимъ уѣздомъ, такъ и вся торговопромышленная жизнь поморскаго края. Несмотря на это, Кемь представляетъ изъ себя маленькій городокъ, и даже не городокъ, а просто группу деревянныхъ построекъ, разбросанныхъ по болоту на островахъ, образуемыхъ рѣкою Кемью и четырьмя ея рукавами, въ 7 верстахъ отъ моря. Улицъ въ Кеми нѣтъ. Вмѣсто нихъ тянутся полоски и площадки болота, по краямъ которыхъ положены деревянные мостики для пѣшеходовъ. Краткія историческія и статистическія свѣдѣнія объ этомъ городкѣ, заимствованныя мною изъ мѣстнаго оффиціальнаго источника, привожу дословно, съ сохраненіемъ правописанія: „Граждань въ городѣ мужескаго пола 567, женскаго пола 705. Судовъ мореходныхъ 117, рѣчныхъ 308. Домовъ въ городѣ 295. Описаніе города: Въ 1579—1590 была Кемская волость. 1591. Отведена игумену Соловей Монастыря Іакову построена на островѣ Ленѣ башня и на именована Городокъ. 1785. Городокъ Олонецкаго намесничества переименованъ въ Городъ и открытъ въ 22 Августа. 1802. Присоединенъ къ Архангельской губерніи". Живя въ Кеми, я имѣлъ возможность близко наблюдать жизнь архангельскихъ поморовъ, представляющую много своеобразныхъ бытовыхъ особенностей. Свои наблюденія я заносилъ въ записную книжку и теперь, пересмотрѣвъ свои записки, намѣренъ постепенно обнародовать наиболѣе интересныя главы.

I. Поморская свадьба.

Свадьбы у поморовъ пріурочены ко времени „великаго заговѣнья“, т.-е. промежутку между зимними святками и великимъ постомъ. Въ это время поморы пользуются наибольшимъ досугомъ: осенніе промыслы (рыбные и звѣриные) окончены, весенніе еще не начинаются. Поэтому къ періоду „великаго заговѣнья“ они пріурочили также и т. н. „велику госьбу“, спеціально поморскій обычай хожденія въ гости ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обычаѣ. Въ „великой госьбѣ“ соблюдается строгій порядокъ старшинства. Для каждаго визита опредѣляется обыкновенно отдѣльный день, такъ что тѣмъ, у кого много родни, приходится дѣлать визиты въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, а иногда и больше. Окончивъ посѣщеніе односельчанъ, отправляются цѣлыми семьями въ сосѣднія села, гдѣ уже гостятъ по нѣскольку дней. Время „великой госьбы“ у поморовъ—самое веселое время; по улицамъ то и дѣло мелькаютъ бойкія поморскія женки, необыкновенно красивыя въ своихъ пестрыхъ гарусныхъ сарафанахъ и шелковыхъ подшалкахъ, въ бархатныхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ повойникахъ и яркихъ косынкахъ. На рукахъ, груди, въ ушахъ и волосахъ сверкаютъ золотыя украшенія, страсть къ которымъ у поморовъ развита чрезвычайно сильно. Многія изъ нихъ затрудняются отличить ржаную муку отъ ячменной, но почти всѣ съ ростовщической безошибочностью, при одномъ взглядѣ, отличатъ золото и жемчугъ отъ ихъ поддѣлокъ. Поэтому, если у какой-нибудь женки нѣтъ золота, она обходится безъ всякихъ украшеній и къ поддѣлкамъ прибѣгаетъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Благодаря обычаю дарить невѣсту какою-нибудь золотою бездѣлушкой, въ каждой семьѣ обыкновенно насчитывается такихъ бездѣлушекъ по нѣскольку штукъ, а благодаря необычайной бережливости женокъ, у нихъ нерѣдко, наряду съ новѣйшими вещицами, можно встрѣтить издѣлія сѣдой старины. Однако вернемся къ свадьбамъ.

Нужно сказать, что въ поморьѣ женщинъ гораздо больше, чѣмъ мущинъ, и поэтому населеніе особенной чистотою нравовъ не отличается. Требовательность мущинъ въ этомъ отношеніи не велика; прижитый до брака ребенокъ сплошь и рядомъ особеннымъ препятствіемъ ко вступленію въ бракъ не служитъ. Чувство

любви по большей части также не играетъ почти никакой роли. Большинство браковъ заключается по побужденіямъ экономическаго характера, а часто все дѣло сводится къ простой случайности: вздумалъ—и женился. Не мало брачныхъ союзовъ являются результатомъ привычки, пріобрѣтенной въ добрачномъ сожительствѣ. Конкубинатъ вообще очень развитъ.

Выборъ невѣсты въ большинствѣ случаевъ производится такъ: задумавъ жениться, парень, на семейномъ совѣтѣ съ своими родными, приводитъ въ ясность вопросъ о количествѣ наличныхъ въ селѣ или городѣ невѣстъ. Расположивъ невѣстъ въ строго послѣдовательный порядокъ, отъ самой богатой до самой бѣдной, совѣтъ исключаетъ изъ ихъ числа слишкомъ богатыхъ, какъ несомнѣнно недоступныхъ, и слишкомъ бѣдныхъ, какъ нежелательныхъ, и потомъ уже начинается самое сватовство. Сватовъ обыкновенно бываетъ двое: большею частью, крестный отецъ жениха и еще кто-нибудь изъ родственниковъ или близко знакомыхъ. Идутъ сваты, конечно, сначала къ самой выгодной невѣстѣ и, только въ случаѣ неудачи, переходятъ къ слѣдующей по порядку и т. д., пока не получатъ согласія. О цѣли прихода въ первый разъ сваты никогда не объявляютъ, и дѣло ведется обыкновенно тонко и политично, подъ видомъ обычнаго въ этотъ періодъ времени визита; но въ домѣ невѣсты, конечно, всѣ хорошо понимаютъ, въ чемъ дѣло, и, въ случаѣ желанія вести дѣло дальше, приглашаютъ „гостить въ новой (другой, иной) разъ“, а въ случаѣ нежеланія—даютъ понять, чтобы искали въ другомъ мѣстѣ. Иногда такимъ образомъ сваты въ одинъ день перебываютъ въ 5—6 домахъ.

Мнѣ пришлось близко познакомиться съ исторіей одного брака, который прошелъ всѣ типичныя фазы развитія сватовства и брачныхъ церемоній у поморовъ, а потому въ дальнѣйшемъ изложеніи я ограничусь разсказомъ объ этомъ случаѣ.

Послѣ обычныхъ неудачъ, женихъ наконецъ нашелъ себѣ невѣсту, по порядку намѣченныхъ ранѣе—№ 8. Въ первый разъ родители ея, по обычаю, ничего не отвѣтили сватамъ, но дали однако понять, что дѣло можетъ еще наладиться. На другой день къ сватамъ явился посланный отъ родителей невѣсты съ приглашеніемъ на чашку чаю. Это и есть косвенное согласіе невѣсты на бракъ. Сваты явились на чай, поговорили о томъ, о другомъ, и только тогда уже прямо заговорили о цѣли своихъ посѣщеній. Послѣ нѣ-

которыхъ требуемыхъ этикетомъ разсужденій на счетъ того, что невѣста молода, что торопиться нечего и проч., родители невѣсты дали оффиціальное разрѣшеніе „прійти за рукой". Сваты ушли за женихомъ и, посидѣвъ нѣсколько въ его домѣ, такъ, чтобы не показалось ни слишкомъ скоро, ни слишкомъ долго, отправились къ невѣстѣ уже съ женихомъ. Одинъ изъ сватовъ съ этого времени принимаетъ на себя обязанность старшаго дружка и называется *тысяцкимъ*. При появленіи въ домѣ жениха, невѣста находилась въ особой комнатѣ и вышла къ гостямъ только послѣ троекратнаго приглашенія. Тутъ произошло т. н. *рукобитье* (обрученіе), состоящее въ томъ, что женихъ даритъ невѣстѣ шелковую косынку, которою женки укрѣпляютъ на головѣ повойникъ, а невѣста жениху—шейный платокъ, или, какъ поморы почему-то называютъ, *сѣтку*. Женихъ напился чаю и ушелъ. Никакихъ гостей на рукобитье не приглашаютъ. Свадебныя празднества начинаются только съ слѣдующаго дня, въ который происходятъ т. н. *смотрины* невѣсты.

На смотрины былъ приглашенъ и я. Прихожу въ назначенный срокъ—никого нѣтъ. Оказывается, что невѣстѣ подвернулся болѣе выгодный женихъ, и она, несмотря на рукобитье, послѣ котораго вопросъ о бракѣ считается окончательно рѣшеннымъ, отказала первому жениху. Явленіе это довольно часто.

Дѣлать было нечего, и сваты нашего жениха начали новыя мытарства. Къ счастію, дѣло сладилось на слѣдующемъ № 9. Я опять былъ приглашенъ утромъ на чай, а вечеромъ на смотрины, которыя на этотъ разъ состоялись безъ всякихъ приключеній. Опишу сначала утренній чай. И этотъ чай, и смотрины происходятъ въ домѣ невѣсты. Маленькая горенка, въ которую я вошелъ, была полна народу. Въ переднемъ углу стоялъ накрытый чистою скатертью столъ; въ другомъ углу буквально одна на другой помѣстились дѣвушки—подруги невѣсты. Онѣ, по обычаю, шили невѣстино приданое, занимаясь этимъ дѣломъ съ утра до вечера каждый день до окончанія брачныхъ церемоній. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что обѣдать и ужинать дѣвушки уходили каждая къ себѣ домой. Здѣсь сказался рѣзко выраженный у архангельскихъ поморовъ индивидуализмъ, доходящій у нихъ иногда до крайности. Такъ, напр., встрѣчаются семьи, гдѣ живущіе въ одной избѣ братья, сестры и проч. имѣютъ каждый свой чай и

сахаръ, свой хлѣбъ, свое масло для лампады, даже свой особый горшокъ каши.

Дѣвушки пѣли плясовыя и свадебныя пѣсни. Въ ихъ пѣсняхъ, сколько я ихъ ни переслушалъ, слишкомъ много визгу и писку и слишкомъ мало мелодіи. У нихъ существуетъ только два мотива: для пѣсенъ грустнаго содержанія и для пѣсенъ веселаго содержанія. Поютъ поморки холодно, безъ страсти, даже безъ увлеченія и заслушаться ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя; но у нихъ сохранились *„досельныя"*, т.-е. старинныя, пѣсни, подкупающія какъ своимъ содержаніемъ, такъ и историческимъ интересомъ. Впрочемъ, это относится только къ циклу свадебныхъ пѣсенъ; плясовыя, *качельныя* (которыя поютъ во время качанія на качеляхъ) и даже святочныя представляютъ самый нелѣпый сбродъ: тутъ можно услышать и „казака за Дунаемъ", и какіе-то „петербурскіе паркеты", и кавказскаго „Казбулата", и даже стихотворенія изъ дѣтскихъ хрестоматій.

Толкаясь среди званыхъ и незваныхъ гостей, столпившихся въ остальныхъ углахъ горенки, я вспоминалъ сельскую церковь во время храмового праздника: такая же духота, такое же смѣшеніе запаховъ масла, поту и дегтю, такая же давка. Иллюзію доканчивало то, что всѣ гости стояли на ногахъ. Только въ переднемъ углу, за столомъ, было ограниченное число свободныхъ мѣстъ на лавкѣ, но мѣста эти предназначались для почетныхъ гостей. Желая познакомиться съ текстомъ пѣсенъ, я протискался къ дѣвушкамъ, и среди нихъ, какъ по листьямъ дерева, пронесся шопотъ. Вслушавшись, я замѣтилъ, что онѣ передаютъ другъ другу мое имя. Вслѣдъ затѣмъ онѣ запѣли пѣсню, въ текстѣ которой я снова услышалъ свое имя. Эта пѣсня поется обыкновенно тысяцкому, хотя поютъ ее и почетнымъ гостямъ. Вотъ эта пѣсня:

Какъ по сѣнямъ, по сѣночкамъ,
По часты́мъ переходочкамъ,
Тамъ гуляла разгуливала
Молодая боярыня,
Во право́й рукѣ но́сила
Два подноса серебряныхъ,
На подносикахъ но́сила
Два стакана позолоченыхъ,
Сама вѣрно выговаривала:
„Ужъ вы, гости, вы гостюшки,
„Изобра̀ны добры молодцы!
„Посидите малёшенько,
„Какъ я молодёшенька
„Пойду потихошеньку,
„Ступлю помалёшеньку
„Что-й до свѣтлой до свѣтлицы,
„До столовой новой горницы.
„Тамъ сидятъ князья, бо́яра,
„Тамъ сидитъ и мой милый другъ
(Имя и отчество).

„Ей походка лебединая,
„Тиха рѣчь ейна повинная,
„Брови чернаго соболя,
„Очи яснаго сокола“.
„Ужъ онъ пьетъ—упивается,
„Своей женкой похваляется:
„У меня ль (имя) умная,
„(Отечество) разумная“.

Имя молодой боярыни, упоминаемой въ этой пѣснѣ, принадлежало моей женѣ. Я понялъ, что пѣсня эта спѣта для меня и поблагодарилъ дѣвушекъ за вниманіе.

— Видно гривенника въ карманѣ не пристаталось, что спасибомъ подчуешь,—обратилась ко мнѣ сидѣвшая между ними старуха, игравшая роль свадебнаго церемоніймейстера и называемая у поморовъ *подголосницей*.

Я принужденъ былъ бросить ей нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Въ это время отворилась входная дверь, толпа гостей разступилась и пропустила къ столу жениха съ тысяцкимъ. Въ рукахъ послѣдняго былъ жестяной подносъ, завернутый въ бумажный платокъ. Помолившись на образа, они степенно усѣлись за столъ. Дѣвушки запѣли:

Не слыхала да не видала,
(Имя, отчество невѣсты)
Какъ ворóта отворились,
Какъ широки раскатились,
Какъ бояра на дворъ съѣхались,
Поѣзжане пріѣхали.
(Имя жениха) вступилъ въ горницу,
(Отчество) да во свѣтлицу.
(Имя невѣсты) расплакалась,
(Отчество) разжалобилась:
„Пришелъ погубитель мой,
Пришелъ разоритель мой.
Пришелъ—расплети косу́!
Пришелъ—потеряй красу́!“
Какъ заслышалъ эту пóхвальбу
Удалой добрый молодецъ:
„Не я погубитель твой,
Не я разоритель твой,
Не я—расплети косу́,
Не я—потеряй красу.
Погубитель твой—батюшка,
Разорительница—матушка,
Расплети косу—сватьюшка,
Потеряй красу—подружка,
Подружка названушка,
Душа красная дѣвица“.

Женихъ поблагодарилъ, а дѣвушки запѣли пѣсни дружкамъ:

Во теремѣ кроваточка тесовà,
На кроваточкѣ перина пуховà,
Одѣяло собольё,
Зголовьице высокò.
Тутъ спалъ, почивалъ
Молодой боярскій князь
Господинъ (имя, отчество).
Къ нему матушка приходила,
Государыня родама говорила:
„Пора, дитятко, вставать,
Корабль за море ушелъ,
Чисто сѐребро увезъ!“
—„Не могу, мамаша, встать,
Ни руки, ноги поднять,
Ни буйнóй головы“.
Во теремѣ кроваточка тесовà,

„Пора, дитятко, вставать,
Корабль за море ушелъ,
Невѣсту увёзъ!“
—„Принеси, мати, чулки
Да козловы сапоги;
Я пойду въ погоню,
Корабля застаю,
Невѣсту отойму“.
На кроваточкѣ—перина пухова,
Одѣяльце соболье,
Зголовьице высоко.
Тутъ спалъ, почивалъ
Молодой боярскій князь
Господинъ (имя отчество).
Къ нему матушка приходила,
Государыня родима говорила:

Въ этой пѣснѣ поется припѣвъ: „люлю—люлю“. Пѣсня второму дружкѣ короче:

Изо устьица, устьица,
Изо устья лодейнаго,
Со ходу корабельнаго
Небольшой, малой садикъ плывётъ.
На судёнцѣ немножко людей,
По разсчету сорокъ семь человѣкъ;
Во восьмыхъ былъ коршичекъ,
Во девятыхъ—носовщичекъ,
Во десятыхъ—хозяинъ молодой
По кораблику погуливаетъ,
Во карманъ руки покладываетъ,
Чистый гребешокъ выдергиваетъ,
Русы волосы расчёсываетъ,
По едину русу волосу,
По единой волосиночкѣ.

Когда пѣсни окончились, послѣ нѣсколькихъ минутъ мертвой тишины, женихъ отправилъ тысяцкаго за невѣстой. Невѣста сидѣла въ другой горницѣ совсѣмъ готовая къ выходу, однако на почтительную просьбу выйти къ жениху, отвѣтила отказомъ—этого требуетъ этикетъ. Приблизительно черезъ четверть часа тысяцкій повторилъ свой визитъ и снова получилъ отказъ, на этотъ разъ высказанный съ досадой, хотя и притворной. И только послѣ третьяго приглашенія невѣста, какъ бы нехотя, изволила подняться съ своего мѣста. Одѣта она была въ обыкновенный поморскій сарафанъ, но только безъ фартука; послѣдній, какъ нововведеніе, въ торжественныхъ случаяхъ никогда не надѣвается. На головѣ невѣсты была высокая парчевая повязка, изъ-подъ которой свѣшивалась коса.

Войдя въ комнату, она остановилась и начала молиться на образа, и, помолившись, кланяться на всѣ четыре стороны. Движенія ея были какъ-то торжественно плавны и неторопливы; видно было, что она долго готовилась къ этому моменту. На встрѣчу ей поднялся женихъ, поцѣловалъ, или вѣрнѣе ткнулъ губами ей въ щеку (поморы не умѣютъ цѣловаться!), взялъ за руку и повелъ въ передній уголъ. Прежде чѣмъ сѣсть, невѣста опять торжественно поклонилась на всѣ стороны. Женихъ передалъ ей на подносѣ

слѣдуемый по обычаю подарокъ—десертъ и шаль и тутъ же громко распорядился, чтобы подарки высыпали на тарелку, а подносъ и платокъ, въ который они были завернуты, возвратили ему обратно.

Дѣвушки запѣли плясовыя пѣсни. Подали чай. Женихъ наливалъ для невѣсты чай изъ стакана въ блюдце, студилъ его и чуть не отгрызалъ для нея кусочки сахару. Невѣста все кланялась... въ этотъ день она только и дѣлаетъ, что торжественно кланяется: подадутъ ли ей или кому другому изъ гостей чай, она встанетъ и прямо передъ собою молча наклонитъ голову и станъ, насколько позволяетъ пространство; споютъ ли дѣвушки пѣсню—то же самое; угощаютъ ли ея родныя или дружки кого-нибудь—опять то-же. Послѣ чаю начались пляски, танцы: „водились утушкой", „играли шестерку". И тотъ и другой танецъ чрезвычайно бѣдны движеніемъ. Для нихъ нужно пространство въ три шага. Первый состоитъ въ томъ, что становятся другъ противъ друга двѣ пары танцующихъ. Держась за руки, первая пара подходитъ ко второй и поворачиваетъ назадъ къ своему мѣсту; вслѣдъ за нею отправляется другая пара. И вотъ на пространствѣ трехъ шаговъ танцующіе толкаются взадъ и впередъ, въ чемъ и состоитъ вся „утушка". „Шестерка напоминаетъ т .наз. шенъ въ 6-й фигурѣ французской кадрили, слѣдовательно, нѣсколько живописнѣе „утушки". Молодые также приняли участіе въ танцахъ, при чемъ сначала приглашаетъ онъ ее, а потомъ она его.

Вскорѣ женихъ ушелъ, разошлись и гости до вечера, когда происходятъ *смотрины*, или какъ говорятъ *смо̀тренье*. Собственно говоря, на смотринахъ новаго не происходитъ ничего. Я забрался на пиръ чуть не раньше всѣхъ и имѣлъ возможность убѣдиться, что на смотринахъ повторилось все въ томъ же порядкѣ, что я видѣлъ уже утромъ. Разница только въ томъ и состояла, что на смотринахъ собралось больше народу, такъ какъ на нихъ по обычаю должны присутствовать родственники жениха и невѣсты. Обычный подарокъ (женихъ даритъ невѣсту въ каждый свой визитъ; придти къ невѣстѣ безъ подарка считается неприличнымъ) со стороны жениха въ этотъ разъ составляла матерія на сарафанъ, а со стороны невѣсты—сукно на жилетъ. Принято, чтобы въ этотъ вечеръ невѣста дарила что-нибудь роднѣ жениха, обыкновенно ситцу на рубашки.

На слѣдующій послѣ смотринъ день происходитъ обыкновенно вѣнчанье, или, какъ говорятъ поморы, *вѣнецъ*. Нерѣдко всѣ обряды, начиная сватовствомъ и кончая вѣнцомъ, оканчиваются въ одинъ день, но обыкновенно вѣнецъ совершается на 3-й день послѣ сватовства. Утромъ этого дня еще въ постели мать невѣсты расплетаетъ ей косу и съ этого момента до конца вѣнца невѣста ходитъ съ распущенными волосами. Процессъ расплетанія косы считается самымъ грустнымъ моментомъ въ жизни дѣвушки. Мать и невѣста рыдаютъ на взрыдъ; дѣвушки, которыя въ то же время присутствуютъ всѣ, сквозь слезы поютъ пѣсню:

Пришелъ погубитель мой;
Пришелъ разоритель мой,
Пришелъ—расплети косу!
Пришелъ—потеряй красу! и. т. д.

Часовъ въ 10 утра у невѣсты былъ обычный чай. Женихъ явился на этотъ разъ съ цѣлой кучей подарковъ; какъ требуетъ обычай, въ этотъ день невѣсту дарятъ духами, душистымъ мыломъ и сладостями; главный, такъ сказать, узаконенный подарокъ составляютъ чулки и полусапожки. Напившись чаю, женихъ ушелъ, гости начали танцовать, а невѣста приступила чуть не къ самой тяжелой для нея свадебной церемоніи—прощанію со всѣми присутствующими женками. Вставъ изъ-за стола, она въ сопровожденіи подголосницы подошла къ первой ближайшей женкѣ, упала ей на грудь и начала, какъ говорятъ поморы, ревѣть, т. е. голосить. Голосила невѣста безъ словъ; она просто издавала раздирающіе душу вопли и крики и старалась вызвать какъ можно больше слезъ. Приличныя случаю слова причитала подголосница. Вотъ образчикъ причитаній: „Ты прости-прощай, моя дяйнушка (жена дяди)! Не покинь ты моей матушки, не забудь, мила, моего батюшку! Я иду бѣдна, въ чужой домъ, оставляю своихъ сродственниковъ. Ты прости меня, коли въ чемъ тебя обидѣла" и т. д. Поплакавъ на груди одной и получивъ отъ нея подарокъ, невѣста переходитъ къ другой женкѣ, пока не попрощалась со всѣми.

Женская половина присутствовавшихъ внимательно слѣдила за церемоніей прощанія и одинъ разъ, когда невѣста, видимо утомленная крикомъ и искусственнымъ напряженіемъ, вздумала ускорить этотъ непріятный для нея процессъ, въ горенкѣ раздались недовольныя замѣчанія:

— Чего мало плакала? Не разорветъ отъ слезъ, не каждый день замужъ выходить!

Къ концу обряда невѣста такъ была разстроена, что начала уже плакать искренними слезами и на нее было положительно жаль смотрѣть. Отецъ и другіе родственники невѣсты возмутились и хотѣли было прекратить эту непріятную церемонію, но женская половина рѣшительно воспротивилась этому. Вообще я замѣтилъ, что обломки старины держатся только усиліями женщинъ, какъ болѣе консервативнаго элемента въ средѣ поморскаго населенія.

По окончаніи прощанія съ женками, невѣста *пошла въ садъ*. Этотъ обрядъ состоитъ въ томъ, что всѣ дѣвушки собираются въ кучу посреди комнаты, усаживаются, кто какъ и на чемъ можетъ, и невѣста прощается со всѣми ими сразу. Обязанность и на этотъ разъ состояла только въ томъ, чтобы какъ можно больше причитать и плакать, обнимая подругъ по порядку; причитала за нее все та же подголосница.

Только что невѣста сходила въ садъ, какъ въ горенкѣ поднялась невыразимая суета. Послышались возгласы: „честные, честные!“ Отецъ невѣсты испуганно бросился на улицу, а сама невѣста растерянно искала кого-то глазами. Наконецъ къ ней подбѣжала *брюдіа* и, схвативъ ее за руку, потащила вслѣдъ за отцомъ. *Брюдіа*—это посаженная мать, которая у поморовъ во время свадебныхъ обрядовъ замѣняетъ невѣстѣ родную мать, занятую стряпней и пріемомъ гостей. Я отправился за невѣстой на улицу и увидѣлъ слѣдующее: у входа въ домъ стояли разряженные честные (гости), т. е. ближайшія родственницы жениха. Невѣста упала передъ ними на колѣни и униженно просила ихъ войти въ домъ. Поломавшись немного, „честные“ приняли приглашеніе. Ихъ усадили въ передній уголъ и поставили передъ ними лучшее угощеніе. Невѣста снова упала передъ ними на колѣни и съ земными поклонами просила ихъ откушать. „Честные“ откушали и поблагодарили невѣсту пустячными подарками.

Вскорѣ „честные“ ушли, а невѣсту увели одѣвать къ вѣнцу. Въ это время, по обычаю, ея старшій братъ прибилъ въ передній уголъ икону, которая предназначалась для благословенія молодыхъ. Спустя еще нѣсколько минутъ, явился женихъ съ поѣзжанами. Впереди всѣхъ въ горенку вошелъ мальчикъ съ зашитымъ въ полотно хлѣбомъ на головѣ. Этотъ хлѣбъ называется

баянникомъ; его возятъ въ первомъ экипажѣ свадебнаго поѣзда въ церковь и оттуда въ домъ жениха. Поѣзжане три раза обошли вокругъ стола и, когда баянникъ торжественно былъ положенъ между двухъ горящихъ на столѣ свѣчей, усѣлись въ переднемъ углу. Посидѣвъ немного, женихъ послалъ тысяцкаго за невѣстой. Два раза невѣста отказалась выйти. Тогда за нею пошла уже сама посаженная мать жениха. Послѣ обычныхъ 3-хъ поклоновъ жениху и по одному на всѣ четыре стороны, невѣста сѣла за столъ. Вокругъ послышалось: „садиться, садиться!“ Посидѣли. Вставъ и помолившись на образа, всѣ участвующіе въ свадебномъ поѣздѣ собрались въ кучу и стали ногами на разостланный на полу шерстью вверхъ тулупъ. Отецъ невѣсты накрылъ всѣхъ ихъ большимъ платкомъ, снялъ со стѣны икону и благословилъ сначала всѣхъ поѣзжанъ, а потомъ жениха съ невѣстой, обведя иконой вокругъ ихъ головъ три раза. Послѣ благословенія невѣста осталась подъ платкомъ, который покрывалъ ее съ ногъ до головы. Въ такомъ видѣ она отправилась и въ церковь.

Поѣздъ составился такъ: въ 1-хъ саняхъ сѣли дружко съ зажженнымъ фонаремъ, хотя на дворѣ былъ день, и мальчикъ съ баянникомъ, во 2-хъ—женихъ съ тысяцкимъ, въ 3-хъ—закрытая платкомъ невѣста съ брюдгой и т. д. Платокъ сняли съ невѣсты уже въ церкви, во время обряда церковнаго обрученія.

Обрядъ вѣнчанія прошелъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ вѣнца брюдга увела невѣсту въ церковную сторожку, заплела ей по-женски, т. е. въ двѣ косы, волосы и надѣла на голову повойникъ. Съ этого момента невѣста окончательно превратилась въ женку, которую цѣлый годъ называютъ: *молода*. Въ домъ жениха поѣздъ изъ церкви отправился другою дорогой, такъ какъ существуетъ предразсудокъ, что въ церковь и изъ церкви по одной и той же дорогѣ ѣздить нельзя.

Предразсудки у поморовъ развиты чрезвычайно сильно и почти ни одна свадьба не обходится безъ участія колдуновъ и колдуній, на обязанность которыхъ возлагается оберегать молодыхъ отъ порчи. По убѣжденію поморовъ, свадьба—самый удобный моментъ для вмѣшательства нечистой силы въ человѣческую жизнь; поэтому во время свадьбы всѣ зорко слѣдятъ другъ за другомъ и никто ничего не сдѣлаетъ безъ крестнаго знаменія и короткой молитвы.

Въ домѣ жениха молодыхъ встрѣчаютъ овсомъ. Женихъ устра-

ивает вечеръ, на который пріѣзжаютъ т. наз. *рóжники*. Рожники—это родные и родственники молодой, которые привозятъ въ домъ молодого перину, сундукъ съ приданымъ и подарки для всѣхъ близкихъ родныхъ молодого. Подарки принимаетъ молодой и уже самъ передаетъ ихъ съ рукъ на руки по назначенію. Случается, что кто-нибудь не приметъ подарка: тогда молодая относитъ его сама уже на 3-й день послѣ свадьбы.

На другой день для молодыхъ топятъ баню, или, какъ говорятъ поморы, *байну*. Входъ въ баню оберегается обыкновенно какой-нибудь колдуньей. Прямо изъ бани молодые идутъ на пиръ и дѣлятся съ гостями своими первыми впечатлѣніями...

Придя въ домъ мужа, молодая обыкновенно очень долго, иногда цѣлый годъ, никакой тяжелой работы не дѣлаетъ. За нею всѣ ухаживаютъ, таскаютъ къ себѣ въ гости, устраиваютъ для нея развлеченія и проч. Объясняется это тѣмъ, что молодой, послѣ ея работы на собственную родную семью, нуженъ отдыхъ для предстоящихъ работъ въ домѣ мужа.

Считаю нелишнимъ отмѣтить маленькую подробность. Въ первый визитъ къ роднымъ молодой послѣ свадьбы молодымъ подаются блины.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вообще поморы, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, стараются устроить свадьбу попроще и подешевле; нерѣдко невѣсту просто крадутъ. Послѣднее въ особенности часто случается тогда, когда невѣста придерживается „старой вѣры", а женихъ православный, или наоборотъ, хотя послѣднее бываетъ гораздо рѣже. Раскольничество въ поморьѣ очень развито; до сихъ поръ тамъ много раскольниковъ знаменитаго безпоповщинскаго поморскаго толка. Въ настоящее время расколъ держится болѣе просто въ силу традицій, чѣмъ по убѣжденію. Смѣшанные браки довольно часты, но подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія родители не рѣшаются устраивать ихъ открыто. Въ большинствѣ случаевъ дѣло дѣлается при помощи умыканія невѣсты. Обыкновенно родители сами устраиваютъ комедію похищенія и, посердившись для приличія на молодыхъ недѣльку-другую, оканчиваютъ дѣло миромъ и любовью.

Г. Вертеповъ.

Гагаузы Бендерскаго уѣзда [1]).

(Этнографическіе очерки и матеріалы).

V.

Свадьба.

Сговоръ.

Мужчина считается у гагаузъ совершеннолѣтнимъ на 18-мъ году. Про зрѣлость же дѣвушки гагаузы выражаются такимъ образомъ: „урдун калпаклан, йыкылмады, хайда гитсинь" (т. е. „Брось въ дѣвушку шапкой; если она (отъ шапки) не свалится, то значитъ она уже зрѣлая"). Въ старину, говорятъ они, былъ обычай, чтобы дѣвушка въ знакъ того, что она уже созрѣла, взлѣзала на трубу своей хаты и мяукала по-кошачьи.

Еще задолго до общепризнанной зрѣлости, на 11-мъ и 12-мъ году, мальчикъ начинаетъ считать себя большимъ и стыдится играть съ самыми малыми ребятами; онъ подбираетъ себѣ компанію своихъ однолѣтокъ и начинаетъ, подражая взрослымъ, заигрывать съ дѣвушками. Когда онъ еще подростетъ, лѣтъ четырнадцати, то уже начинаетъ разбирать дѣвушекъ и, если какая-нибудь дѣвушка ему понравится, то старается съ ней заговорить, но такъ какъ стыдится сдѣлать это самъ, то подсылаетъ къ этой дѣвушкѣ какую-нибудь изъ своихъ родственницъ и проситъ передать ей, что она ему нравится и что онъ хотѣлъ бы съ ней видаться. Если родственница, повидавшись съ дѣвушкой, принесетъ благопріятный отвѣтъ, то молодые люди, встрѣтившись между собою, начинаютъ уже разговаривать. Позже, когда между парнемъ и дѣвушкой установятся хорошія отношенія, парень проситъ дѣвушку, опять же черезъ свою родственницу, подарить ему цвѣточекъ или китку

[1]) См „Этнографическое обозрѣніе", кн. XLIV.

(гарусную кисточку) [1]), какъ вещественное доказательство того, что онъ любимъ. Дѣвушка сначала совѣстится, колеблется и жеманится, но потомъ, видя, что и всѣ ея сверстницы поступаютъ такимъ же образомъ, уступаетъ просьбамъ и передаетъ парню черезъ его родственницу просимый цвѣточекъ или китку вмѣстѣ съ булавкой. Парень съ гордостью нацѣпляетъ этотъ подарокъ себѣ на шапку и въ ближайшій праздникъ идетъ съ такимъ украшеніемъ на „хòру ери", чтобы покрасоваться передъ своими сверстниками. Такая избранная дѣвушка называется у гагаузовъ „яфкулу" [2]). Хотя въ деревнѣ трудно вообще скрыть какую-нибудь тайну, но приличіе требуетъ отъ парня, чтобы онъ держалъ въ глубочайшемъ секретѣ, кто его „яфкулу". Такъ, напримѣръ, онъ ни за что не пойдетъ къ этой дѣвушкѣ на домъ, а старается увидѣться съ ней гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и, по возможности, безъ свидѣтелей. Лѣтомъ влюбленные чаще всего встрѣчаются на „хòру ери", а зимою на посидѣлкахъ, которыя называются, повидимому, по-славянски, „придянка" (отъ слова прясть). Такія посидѣлки устраиваются дѣвушками въ разныхъ домахъ, при чемъ стараются выбрать хозяевъ дома подобрѣе и поснисходительнѣе къ молодежи. Сходятся на такія собранія чаще всего въ Рождественскомъ посту. Дѣвушки, идя на посидѣлки, запасаются разнаго рода ручной работой: кто вяжетъ, кто прядетъ, кто шьетъ. Парни приходятъ туда же обыкновенно цѣлой компаніей „на огонекъ". Если собравшіяся въ хатѣ дѣвушки имъ по душѣ, т. е. если они найдутъ здѣсь своихъ „яфкулу", то они остаются сидѣть дольше, а въ противномъ случаѣ, посидѣвши немного, уходятъ въ другую хату, такъ какъ въ большомъ селѣ устраивается много посидѣлокъ заразъ. Если хозяинъ того дома, въ которомъ устроены посидѣлки, сердитый и строгій, то парни ограничиваются только тѣмъ, что переглядываются со своими „яфкулу", если же онъ добрый и снисходительный, то разговариваютъ и шутятъ. Такимъ образомъ парень любится со своей „яфкулу" года три, четыре, а затѣмъ старается сблизиться и подружиться съ ея родственниками или сосѣдями, съ которыми она въ хорошихъ отношеніяхъ. А когда это ему удастся, то проситъ кого-либо изъ этихъ своихъ новыхъ пріятелей устроить ему съ любимой дѣвушкой свиданіе. Родственникъ или сосѣдъ зоветъ къ себѣ дѣвушку въ гости вечеркомъ. Туда же приходитъ и парень. Съ наступленіемъ ночи хозяева уговари-

ваютъ молодыхъ людей по случаю поздняго времени или дурной погоды заночевать у нихъ. Эти послѣдніе не заставляютъ себя долго просить и остаются. На такомъ свиданіи они разговариваютъ какъ влюбленные, а ночью ложатся спать въ одной комнатѣ, жмутся другъ къ другу, осязаютъ и пр. [3]). Если дѣвушка не умна, какъ выражались гагаузы, то здѣсь не долго до грѣха, но если она умна, то никогда до этого не допуститъ и дальше осязанія дѣло не зайдетъ. Подобныя свиданія продолжаются иногда цѣлый годъ, разъ или два раза въ недѣлю, и очень часто заканчиваются свадьбой, но далеко не всегда. Иногда послѣ такихъ пробныхъ ночей молодые люди разочаровываются другъ въ другѣ и расходятся. Иногда это происходитъ отъ того, что выборъ парня не соотвѣтствуетъ разсчетамъ его отца или родители невѣсты считаютъ парня за плохую партію для своей дочери и т. под. Впрочемъ, въ послѣднее время, какъ замѣчаютъ гагаузы, вмѣшательство родителей въ брачныя дѣла ихъ дѣтей случается все рѣже и рѣже.

Но бываетъ, хотя и рѣдко, что пробныя ночи кончаются не такъ благополучно, и въ результатѣ ихъ является ребенокъ. Въ такомъ случаѣ родители молодыхъ людей стараются прикрыть ихъ грѣхъ бракомъ. Но если бракъ между ними невозможенъ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній между ихъ родителями или вслѣдствіе большого имущественнаго неравенства между обѣими сторонами, то отецъ дѣвушки идетъ въ сельское управленіе, проситъ собрать сходку и на сходкѣ, объявивъ всѣмъ собравшимся о томъ, что случилось, проситъ, чтобы общество пристыдило молодыхъ людей. Тогда обоихъ виновниковъ сажаютъ на осла и съ барабаннымъ боемъ возятъ по всему селу. Одинъ изъ передававшихъ мнѣ это, родомъ изъ с. Этулія, Измаильскаго уѣзда, разсказывалъ, что ему самому довелось быть свидѣтелемъ подобной расправы [4]). Въ этомъ случаѣ бракъ между молодыми людьми не могъ совершиться потому, что они состояли между собою въ кровномъ родствѣ, они были двоюродный братъ и сестра. „Парень", добавилъ разсказчикъ, „послѣ такого сраму не могъ уже долѣе оставаться въ своемъ родномъ селѣ и переселился въ Крымъ". Обычай публичнаго посрамленія, вполнѣ соотвѣтствующій французскому „шаривари", соблюдается также и въ случаяхъ явнаго нарушенія кѣмъ-либо супружеской вѣрности.

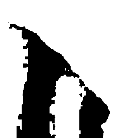
Когда, наконецъ, приходитъ парню время жениться, то онъ не говоритъ объ этомъ прямо своему отцу или матери, а выбираетъ себѣ посредникомъ кого-либо изъ своихъ старшихъ родственниковъ, который передаетъ родителямъ желаніе ихъ сына.

Въ первый же праздникъ послѣ того родители парня отправляются на „хȍру ери", чтобы посмотрѣть дѣвушку, понравившуюся ихъ сыну. Если и имъ она понравится, то они собираютъ семейный совѣтъ [5]) и, обсудивши дѣло хорошенько, выбираютъ изъ своихъ родственниковъ какого-либо смѣлаго и расторопнаго мужчину [6]), чтобы послать его сватомъ въ домъ невѣсты. Онъ называется „дюнюрджю башы", т.-е. старшій или главный сватъ.

Этого свата отецъ жениха посылаетъ къ родителямъ дѣвушки съ предложеніемъ.

Вошедши въ сѣни невѣстина дома, такой сватъ подходитъ прежде всего къ тому мѣсту, гдѣ разводится огонь („атешлик"), и начинаетъ кочергой мѣшать въ немъ золу [7]). Дѣлается это, какъ говорятъ, для счастія въ предстоящемъ сватовствѣ, но такой пріемъ всѣмъ очень хорошо извѣстенъ, а потому хозяева тотчасъ же догадываются, зачѣмъ гость пришелъ, и лишь изъ приличія дѣлаютъ видъ, что ничего не понимаютъ. Затѣмъ сватъ входитъ въ горницу и говоритъ: „авшамȁйрусун" (добрый вечеръ), „мусафир кабу̇лмусунус?" (принимаете ли гостей?). Ему отвѣчаютъ: „мусафирдян ким качар?" (кто бѣжитъ отъ гостей?). Затѣмъ садятся, пьютъ вино и разговариваютъ о совершенно постороннихъ предметахъ. Пришедшій постепенно переводитъ рѣчь къ цѣли своего прихода: „биз исля отурѐерыс хемь исля шарап ичѐерис, ама сиз бе[illegible] сормайȍрсунуз, нѐичин гельдим бян сизя" (мы хорошо по[illegible]ѣли, хорошо выпили, а вы все-таки не спрашиваете меня, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ). Хозяинъ дома отвѣчаетъ: „буюр, сööля, не вȁрса юреньдя?" (пожалуйста, разскажи, что у те[illegible] есть на сердцѣ?).

„Йе сööлейджям шиндян сора. Дійльми билѐерсиниз, не ичин гельдимь? Биз истѐерис сизйнням сувȁту олма". (Вотъ сейчасъ вамъ и разскажу. Развѣ вы не знаете, зачѣмъ я пришелъ? Мы хотимъ сдѣлаться вашими сватами). Невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ на это: „бизим кызымыс таа кючюкь, бу йыл ону вѐрмейджям, киминь-са кысметь геляп йыла" (наша дочь еще мала, въ этотъ годъ ее не отдамъ, развѣ кому счастье будетъ на будущій годъ).

А мать отъ себя прибавляетъ: „чиизи таа таман дииль, бу йыл вѐрьмойджям, ким-са олур-са геляв йыла“ (приданое еще не готово, въ этомъ году не отдамъ, развѣ только на будущій годъ) [8]).

Сватъ выслушиваетъ эти возраженія и снова переводитъ разговоръ на посторонніе предметы. Собесѣдники продолжаютъ сидѣть и попивать вино, а подъ конецъ бесѣды сватъ снова спрашиваетъ хозяевъ: „вѐринь бана джювап, оладжек-мы, олмаджек-мы?“ (скажите же мнѣ вашъ отвѣтъ, будетъ ли (свадьба) или не будетъ?). Мать дѣвушки изъ-за печки, все возвышая голосъ, кричитъ: „сиз пекь чабук истѐерсиниз“ (Вы очень скоро хотите), а отецъ продолжаетъ: „бакалым, дюшюнелим, лафедим, да ондан сора сӧӧлярис сана ишин аслына“ (посмотримъ, подумаемъ, поговоримъ, да тогда и извѣстимъ васъ).

Сватъ прощается съ хозяевами и уходитъ домой, чтобы извѣстить женихова отца о результатахъ своего сватовства. А женихъ во время его переговоровъ стоитъ за дверью, по выраженію гагаузовъ, „какъ больная индюшка“, т.-е. съ трепетомъ ожидаетъ рѣшенія своей судьбы.

День или два спустя, тотъ же сватъ снова отправляется въ домъ невѣсты и снова заводитъ разговоръ о томъ же. На этотъ разъ отецъ невѣсты даетъ свое согласіе, спрашиваетъ о согласіи у дочери и, наконецъ, даетъ слово. „Ярын авшама, буюрун, ге-линь херьбирь хазырлыныѝзлан“. (Завтра вечеромъ, говоритъ онъ, милости просимъ, приходите съ вашими подарками).

Время помолвки стараются по возможности назначить на субботу или на канунъ какого-нибудь праздника. Въ назначенный день, часовъ въ 5—6 вечера, родители жениха извѣщаютъ родителей невѣсты, что придутъ къ нимъ на заручины („дюнюрджюляр“). Отецъ жениха, вмѣстѣ съ своими и жениными братьями, собравшись въ-восьмеромъ, въ-десятеромъ, идутъ къ родителямъ невѣсты часовъ въ 12 ночи [9]).

Такое позднее посѣщеніе объясняется тѣмъ, что если обѣ стороны почему-либо на заручинахъ не сойдутся, то желательно, чтобы не было лишнихъ свидѣтелей этого событія, лишняго сраму и лишнихъ толковъ. Пришедшіе, войдя въ хату, садятся и тотчасъ же приступаютъ къ переговорамъ о приданомъ. Торгуются при этомъ такъ, разсказывали мнѣ гагаузы, какъ будто какую-нибудь скотину продаютъ, шумятъ, кричатъ, ругаются и перекоряются [10]).

Невѣстинъ отецъ проситъ, напримѣръ, „лефтъ“ (золотой кружекъ въ формѣ монеты, который женщины носятъ на груди въ видѣ ожерелья), кушакъ, браслетъ, серьги и двадцать золотыхъ. Отецъ жениха говоритъ: „это—много“. Тогда невѣстинъ отецъ спускаетъ, а жениховъ понемножку прибавляетъ.

Когда, наконецъ, рѣшенъ первый вопросъ, т.-е. количество подарковъ со стороны жениха для невѣсты, то женихова сторона предъявляетъ свои требованія. Прежде всего условливаются о количествѣ „буба хакы“, т.-е. денежнаго подарка свекру [11]), который доходитъ до 30—40 рублей, затѣмъ слѣдуетъ „ана топу“ (т.-е. подарокъ свекрови), состоящій обыкновенно изъ 4 аршинъ сукна или изъ одной-двухъ паръ башмаковъ. Затѣмъ невѣстинъ отецъ проситъ для себя и для своего сына по парѣ сапогъ, а для жены и дочери по парѣ башмаковъ. Всѣ эти требованія считаются самыми главными, а потому переговоры о нихъ идутъ очень оживленные, и когда они кончатся, то всѣ собравшіеся подаютъ другъ другу руки и цѣлуются. Наступаетъ небольшой антрактъ, послѣ котораго торги возобновляются. Теперь женихова родня требуетъ отъ невѣсты приданаго: дюжину рубашекъ, 13 платковъ, шальный платокъ и чулки, потомъ рубашку и платокъ для жениха, для сестры его два шерстяныхъ платка, надѣваемыхъ на свадьбѣ крестъ-на-крестъ черезъ плечо, рубашку свекру, свекрови и остальнымъ родственникамъ жениха, для каждаго что-нибудь выпросятъ. Здѣсь же заходитъ разговоръ о свадебномъ платьѣ для невѣсты, которое долженъ ей подарить женихъ. Отецъ невѣсты проситъ обыкновенно шелковое платье („фистан атлас“) для вѣнца, шерстяное платье вишневаго цвѣта („мор шал фистан“) для сговора („емишь“), пару башмаковъ безъ каблуковъ для вѣнца (подъ вѣнецъ почему-то нельзя надѣвать башмаковъ съ каблуками) и пару съ каблуками для сговора, пару покупныхъ чулокъ, пару рублевыхъ платковъ и т. под.

Когда и эти послѣдніе переговоры окончатся, то отецъ жениха даетъ свое согласіе, а отецъ невѣсты—„слово“, бьютъ по рукамъ, и оба свата усаживаются въ первый разъ рядомъ, тогда какъ раньше до этого момента они ни за что рядомъ не сядутъ. Затѣмъ хозяева приносятъ вина, наливаютъ его въ стаканы, и кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты подаетъ стаканъ съ виномъ невѣстину отцу. Этотъ послѣдній встаетъ со своего мѣста, крестится

три раза на иконы и говоритъ: „хади шефкенизя, хаирлы каденли саатта чекеделим, Аллах оннара бюук кысметь версинь хемъ гöзяль акыл“ (Ну, будьте здоровы, въ счастливый часъ начнемъ (свадьбу), дай имъ (молодымъ), Боже, большое счастье и свѣтлый умъ). Всѣ остальные отвѣчаютъ: „Аллаа версинь“ (дай Боже).

Невѣстинъ отецъ, выпивши свой стаканъ вина, снова наполняетъ его и подноситъ женихову отцу. Этотъ послѣдній, взявъ въ руки стаканъ, говоритъ: „вина я выпью, но я еще не видалъ невѣсты“. Вводятъ въ комнату невѣсту. Мать жениха даритъ ей шальный платокъ и 20 к. деньгами, а та, въ благодарность, цѣлуетъ руку у своей будущей свекрови и затѣмъ цѣлуетъ руки у всѣхъ родственниковъ жениха, за что каждый изъ нихъ даритъ ей отъ 5 до 10 коп.

Послѣ того накрываютъ на столъ и начинается угощеніе, во время котораго нарочно приглашенные скрипачи играютъ различныя мелодіи. Отецъ жениха, чтобы не остаться въ долгу передъ своими будущими родственниками, посылаетъ къ себѣ домой за разными кушаньями, которыя тамъ на этотъ случай уже приготовлены, и за своимъ виномъ и присоединяетъ все это къ общей трапезѣ. Такъ угощаются всѣ собравшіеся до утра. Въ этотъ же вечеръ мать жениха повязываетъ на голову невѣстѣ, такъ называемый, „нышан чембери“, т. е. „платокъ-знакъ“, обыкновенный платокъ, но съ пришитымъ на концѣ его золотымъ кружкомъ, какой носятъ женщины на груди. „Знакомъ“ этотъ платокъ называется потому, что по немъ гагаузы отличаютъ засватанную невѣсту отъ прочихъ дѣвушекъ. Въ этомъ платкѣ невѣста является въ ближайшее деревенское собраніе на „хȏру ери“, чтобы показаться въ немъ передъ всѣми своими подругами и знакомыми.

Мы забыли упомянуть, что въ этотъ же вечеръ, когда торги о приданномъ и о подаркахъ, происходящіе между одними мужчинами, закончатся благополучно, собираются и женщины, родственницы какъ жениха, такъ и невѣсты, въ числѣ которыхъ бываютъ и матери обоихъ нарѣченныхъ. Послѣ того какъ законченъ обрядъ надѣванія на невѣсту матерью жениха „нышан чембери“, всѣ собравшіеся здѣсь гости, мужчины и женщины, выходятъ на дворъ и устраиваютъ подъ звуки музыки хороводъ, въ серединѣ котораго помѣщается невѣста, поддерживаемая подъ руки отцомъ и матерью жениха. Въ заключеніе вечера, мать невѣсты дѣлаетъ

подарки всѣмъ присутствующимъ на вечерѣ родственникамъ и родственницамъ жениха. Матери жениха и самому жениху дарится при этомъ по рубашкѣ и по полотенцу, всѣмъ мужчинамъ по маленькому полотенцу, а женщинамъ по платку. Въ заключеніе, всѣ собравшіеся съ криками, съ музыкой и танцами расходятся по домамъ.

Когда парни услышатъ про состоявшееся сватовство своего товарища и встрѣтятъ его послѣ того на „хо́ру ери“, то они считаютъ своимъ долгомъ, въ видѣ поздравленія, надрать ему уши, на что онъ, въ силу обычая, не можетъ обижаться.

Емишь (изюмъ).

Такъ называется слѣдующая за сговоромъ или заручинами часть свадебнаго обряда, совершающаяся черезъ недѣлю или двѣ послѣ сговора. „Емишемъ“ или изюмомъ она называется потому, что угощеніе это обязательно ее сопровождаетъ. Приглашеніе на „емишь“ дѣлается въ ближайшее воскресенье передъ днемъ, для него назначеннымъ. Отецъ жениха выбираетъ для этого одного изъ молодыхъ холостыхъ парней, своихъ родственниковъ, который называется тогда „изметчи“. Онъ садится верхомъ на лошадь, къ гривѣ которой привѣшиваетея красивый платокъ („басма“), а черезъ плечо вѣшаетъ „чо́тру“ (флягу или баклагу), наполненную виномъ. Въ такомъ видѣ онъ объѣзжаетъ всѣхъ родственниковъ жениха поочередно и каждаго изъ нихъ угощаетъ виномъ изъ „чо́тры“, при чемъ вино пьется не стаканомъ, а прямо черезъ горлышко. Угощая виномъ, „изметчи“ говоритъ: „бую́рун, йичин биръ шарап, чи̇чунун селямы вар, емишя геля́синиз“ (пожалуйста, выпейте вина, дядя посылаетъ вамъ свой поклонъ, приходите на емишь). Такой же самый „изметчи“, такимъ же самымъ порядкомъ и съ такимъ же приглашеніемъ ѣздитъ въ то же время по родственникамъ невѣсты, приглашая ихъ отъ имени ея отца пожаловать на „емишь“ [12]).

Къ назначенному времени въ домъ жениха сходятся холостые и женатые молодые люди и дѣвушки, чтобы принять участіе въ обрядѣ несенія отъ жениха подарковъ невѣстѣ. Прежде всего они садятся за столъ, обѣдаютъ и пьютъ вино, а послѣ полудня приносится большой подносъ, на который кладется: 1) платье невѣ-

сты, предназначенное для „емиша“, 2) серебрянный кушакъ для нея, 3) шелковая кофта, 4) шальный платокъ, 5) золотые кружки въ формѣ монетъ, носимые въ видѣ ожерелья на груди, 6) чулки и 7) башмаки. Подносъ съ этими подарками несетъ „дѐверь“ (дружка), выбираемый изъ холостыхъ родственниковъ жениха, его двоюродный братъ или какой-нибудь другой, не очень отдаленный, родственникъ. Его сопровождаютъ всѣ собравшіеся къ жениху молодые люди и скрипачъ, который всю дорогу до дому невѣсты играетъ маршъ („йол хавасы“). Въ домѣ невѣсты, прибывшую процессію встрѣчаютъ дѣвушки, подруги невѣсты, которыя прячутъ ее отъ „деверя“ и не соглашаются показать, если не получатъ выкупа. Выкупъ же состоитъ въ томъ, что „деверь“ долженъ пропѣть коротенькую пѣсню („тюркю“), по возможности, подходящую къ данному случаю. Если онъ не умѣетъ пѣть или не имѣетъ голоса, въ такомъ случаѣ долженъ протанцовать соло танецъ „тукавджю“ или „кадынджю“. Только по полученіи выкупа, невѣсту вводятъ, и какая-нибудь молодая женщина начинаетъ одѣвать ее въ присланный костюмъ, причемъ, по обычаю, невѣста должна всячески противиться этому одѣванію. Когда, наконецъ, она одѣта, въ руки ей даютъ „чѐтру“ съ виномъ, которымъ она угощаетъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь родственниковъ жениха. Каждый, выпившій вина, даетъ ей 2 — 3 копѣйки, за что невѣста цѣлуетъ имъ всѣмъ руки, не исключая и самыхъ малыхъ ребятъ.

Послѣ того невѣста наполняетъ свои карманы изюмомъ и мелкими орѣхами („пындык“) и вмѣстѣ со своими подругами идетъ на „хо̀ру ери“, такъ какъ день для „емиша“ стараются выбрать непремѣнно праздничный. Что касается „деверя“ и участвовавшихъ съ нимъ въ процессіи отнесенія подарковъ невѣстѣ, то они возвращаются къ жениху и на томъ же подносѣ несутъ ему отъ невѣсты рубашку, пару чулокъ, платокъ („басма“), носимый въ видѣ шарфа на шеѣ, и изюмъ. Женихъ надѣваетъ на себя все принесенное и идетъ вмѣстѣ съ товарищами также на „хо̀ру ери“. Встрѣчные, знающіе объ его свадьбѣ, поздравляютъ его словами: „кутлуджя олсун“, на которыя онъ отвѣчаетъ: „Аллаа роздлсун“, тѣхъ же, которые привѣтствуютъ его словами: „сефаа гельдин“, онъ угощаетъ вынимаемыми изъ кармана изюмомъ и орѣхами [18]) и только уже послѣ такого угощенія подаетъ имъ руку. Само со-

бою разумѣется, что послѣднее привѣтствіе говорятъ ему люди ближе знакомые и вообще болѣе близкіе.

Придя на „хȯру ери“, молодежь, принимающая участіе въ свадьбѣ, устраиваетъ „дюзь хору“ (т. е. простое хору, безъ приплясыванья). Невѣста танцуетъ тогда рядомъ съ женихомъ, держась съ нимъ за руку, чего, какъ мы говорили раньше, не дозволяютъ гагаузскія правила приличій парнямъ и дѣвушкамъ, не находящимся между собою въ родствѣ. Во время этого танца невѣста должна поцѣловать публично руку своего жениха, за что получаетъ отъ него 1 рубль и золотой кружокъ. Послѣ того всѣ участвующіе въ свадьбѣ расходятся по домамъ.

Собственно свадьба.

Собственно свадьба („дююн“) назначается послѣ „емиша“ недѣли черезъ двѣ или черезъ мѣсяцъ. Въ этотъ промежутокъ времени шьютъ вѣнчальное платье для невѣсты, за недѣлю до свадьбы пишутъ такъ называемую „марторію“, т. е. церковное свидѣтельство о бракѣ, составленію котораго предшествуетъ церковное оглашеніе.

Свадьба начинается обыкновенно въ четвергъ [14]). Наканунѣ этого дня отецъ невѣсты посылаетъ какую-нибудь молодую женщину съ „чȯтрой“ вина къ дѣвушкамъ, которыя выбраны на свадебную должность „зы̆лва“ (подружка). Придя въ домъ такой дѣвушки, посланная угощаетъ ее виномъ изъ „чȯтры“ и говоритъ: „буюрун, гѐлин Пѐтрія зы̆лва, хемь екьмекь япмаа, киречлемяа“. (Пожалуйста, приходите къ Петру зылвой, а также хлѣбъ печь, домъ смазывать глиной и бѣлить). На зовъ этотъ въ четвергъ съ ранняго утра собираются дѣвушки и нѣсколько женщинъ въ домъ невѣсты и все утро до полудня занимаются чисткой дома, смазываньемъ стѣнъ его глиной, бѣленіемъ известью; затѣмъ расходятся по домамъ [15]). А между тѣмъ отецъ жениха въ тотъ же день утромъ посылаетъ „изметчи“ верхомъ на лошади и съ „чȯтрой“ въ рукахъ созывать всѣхъ родственниковъ жениха на „хамур“ (въ буквальномъ переводѣ „тѣсто“). Обычай этотъ соотвѣтствуетъ малороссійскому печенію коровая. Вечеромъ, часовъ въ 8, всѣ званые сходятся въ домъ жениха; парни и дѣвушки съ музыкой, плясками и криками отправляются прежде всего на

рѣку за водой. При этомъ избираются двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна изображаетъ жениха, а другая-невѣсту. Первая надѣваетъ на голову мужскую шапку, а въ руку беретъ топоръ, перевязанный полотенцемъ; вторая остается въ своемъ костюмѣ, но головной платокъ надѣваетъ такъ, какъ невѣста, т. е. спускаетъ на глаза и закрываетъ имъ почти все лицо. Принесши съ рѣки воду, начинаютъ ее грѣть, при чемъ музыкантъ играетъ на скрипкѣ, такъ называемую, „гелин хавасы", т. е. очень жалобную „невѣстину мелодію". Въ это время берется „текнѝ", т. е. квашня для замѣшиванья тѣста и на нее ставятся три сита одно на другое. Въ верхнее сито насыпается пшеничная мука [16]); дѣвушки, изображающія жениха и невѣсту, берутся съ обѣихъ сторонъ за верхнее сито и начинаютъ просѣивать сквозь него муку во второе, изъ второго мука просѣивается въ нижнее сито и, наконецъ, изъ этого послѣдняго въ квашню. При этой операціи помогаютъ мальчикъ и дѣвочка, выбираемые непремѣнно изъ числа такихъ, у которыхъ оба родителя живы. Во все время просѣиванія эти мальчикъ и дѣвочка держатъ въ рукахъ по зажженной свѣчѣ [17]). По временамъ просѣивающія муку дѣвушки объявляютъ, что сито порвалось и что нужно наложить на него заплату. Заплатой служатъ при этомъ мелкія деньги, бросаемыя въ сито то тѣмъ, то другимъ изъ участниковъ свадьбы, и прерванная работа послѣ такой починки продолжается. Когда наконецъ вся мука просѣяна сквозь сито, присутствующіе, кто можетъ, кидаютъ въ него мелкія деньги. Деньги эти дѣлятъ между собою дѣвушки, мѣсившія тѣсто, мальчикъ и дѣвочка, имъ свѣтившіе, и музыкантъ.

Приготовивши тѣсто, его кладутъ въ печь, и пока оно печется, дѣвушки танцуютъ „дюзь хору" (простой хороводъ). Свадебный хлѣбъ дѣлается круглымъ и плоскимъ, около $^3/_4$ аршина въ діаметрѣ. Когда его спекутъ и вынутъ изъ печи, то смазываютъ верхнюю корку медомъ, разрѣзаютъ на четыреугольные куски и укладываютъ на блюдо. Тогда „деверь" (дружка) [18]) беретъ хлѣбъ, а другой парень „чòтру" съ виномъ и начинаютъ угощать всѣхъ присутствующихъ. Дѣлается эта операція въ извѣстномъ порядкѣ, а именно, присутствующіе образуютъ изъ собя „хоро", т. е. становятся въ кругъ, держа другъ-друга за руки и окружая такимъ образомъ „деверя" съ хлѣбомъ и парня съ виномъ [19]).

Хороводъ медленно подвигается вправо, и „деверь" поочередно угощаетъ каждаго хлѣбомъ и виномъ. Какъ печеніе коровая, такъ и его раздача происходятъ въ сѣняхъ хаты (хаята"), куда выходитъ устье печи, а затѣмъ „деверь" идетъ въ хату, гдѣ сидятъ старики, угощаетъ ихъ хлѣбомъ и самъ ѣстъ.

Когда всѣ угостились свадебнымъ хлѣбомъ, то молодежь обоего пола отправляется къ невѣстѣ, неся для нея кусочекъ свадебнаго хлѣба отъ жениха и кусокъ сырого тѣста, чтобы прибавить его къ тѣсту, приготовляющемуся въ домѣ невѣсты. Пока эта компанія не придетъ, у невѣсты не приступаютъ къ замѣшиванію коровая. Принесенный отъ жениха хлѣбъ даютъ поѣсть невѣстѣ, но самому жениху этого хлѣба не даютъ; онъ можетъ ѣсть только хлѣбъ, испеченный въ домѣ невѣсты [20]).

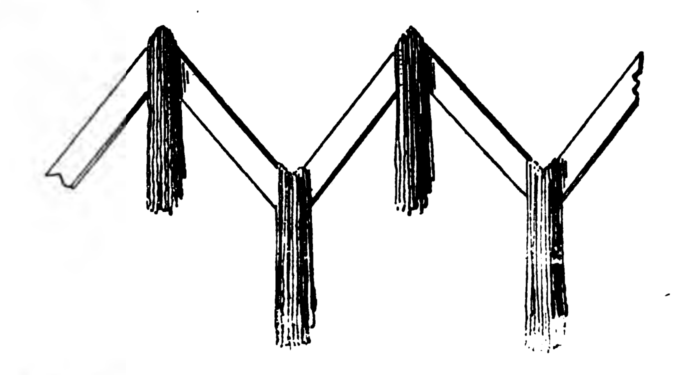
Послѣ того въ домѣ невѣсты повторяется замѣшиваніе муки и печеніе хлѣба совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ это было описано выше. Только мальчикъ и дѣвочка, держащіе при замѣшиваніи тѣста зажженныя свѣчи, здѣсь уже другіе. Когда хлѣбъ спечется, то невѣста цѣлуетъ руки у всѣхъ собравшихся родственниковъ жениха и получаетъ за это отъ каждаго изъ нихъ отъ 3 до 5 коп. Вечеръ заканчивается ужиномъ въ домѣ невѣсты. Женихъ на этомъ собраніи не бываетъ, какъ и вообще не бываетъ ни на какихъ собраніяхъ у невѣсты вплоть до дня вѣнчанія, т. е. до воскресенья. „Марторія" вручается жениху въ понедѣльникъ, т. е. въ самомъ началѣ свадебной недѣли, и съ этого времени до самаго воскресенья женихъ, по обычаю, не можетъ видѣться съ невѣстой, а невѣста не должна дѣлать ни одного шагу изъ своего дома [21]).

Въ пятницу обыкновенно ничего не бываетъ ни у жениха, ни у невѣсты, только три-четыре женщины чистятъ и моютъ посуду и дѣлаютъ разныя мелкія приготовленія къ свадьбѣ.

Въ субботу утромъ собираются въ домѣ невѣсты всѣ „зи́лвы" (ихъ бываетъ человѣкъ до 15-ти) и начинаютъ приготовлять „байрак" (знамя) для „дѐверя". „Байрак" этотъ состоитъ изъ тонкой длинной палки (древка), на концѣ которой укрѣплено яблоко или, за неимѣніемъ таковаго, что-нибудь круглое и красное [22]). Приготовивши „байрак", привязываютъ къ нему подарки для будущихъ состязательныхъ скачекъ: „чембер" (платокъ), въ которомъ завязанъ 1 руб. денегъ, „басма" (тоже платокъ, но подешевле)

съ 50-ю копейками, рубашка и т. под. Къ древку же знамени пришивается полотенце одной изъ своихъ длинныхъ сторонъ, такъ что оно образуетъ родъ флага. Когда знамя готово, то его затыкаютъ въ стрѣху дома, гдѣ оно и остается до самыхъ скачекъ, служа, такимъ образомъ, какъ бы объявленіемъ объ имѣющихъ быть скачкахъ [23]). Послѣ того всѣ, занимавшіяся приготовленіемъ знамени, уходятъ домой, переодѣваются въ новыя платья и къ вечеру снова собираются въ домъ невѣсты для плетенія вѣнка („фенецъ“). Операція эта считается на столько важной, что участвующіе въ ней созываются, такъ же какъ и на „емишь“, верховымъ „изметчи“ съ „чотрой“ въ рукахъ.

„Фенец“ сшивается изъ бѣлой писчей бумаги въ видѣ зубчатой полосы (какъ показано на рисункѣ), углы которой украшаются „китками“ (кистями) изъ разноцвѣтнаго гаруса. Вѣнки эти надѣ-

ваютъ на голову всѣ участники свадьбы, мужчины и женщины, первые—на шапку, а вторыя—на платокъ. Такихъ вѣнковъ каждая дѣвушка заготовляетъ по три по четыре штуки для продажи ихъ парнямъ, родственникамъ жениха. Кромѣ того, тѣ же дѣвушки приготовляютъ 4 вѣнка изъ „фѐслина“ (родъ бѣлой мяты, считающейся священнымъ растеніемъ) для жениха, невѣсты, „садыча“ (крестнаго отца жениха) и „крѐстницы“ (крестной матери жениха) [24]).

„Саадычъ“ играетъ на свадьбѣ главную выдающуюся роль, что-то въ родѣ великороссійскаго посаженнаго отца или малороссійскаго „маршалка“, а потому и „фенецъ“ его долженъ отличаться отъ всѣхъ другихъ [25]).

Кромѣ того, дѣвушки берутъ нѣсколько цвѣтковъ „феслина" и обвиваютъ стебелекъ ихъ ниткой золотой мишуры. Эти цвѣты, какъ увидимъ ниже, играютъ важную роль въ дальнѣйшемъ теченіи свадебнаго обряда.*

Плетеніе вѣнковъ начинается часовъ въ 6—7 утра. По окончаніи его три „зылвы", изъ которыхъ одна съ чотрой въ рукахъ, идутъ къ жениху звать его на „фенецъ". Онѣ обращаются къ нему со словами: „еништа, буюр, йич бир шарап ,какунун селямы вар, фенцея гелясинис". (Женихъ, пожалуйста, выпей вина, отъ тетки тебѣ поклонъ, приходи на вѣнокъ). Женихъ даетъ каждой изъ нихъ по 15—20 коп., а онѣ цѣлуютъ его въ руку. Въ заключеніе, ихъ угощаютъ виномъ до пьяна. Женихъ не ходитъ на вѣнокъ, приглашеніе же ему дѣлается только, какъ знакъ уваженія къ нему со стороны невѣсты.

Въ субботу же послѣ полудня парни, дѣвушки и нѣсколько человѣкъ стариковъ и старухъ со стороны невѣсты идутъ къ ея „дѣверю" съ приглашеніемъ и носятъ къ отцу жениха отъ невѣсты такъ называемую „каниску", т. е. „калач" (пшеничный хлѣбъ) съ вареной курицей, съ кускомъ варенаго мяса или съ вареной рыбой [26]). Надо замѣтить, что „каниска" считается у гагаузовъ самымъ почетнымъ угощеніемъ, чѣмъ-то въ родѣ нашего „хлѣба-соли". Пока „деверь" одѣвается, пришедшіе садятся за столъ, ѣдятъ и пьютъ вино, а потомъ съ танцами ведутъ „дѣверя" въ домъ невѣсты.

Съ наступленіемъ сумерекъ, „изметчи" жениха съ нѣсколькими стариками (для почета) идутъ къ „саадычу" жениха, чтобы отнести къ нему „каниску" и пожелать добраго вечера („авшамайрусун") [26а]), а потомъ родственники жениха, парни, дѣвушки, мужчины и женщины вмѣстѣ съ „дѣверемъ" жениха, отправляются къ невѣстѣ заплетать ей косы. Приближаясь къ дому невѣсты, „дѣверь" стрѣляетъ изъ револьвера [27]) и кричитъ: „и ху, ху" [28]).

Они приносятъ съ собой „каниску" для невѣстина отца. Когда они войдутъ въ домъ, то дѣвушки прячутъ невѣсту въ уголъ и требуютъ отъ „дѣверя" въ видѣ выкупа спѣть пѣсню или протанцовать танецъ. Получивши выкупъ, дѣвушки выводятъ невѣсту съ закрытымъ лицомъ и садятъ ее посрединѣ комнаты на табуретъ, накрытый подушкой [29]). Волосы невѣсты заплетаютъ при этомъ въ 12 косичекъ и, кромѣ того, двѣ косички, которыя

идутъ вокругъ уха, и называются „кодйца“ [30]). Въ каждую косичку заплетается при этомъ по ниткѣ мишуры („тель“) длиною до самой земли [31]).

Первую изъ косичекъ заплетаетъ „крѐстница“ (крестная мать невѣсты), а остальныя—„зѝлвы“. По окончаніи, операціи невѣстѣ даютъ въ руки „чо̀тру“ и она, угощая виномъ присутствующихъ, цѣлуетъ всѣмъ отъ стараго до малаго руки. Всѣ, по обыкновенію, пьютъ вино прямо изъ горлышка и даютъ невѣстѣ отъ 3 до 5 коп. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: тотъ, кому подносятъ вино, беретъ „чо̀тру“ лѣвой рукой, а правой достаетъ изъ кармана деньги, а невѣста сначала цѣлуетъ лѣвую руку, въ которой держится „чо̀тра“, а потомъ правую, которой даются деньги [32]).

Послѣ того всѣ пришедшіе отправляются къ жениху, чтобы присутствовать при операціи бритья его бороды [33]). Приносятъ посуду, разводятъ въ ней мыло и кто-нибудь, знакомый съ парикмахерскимъ дѣломъ, беретъ бритву и начинаетъ брить жениха. Передъ началомъ обряда ему подрѣзаютъ волосы на головѣ крестъ-на-крестъ и бросаютъ въ ту посуду, въ которой разводится мыло. Отецъ и мать жениха при этомъ плачутъ. Во время бритья цирульникъ иногда прерываетъ свою работу, объявляя, что бритва притупилась и не беретъ. Въ такомъ случаѣ дѣвушки поютъ пѣсню, а старики кладутъ въ тарелку 2—3 коп., и работа продолжается. Деньги эти поступаютъ въ пользу бреющаго и музыканта, который во все время операціи играетъ на скрипкѣ. Кромѣ щекъ, жениху подбриваютъ также и нижнюю часть затылка. Когда бритье кончено, женихъ беретъ „чо̀тру“ съ виномъ и угощаетъ всѣхъ присутствующихъ; въ это время младшіе въ домѣ цѣлуютъ ему руку. Послѣ того дѣвушки и парни танцуютъ и затѣмъ отправляются къ „саадычу“ и къ „крестницѣ“, забираютъ ихъ съ собой и часа въ 2 ночи съ фонарями въ рукахъ идутъ одѣвать невѣсту и несутъ съ собой подарки ей и ея роднымъ. Невѣстѣ несутъ: платье, „чемберъ“, полусапожки („чепич“) и ожерелье, которое вѣшается на шею въ три ряда. (Всѣ три ряда состоятъ изъ тоненькихъ кружковъ чистаго золота, подражающихъ своимъ видомъ монетамъ). Отцу невѣсты и ея брату („кайнчу“) несутъ по парѣ сапоговъ, а матери—платье и башмаки или полусапожки. „Деверь“, приближаясь къ дому невѣсты, стрѣляетъ и кричитъ:

„и ху, ху“. Снова, какъ и въ первый разъ, при его появленіи невѣсту прячутъ и выводятъ только послѣ того, когда получатъ выкупъ, т. е. когда онъ споетъ пѣсню или протанцуетъ. Невѣстѣ вручаютъ подарки жениха [34]) и затѣмъ начинаютъ ее одѣвать. Занимается этимъ „крѣстница“. Невѣсту сажаютъ на табуретъ посрединѣ комнаты и четыре дѣвушки за четыре угла держатъ надъ ней „чемберъ“ и все время качаютъ его изъ стороны въ сторону [35]); онѣ поютъ въ это время пѣсни, а невѣста плачетъ. На „чемберъ“ кладутъ четыре приготовленныхъ „фенца“ изъ феслина и „китки“. Одѣваютъ на невѣсту все, что прислалъ ей женихъ. По временамъ крестница прерываетъ одѣваніе и требуетъ, чтобы дѣвушки спѣли пѣсню, и не ранѣе соглашается продолжать одѣваніе, пока дѣвушки не исполнятъ ея желанія. Пѣсенъ чисто свадебныхъ у гагаузовъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такъ утверждали всѣ, отъ кого я собиралъ свои гагаузскіе матерьялы; поютъ только короткія четверостишія „маани“, стараясь по возможности подобрать ихъ по содержанію въ соотвѣтствіе съ совершающимся событіемъ, а нерѣдко сочиняютъ при этомъ случаѣ новыя четверостишія экспромтомъ. Но само собой разумѣется, что присутствующіе не предъявляютъ слишкомъ строгихъ требованій относительно гладкости формы стиха, интересуясь, главнымъ образомъ, его содержаніемъ.

Когда невѣста одѣта, она также, какъ и послѣ заплетанія косъ, беретъ въ руки „чотру“ и угощаетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, при чемъ она цѣлуетъ всѣмъ гостямъ руки, а они награждаютъ ее мелкими деньгами. Послѣ того дѣвушки съ танцами и съ криками „и ха, ха“, „и ху, ху„ расходятся по домамъ, а „изметчи“ жениха вмѣстѣ съ „саадычемъ“ возвращаются въ домъ жениха. „Саадычъ“ садится за столъ, передъ нимъ ставится „каниска“, т. е. „калачъ“ съ вареной курицей и начинается рядъ загадокъ или задачъ, которыя „саадычъ“ даетъ „изметчи“. Слово „изметчи“ значитъ „слуга“, и на свадьбѣ они по отношенію къ „саадычу“ должны играть роль слугъ, безропотно исполняющихъ всѣ его приказанія. Задачи „саадычъ“ выдумываетъ экспромтомъ, онѣ имѣютъ форму порученій: ты принеси мнѣ того-то, а ты сходи туда-то, а ты сдѣлай то-то. При этомъ большая или меньшая трудность исполненія задачъ заключается въ томъ, что предметы, которые поручено достать или принести, не

называются ихъ настоящимъ именемъ, а какъ-либо иносказательно, такъ что „изметчи“ долженъ догадаться, о чемъ идетъ дѣло. Если саадычъ остроумный и находчивый, то онъ, какъ говорятъ гагаузы, совсѣмъ замучаетъ „изметчи“ своими порученіями, а они, по обычаю, должны безпрекословно исполнять малѣйшее его желаніе или капризъ [36]). Послѣ того пьютъ и угощаются до самаго восхода солнца, пока „саадычъ“ не надумаетъ идти домой. Тогда „изметчи“ и нѣсколько стариковъ провожаютъ его до дому и только уже послѣ того могутъ сами разойтись по домамъ.

Приведемъ для примѣра нѣсколько загадокъ, которыя задаетъ для разрѣшенія „изметчи“ „саадычъ“ на свадьбѣ: *)

1) Бир пунар ич долу йылан Ӱсту̇ йортюлю мерджян. Отвѣтъ: «Лю̀лька»	1) Колодецъ, наполненный въ серединѣ змѣями, а сверху покрытый кораллами. Трубка.
2) Фышкы бӧӧджя. Отв. «Таук».	2) Навозный жукъ. Курица (потому что она постоянно роется въ навозѣ).
3) Пипи юлары. Отв. «Папшой».	3) Индюшкина уздечка. Кукуруза (потому что индюшку всегда ловятъ на кукурузу).
4) Еди йыллык коюн ясы. Отв. «Бал».	4) Сало овцы, семь лѣтъ безплодной. Медъ (рабочая пчела—безплодная овца).
5) Алты йокюз, ӱз да коюн. Отв. «Емени».	5) Шесть воловъ и сто овецъ. Башмакъ (подошва—волъ, лицо—овца, цифры — для затемненія смысла).
6) Араба текерля. Отв. «Гӧзлемя».	6) Телѣжное колесо. Блинъ.
7) Кыврык Пѐтку. Отв. «Бібер».	7) Перекрученный Петька. Перецъ (стрючковый).
8) Хергеля ташга. Отв. «Мор патладжан».	8). Жеребячьи шулята. Синій баклажанъ.

*) Въ гагаузскомъ текстѣ всѣ слова, на которыхъ не поставлены ударенія, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

9) Бува ташаа.	9) Бычачьи шулята.
Отв. «Труп».	Рѣпа.
10) Ески лелек ювасы.	10) Старое аистово гнѣздо.
Отв. «Ески паралія».	Старая пуховая шляпа.
11) Даул токмаа.	11) Барабанная палка.
Отв. «Пипи копаны».	Индюшечья лапа.
12) Бир фычи долу ики тюрлю ичкійлян.	12) Боченокъ, наполненный двумя напитками.
Отв. «Йыммырта».	Яйцо.
13) Бир сары фычы саплан, долу ичи бир хергелеян.	13) Желтый боченокъ съ ручкой, наполненный внутри стадомъ лошадей.
Отв. «Каун».	Дыня.
14) Попаз сопасы.	14) Поповская палка.
Отв. «Прасо».	Порей.

Въ воскресенье утромъ, когда въ сельской церкви раздастся первый колоколъ къ ранней обѣднѣ, всѣ участвующіе въ свадьбѣ снова собираются у жениха. Женихъ въ этотъ день не застегиваетъ на своемъ платьѣ ни одной пуговицы, ни одной застежки, чтобы кто-нибудь его не околдовалъ [37]). Онъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и цѣлуетъ у отца и матери, сидящихъ рядомъ на скамейкѣ, руки, колѣна и подошвы, становясь передъ ними на колѣна, а они прощаются съ нимъ и говорятъ: „Аллах йол ачыклы версинь хемь хаирлы саатта, хемь бююк кысметь" (Дай, Боже, путь открытый, часъ счастливый и счастье большое [38]). При этомъ они благословляютъ сына иконой и хлѣбомъ-солью. Послѣ того женихъ вмѣстѣ со своими родителями отправляется къ невѣстѣ, идя все время рядомъ съ „деверемъ", несущимъ за спиною „байрак", черезъ плечо рубашку, а въ рукахъ икону, на которую положены хлѣбъ и соль. Дорогою скрипачи играютъ „йол туканджу", т. е. походный болгарскій танецъ, подъ звуки котораго парни и дѣвушки пляшутъ.

Приблизившись къ дому невѣсты, весь этотъ народъ не входитъ въ домъ, а останавливается на улицѣ. Въ домъ входитъ только „крѣстница" жениха и одна изъ дѣвушекъ, чтобы надѣть на голову невѣсты „тель", т. е. нити мишуры, свѣшивающіяся до земли. Потомъ зовутъ жениха. Онъ входитъ въ комнату, и тогда

ему и невѣстѣ надѣваютъ на головы „фенцы“ изъ „фѐслина“. Такіе же „фенцы“ вручаютъ „саадычу“ и „крестницѣ“ и берутъ съ нихъ за это по 5 коп., но съ жениха и невѣсты денегъ за „фенцы“ не берутъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты продаетъ въ это время на дворѣ „фенцы“ всѣмъ участвующимъ на свадьбѣ по 3—5 коп., кто сколько можетъ дать. Собранныя деньги отдаются цѣликомъ невѣстѣ. Въ то же время одна изъ женщинъ со стороны невѣсты раздаетъ подарки „изметчи“, „зылвамъ“, „деверю“ и брату жениха. Брату жениха дается рубашка и шелковый шейный платокъ, „деверю“—рубашка, „изметчи“—по платку, „зылвамъ“—по „чемберу“, музыканту—платокъ. Старымъ же и женатымъ людямъ ничего не дается. Кромѣ того, мать жениха украшаетъ всѣхъ парней и дѣвушекъ, участвующихъ въ свадьбѣ, покупными искусственными цвѣтами изъ гаруса. Первые надѣваютъ ихъ на шапки, а вторыя—на грудь. Впрочемъ, этотъ обычай у гагаузовъ составляетъ нововведеніе и начинаетъ практиковаться только въ самое послѣднее время.

Когда раздача подарковъ закончилась, женихъ выходитъ впередъ; невѣста цѣлуетъ всѣмъ своимъ родственникамъ руки, а отцу и матери—колѣна, прощается съ ними, такъ же какъ это дѣлалъ женихъ, и молится. Всѣ присутствующіе въ это время плачутъ. Затѣмъ невѣста выходитъ изъ дому, и вся свадебная процессія направляется въ церковь. Женихъ со своими родственниками—впереди, передъ нимъ идетъ его музыкантъ и играетъ „йолджя“ (маршъ), а невѣста со своими родственниками, имѣя передъ собою своего музыканта,—сзади [39]). Когда дойдутъ до церкви, то парни и дѣвушки остаются внѣ ея и устраиваютъ „хору“ [40]), а женихъ, невѣста, „крестница“ и „саадыч“ входятъ въ церковь. Всѣ старые и женатые участники свадьбы остаются около „хору“, они имѣютъ въ рукахъ „чо̀тры“ и угощаютъ виномъ всѣхъ, кто только пожелаетъ.

Въ церкви женихъ съ невѣстой сходятся вмѣстѣ, и надъ ними совершается церковный обрядъ. Церковные вѣнцы, которые въ церкви надѣваетъ на брачущихся священникъ, гагаузы въ отличіе отъ обрядовыхъ „фенцовъ“, называютъ: „вѣньчу̀ла. На головѣ жениха ихъ поддерживаетъ во время вѣнчанія „саадычъ“, а на головѣ невѣсты—ея „крестница“. Во время вѣнчанія „саадычъ“ разбрасываетъ по полу церкви изюмъ и орѣхи, ребятишки ихъ подбираютъ [41]).

Въ с. Этулія Измаильскаго уѣзда существуетъ оригинальный обычай. Женихъ идетъ въ церковь къ вѣнцу одѣтымъ по сезону, но войдя туда и становясь подъ вѣнецъ, надѣваетъ, не смотря на время года и на жару, длинную шубу въ накидку и остается въ ней во все время совершенія церковнаго обряда [42]). По окончаніи службы всѣ выходятъ на улицу, „деверь“ стрѣляетъ изъ револьвера, и тогда вся свадьба раздѣляется пополамъ: женихъ, невѣста, „деверь“ и родственники невѣсты идутъ къ невѣстѣ, а родственники жениха—къ жениху. Въ обоихъ домахъ устраивается обѣдъ [43]) Родственники жениха, когда съѣдятъ обѣдъ, отправляются къ невѣстѣ, чтобы взять ее въ домъ жениха вмѣстѣ съ ея приданымъ. Для этого особая лошадь запрягается въ телѣгу. „Изметчи“ невѣсты сначала не хотятъ отдать приданаго и торгуются съ „деверемъ „жениха, требуя съ него выкупъ. „Деверь“ даетъ имъ 2—3 рубля деньгами и, кромѣ того, угощаетъ ихъ виномъ. Деньги эти „изметчи“ дѣлятъ между собою или пропиваютъ ихъ вмѣстѣ. Затѣмъ вещи невѣсты переносятся въ телѣгу, а „изметчи“ ея въ это время пляшутъ. Однако ключи отъ сундуковъ съ приданымъ еще не отдаются, они остаются пока у матери невѣсты. Женихъ съ невѣстой и „саадычемъ“ выходятъ изъ дому невѣсты съ музыкой, при чемъ скрипачъ привязываетъ къ своей скрипкѣ подаренный ему платокъ. На половинѣ дороги до дома жениха „саадычъ“ даетъ разрѣшеніе къ началу состязательныхъ скачекъ, которыя практикуются верхомъ, въ телѣгѣ, или же, если не находится желающихъ скакать, устраиваются бѣга на перегонки [44]). Участвовать въ состязаніи, однако, не можетъ каждый, кому вздумается, а только тѣ, кого выберетъ „саадычъ“ и въ знакъ своего выбора поднесетъ вина. Состязанія такого рода зависятъ больше всего отъ цѣнности призовъ, для нихъ назначенныхъ. Если призы дорогіе, то устраивается скачка на лошадяхъ, если же незначительные, то ограничиваются бѣгомъ на перегонки на дистанцію шаговъ въ 300. Весь свадебный поѣздъ ожидаетъ результатовъ состязанія на улицѣ, а когда состязающіеся вернутся, то раздаютъ имъ призы. Тому, кто прискачетъ первымъ, даютъ рубашку, второму—„чемберъ“ и рубль денегъ, третьему—платокъ и 50 коп. деньгами и наконецъ четвертому калачъ и горшокъ съ виномъ. Женихъ, невѣста, „саадычъ“ и „деверь“ становятся въ рядъ, а получившіе призы объѣзжаютъ или обходятъ вокругъ

нихъ три раза [45]). Затѣмъ, взявшій четвертый призъ три раза подкидываетъ полученный имъ „калачъ“ надъ головой жениха и ловитъ, а продѣлавши это, подходитъ къ толпѣ и бросаетъ „калачъ“ на ура [46]), горшокъ же съ виномъ ударяетъ о землю и разбиваетъ [47]).

Когда свадебный кортежъ приблизится къ дому жениха, то парни набираютъ воду въ ведро и поливаютъ ее по пути новобрачныхъ [48]). Женихъ, невѣста, „саадычъ“, „крестница“ и „деверь“ бросаютъ въ пользу ихъ по пятачку на землю и продолжаютъ свой путь. Когда, наконецъ, подойдутъ къ самому дому, то одинъ изъ парней беретъ у „деверя“ револьверъ и даетъ выстрѣлъ. По звуку выстрѣла отецъ и мать жениха, которые во всей предыдущей процессіи не участвовали, выходятъ изъ дому, настилаютъ передъ дверью своего дома коверъ и приглашаютъ молодыхъ войти въ домъ. Молодые дѣлаютъ видъ, что они не хотятъ войти, по объясненію гагаузовъ, для того, чтобы отецъ жениха, который въ это время долженъ подарить молодымъ что-нибудь цѣнное, не скупился и пообѣщалъ побольше. Мать жениха выноситъ съ собою на дворъ „калачъ“ [49]), въ верхнюю корку котораго воткнуты три зажженныя сальныя свѣчи, а въ серединѣ между ними стаканъ, наполненный медомъ.

Женихъ и невѣста всходятъ на коверъ и становятся рядомъ; они держатъ въ рукахъ зажженныя свѣчи. Въ это время музыкантъ начинаетъ играть „тукàнджу“, подъ звуки которой отецъ и мать жениха пляшутъ и съ пляской три раза обходятъ вокругъ молодыхъ. При этомъ отецъ движется въ одну сторону, а мать—въ другую. Когда они встрѣчаются, то отецъ мажетъ губы медомъ, а она ему усы саломъ или сажей [50]). Присутствующіе же обсыпаютъ въ это время ихъ обоихъ мукой и обрызгиваютъ грязью. Потомъ отецъ жениха беретъ „чòтру“ съ виномъ и начинаетъ угощать сначала „саадыча“, потомъ „деверя“, жениха, невѣсту и наконецъ „крестницу“. Женихъ и невѣста цѣлуютъ при этомъ ему руку. А мать жениха угощаетъ молодыхъ медомъ съ пальца, при чемъ молодые стараются укусить ее. Послѣ этой церемоніи отецъ тутъ же на дворѣ, еще не входя въ хату, объявляетъ, что даритъ сыну пару воловъ, виноградникъ или баштанъ, а кто-нибудь изъ парней „записываетъ подарки“ на стѣнѣ хаты, т. е. топоромъ вырубаетъ въ стѣнѣ зарубки по числу по-

даренныхъ вещей [51]). Послѣ того „саадычъ" закидываетъ свой кушакъ за спины жениха и невѣсты и тащитъ ихъ въ домъ, а они дѣлаютъ видъ, что не хотятъ войти и упираются. При этомъ кто-нибудь изъ присутствующихъ ударяетъ жениха кулакомъ по спинѣ, и они входятъ въ домъ.

Войдя въ домъ, молодые, все еще съ горящими свѣчами въ рукахъ, садятся на лавку. Жениху сажаютъ на колѣни дѣвочку, а невѣстѣ мальчика [52]), и черезъ нѣсколько времени они мѣняются, женихъ беретъ къ себѣ мальчика, а невѣста—дѣвочку. Послѣ того „саадычъ" отправляется домой, и большинство гостей идутъ его провожать, а молодые направляются въ отдѣльную комнату, гдѣ они ужинаютъ вмѣстѣ съ „деверемъ". Въ это время приходятъ женщины отъ невѣсты и приносятъ ключи отъ ея сундуковъ. Ихъ угощаютъ за это и въ изобиліи поятъ виномъ. Напившись до пьяна, онѣ уходятъ домой.

Вечеромъ въ тотъ же день „деверь" садится на коня и объѣзжаетъ всѣхъ мужчинъ родственниковъ, жениха, съ приглашеніемъ на вечерній пиръ. Холостые парни и дѣвушки на немъ не бываютъ. Когда всѣ соберутся, то часовъ въ 9 вечера „изметчи" съ нѣсколькими стариками, съ музыкой и съ „каниской" отправляются приглашать „саадыча". „Саадычъ" созываетъ всѣхъ своихъ близкихъ родственниковъ; они собираются съ „калачами", и вся компанія возвращается въ домъ жениха. Пришедши туда, всѣ садятся за столы, и начинается угощеніе. Передъ „саадычемъ" на столѣ ставятся „каниска", и онъ снова начинаетъ испытывать „изметчи" своими задачами.

Въ ту же ночь, уже подъ утро, мать жениха одариваетъ всѣхъ участвующихъ въ свадьбѣ. „Саадычу" и „крестницѣ" она даритъ по рубашкѣ, дядямъ и теткамъ—по „чемберу", а остальнымъ—по „пешкиру" (полотенцу). Всѣ одаренные бросаютъ на блюдо, стоящее передъ „саадычемъ", рубля по 2, по 3 въ пользу молодыхъ. Такъ проходитъ время до разсвѣта.

„Саадычъ" все время поглядываетъ въ окно, чтобы не прозѣвать первыхъ признаковъ разсвѣта. Какъ только эти признаки замѣчены, онъ даетъ хлѣбъ съ курицей, который называется „прошкой" [53]), жениху въ знакъ того, что ему уже дозволяется воспользоваться его супружескими правами. Послѣ этого „саадычъ" встаетъ изъ-за стола и отправляется домой; „изметчи" и нѣсколько

стариковъ, провожаютъ его. Дорогой онъ снова мучитъ „изметчи" своими порученіями, приказываетъ, напримѣръ, имъ развести огонь, велитъ нести его на рукахъ и т. под.

А жениха съ невѣстой запираютъ въ темную кухню, гдѣ имъ постлана постель, и у дверей кухни становятъ сторожемъ „деверя". Передъ тѣмъ какъ совершить супружескій актъ, женихъ и невѣста кладутъ по три земныхъ поклона. По совершеніи же акта, невѣста надѣваетъ на себя чистую рубашку, а старую берутъ женщины и рѣшаютъ, невинна ли невѣста или нѣтъ. Если она окажется невинной, то „деверь" даетъ выстрѣлъ изъ револьвера, и наступаетъ всеобщая радость. Мужчины тогда кладутъ себѣ за ухо букетики изъ „фѣслина", перевитые мишурой [54]), а женщины такіе же букетики затыкаютъ за платокъ на головѣ. Всѣ выходятъ на дворъ, пляшутъ и кричатъ. Окрашиваютъ красной краской водку, и невѣста, разливая ее въ стаканы, угощаетъ всѣхъ присутствующихъ [55]). Окровавленное бѣлье жениха и невѣсты не моютъ, а прячутъ и сохраняютъ въ сундукахъ, потому что въ немъ впослѣдствіи женихъ и невѣста должны быть похоронены [56]). Отецъ жениха или кто-либо изъ его старшихъ родственниковъ заставляютъ потомъ молодую печь блины, чтобы она показала свои хозяйственныя способности [57]).

Но если бы невѣста оказалась не невинною, то тогда вся картина рѣзко измѣняется: „деверь" изъ револьвера не стрѣляетъ, „китокъ изъ феслина" не дѣлаютъ, водки не окрашиваютъ, на дворѣ не танцуютъ, всѣ сердиты и молчаливы. Жениха и невѣсту запрягаютъ тогда въ телѣгу и катаются на нихъ по улицѣ, погоняя кочергой; всѣ надъ ними смѣются. Если отецъ жениха сердитый, то приколотитъ и жениха и невѣсту, высчитывая при этомъ, во сколько ему обошлась свадьба [58]).

Въ случаѣ если невѣста оказалась невинной, „деверь" и двое парней идутъ къ отцу невѣсты. Одинъ изъ нихъ подаетъ ему „китку" изъ „феслина", другой—подкрашенную водку, а третій—закуску, за что каждый получаетъ въ подарокъ по платку. Выходя изъ дому невѣсты, они спрашиваютъ отца невѣсты, что имъ взять ей въ подарокъ? Отецъ назначаетъ бычка, овцу или курицу. Когда подаренное животное парни принесутъ или приведутъ къ невѣстѣ, то она должна укусить бычка или овцу за ухо, а курицу за гребень [59]).

Въ то же время партія „изметчи" жениха ходитъ къ „саады-

чу", а всѣ остальные гости, по обычаю, продѣлываютъ разныя штуки. Такъ, напримѣръ, рѣшаютъ, что всѣ присутствующіе должны заплатить въ пользу молодыхъ по 2—3 коп., а кто на это не согласенъ и не заплатитъ, того привязываютъ веревкой за поясъ и подвѣшиваютъ къ балкѣ потолка, пока онъ не заплатитъ. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ влѣзаютъ на крышу [60]) и черезъ трубу опускаютъ во внутрь хаты веревку. На эту веревку невѣста привязываетъ имъ „калачъ", курицу и „чо̀тру" съ виномъ. Вытянувши все это наверхъ, они сидятъ на крышѣ, пьютъ и закусываютъ. Въ это же время устраиваютъ искусственнаго коня, что называется „куме̇̀дія". Всѣ гости садятся по лавкамъ вокругъ стѣнъ хаты, а одинъ изъ парней, изображающихъ всадника на лошади, съ привѣшенными сбоку искусственными ногами въ сапогахъ, выѣзжаетъ на середину хаты [61]), дурачится, пляшетъ, скачетъ, падаетъ и проч. Когда эта „куме̇̀дія" кончена, молодые парни, товарищи жениха, переодѣваются цыганами, мажутъ себѣ лицо сажей, садятся верхомъ на лошадей и ѣдутъ большой компаніей по селу. Заѣзжая къ какому-нибудь хозяину, они просятъ винца, а когда ихъ начинаютъ угощать, то стаканъ и „чотру", изъ которой ихъ угощали, забираютъ съ собой, да еще, кромѣ того, подражая цыганамъ, выпрашиваютъ у хозяина, не подаритъ ли онъ чего-нибудь въ пользу молодыхъ. Каждый даетъ при этомъ, что можетъ. Все собранное импровизованные цыгане вѣшаютъ на свою лошадь, такъ что она подъ конецъ ихъ экскурсіи является обвѣшанною со всѣхъ сторонъ всякою всячиною: платками, разнымъ бѣльемъ, полотенцами и т. под. Всю свою добычу они везутъ къ невѣстѣ и отдаютъ ей [62]).

По возвращеніи „де̇̀веря" отъ невѣстина отца, всѣ расходятся по домамъ, а потомъ, съ наступленіемъ вечера, снова собираются и идутъ прежде всего за „деверемъ". Послѣ того вся толпа раздѣляется на двѣ половины. Половина идетъ къ невѣстиной матери, а половина—къ „саадычу", и всю ночь тамъ угощаются. У „саадыча" въ этотъ вечеръ должны присутствовать, непремѣнно, 9 женатыхъ мужчинъ и 9 замужнихъ женщинъ, которые всѣ вмѣстѣ называются „саадыч колтў" [63]). Какое ихъ назначеніе, я не могъ узнать, но каждый изъ этихъ 18 человѣкъ долженъ получить по подарку отъ невѣстина отца. Тѣ же парни, которые ѣздили цыганами, берутъ у жениха ведро горячаго вина, прибавляютъ къ

нему перцу и угощають этимъ напиткомъ всѣхъ гостей у „саадыча“ и у матери невѣсты. Подавая каждому по стакану, они собираютъ за это по 5 коп., при чемъ, въ видѣ поощренія, платящимъ кричатъ: „харач, харач, парана алырым, гӧзюню ач“ (Харачъ, харачъ, возьму деньги, открой глаза). Собравши деньги, парни возвращаются къ жениху съ невѣстой, передаютъ имъ деньги и затѣмъ заставляютъ невѣсту цѣловать имъ руки, при чемъ назначаютъ плату за каждый ея поцѣлуй по одной или по нѣскольку копеекъ. Кромѣ того, такъ какъ они для нея потрудились, то требуютъ отъ невѣсты, чтобы она безпрекословно исполняла каждое ихъ приказаніе. Тутъ же заставляютъ жениха съ невѣстой цѣловаться. На этомъ оканчивается свадьба [64]).

Въ первую недѣлю послѣ свадьбы въ с. Этулія Измаильскаго уѣзда совершается еще слѣдующій оригинальный обрядъ, котораго нѣтъ у бендерскихъ гагаузовъ. „Деверь“ беретъ „дувак“, т. е. вѣнокъ, въ которомъ вѣнчалась невѣста („дувакомъ“ же гагаузы называютъ и красный платокъ, въ которомъ встарину невѣста была одѣта на свадьбѣ, отсюда въ пѣсняхъ невѣста называется „ал дувaклы“, т. е. „красноплаточная“); другіе парни наполняютъ ведро водой и выносятъ на дворъ. Туда же выходитъ невѣста съ подружками, въ башмакъ ей для чего-то насыпаютъ ржи. Эту рожь изъ башмака высыпаютъ въ ведро, бросаютъ туда же нѣсколько серебряныхъ монетъ, и невѣста вмѣстѣ со своими подругами подъ звуки скрипки начинаетъ танцовать вокругъ этого ведра. По окончаніи танца ведро переворачиваютъ, и парни подбираютъ деньги. Затѣмъ деверь садится на ведро, перевернувъ его вверхъ дномъ. Послѣ того невѣста раздаетъ подарки всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ обрядѣ. „Деверю“ она даритъ платокъ, за что онъ даетъ ей двѣ—три копейки. Потомъ „деверь“, взявши въ руки двѣ палочки, поднимаетъ ими „дувак“ и кладетъ на ведро, а съ ведра опять на голову молодой и повторяетъ это до трехъ разъ. Въ заключеніе обряда, снова пляшутъ вокругъ ведра, а потомъ идутъ въ домъ и угощаются.

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы устраивается, такъ называемый, „суватулук“, что-то вродѣ малороссійскихъ „перезвъ“. Отецъ жениха созываетъ къ себѣ нѣсколькихъ близкихъ родственниковъ мужчинъ, и всѣ они вмѣстѣ съ молодыми идутъ угощаться къ родителямъ невѣсты.

Въ с. Этулія Измаильскаго уѣзда „суватулук“ называется „йількинджи афталык“ (первая недѣля), такъ какъ на слѣдующую недѣлю бываютъ „ікинджи афталык“, т. е. отвѣтное угощеніе родственникамъ невѣсты отъ отца жениха. На третій „афталык“, въ воскресенье утромъ, молодые ходятъ въ первый разъ вмѣстѣ въ церковь, а потомъ молодая созываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ пожаловать къ ней на вечеръ. Вечеромъ въ тотъ же день, часовъ въ 5—6, совершается обрядъ приноса воды съ колодца или фонтана. О томъ, что такой обрядъ будетъ совершаться, заранѣе знаетъ все село, а потому на колодецъ собирается масса народу. Нести съ колодца воду, по настоящему, должна бы сама молодая, но она этого не дѣлаетъ, за нее эту обязанность исполняетъ одна изъ ея родственницъ. Молодая же, въ сопровожденіи молодого и музыкантовъ, приходитъ къ колодцу и приноситъ съ собою въ узелкѣ изюмъ, орѣхи и другіе гостинцы. Собравшіеся на колодецъ брызгаютъ ее водой, а она, какъ бы въ благодарность за то, что на нее брызгаютъ, раздаетъ имъ гостинцы. Обрядъ этотъ въ с. Этулія называется „кутладык“, т. е. обновленіе [65]).

Въ с. Бешалма Бендерскаго уѣзда по окончаніи свадьбы молодые ходятъ по всѣмъ родственникамъ, старше себя, мыть имъ ноги. Молодой при этомъ носитъ воду и поливаетъ ее на ноги, а молодая моетъ. За это ей даютъ по 20—30 коп. каждый [66]).

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца послѣ свадьбы молодая ежедневно цѣлуетъ руки въ домѣ своего мужа всѣмъ отъ мала до велика, выражая этимъ свою полную покорность передъ всѣми членами ея новаго семейства. А въ теченіе 10 дней она, кромѣ того, цѣлуетъ руку всѣмъ постороннимъ людямъ, пришедшимъ въ домъ ея мужа, тоже отъ мала до велика.

„Тель“, т. е. нитки мишуры, молодая жена носитъ цѣлую недѣлю послѣ свадьбы, а потомъ вѣшаетъ ихъ на вѣнчикъ свадебной иконы („стеонозлук юкона̂сы“), которой благословляли невѣсту ея родители.

Спать съ женой наканунѣ середы, пятницы, воскресенья и всѣхъ большихъ праздниковъ, а также во всѣ посты у гагаузовъ считается грѣхомъ, но въ первый годъ женитьбы правила эти не считаются обязательными. Поэтому, говорятъ гагаузы, молодоже-

намъ въ первый годъ ихъ сожительства священникъ и причастія не даетъ [67]).

Свадебныя издержки гагаузовъ, какъ мы уже видѣли, приходятся преимущественно на долю жениховой стороны, расходы же невѣстиной стороны сравнительно не такъ велики. Общая сумма расходовъ, конечно, измѣняется значительно, въ зависимости отъ состоянія жениха, но, чтобы дать о нихъ приблизительное понятіе, я приведу для примѣра разсчетъ, который дѣлало одно знакомое мнѣ семейство гагаузовъ, среднее по своему состоянію. Семейство это собиралось женить своего сына, которому уже найдена была невѣста въ своемъ селѣ и начинались дѣлаться свадебныя приготовленія.

Самый дорогой расходъ гагаузовъ на свадьбѣ—это золотыя украшенія въ формѣ монетъ, которыя женщины носятъ въ видѣ ожерелья на шеѣ; они обязательно должны быть подарены невѣстѣ женихомъ. Поэтому совершенно справедливо выражаются въ шутку гагаузы, что иная изъ ихъ женщинъ „носитъ у себя на шеѣ не одну пару воловъ". Что касается тѣхъ золотыхъ украшеній, которыя каждая дѣвушка носитъ до замужества, то они покупаются для нея родителями, но ея собственности не составляютъ. Во время свадьбы они отъ нея отбираются и идутъ въ приданое за однимъ изъ ея братьевъ. Онъ подаритъ ихъ своей будущей невѣстѣ. Итакъ, считается необходимымъ купить для невѣсты: около 40 штукъ „алтыновъ", т. е. самыхъ мелкихъ золотыхъ кружковъ, пара которыхъ стоитъ около 5 рублей, (всего на 100 р). отъ 3 до 4-хъ „лефти" (самыхъ крупныхъ кружковъ, по 18—20 руб. штука на 60—80 р). Что касается „махмудя", т. е. кружковъ средней величины, то ихъ покупаютъ изъ тѣхъ денегъ, которыя разсчитаны на покупку „алтынъ", при чемъ этихъ послѣднихъ будетъ куплено, конечно, нѣсколько менѣе, чѣмъ 40 шт. Одинъ „махмудя" стоитъ столько, сколько стоятъ 8 „алтынъ", а вообще „махмудя" носятъ отъ 4-хъ до 12 шт. Далѣе: юбку изъ зеленой шелковой матеріи (20 р.), юбку суконную изъ фабричнаго сукна (10 р.), полусапожки (5 р.), „барез" (шерстяной платокъ, 3 р.), „салтамарка" (короткую юбку 6 р.), „джяныанкер" (длинную суконную шубу съ каракулевымъ воротникомъ и лацканами, 12 р.), пару серегъ золотыхъ (5 р.), перстень серебряный (1 р.) Кромѣ того: отцу невѣсты денежный подарокъ („буба хакы", 20—30 р.),

ему же шубу сѣраго сукна съ каракулевымъ воротникомъ (25 р.), матери невѣсты („ана топу")—двѣ ситцевыя юбки по 30—40 коп. арш. (6—8 р.), брату невѣсты—сапоги (6—7 р.), дѣду и бабкѣ невѣсты и ея дядѣ по парѣ туфель—3 пары (3 р.), для „изметчи" платковъ 4—5 дюжинъ по 50—60 коп. дюжина (2—3 р.), 14—15-ти „зылвамъ" по „чемберу", большимъ по 1 р. шт, а малымъ по 60 коп. (12 р.), музыкантамъ (отъ 3 до 15 р.), священнику (5—10 р.), на разныя непредвидѣнныя мелочи (20 р.).

Угощеніе: Водки 3 ведра по 8 р. ведро (24 р.), вина, если нѣтъ своего, 60 ведеръ (30—60 р), мяса коровьяго пудовъ 10—15,—око (3 фунта) по 10—12 коп. (15—20 р.). Такимъ образомъ всѣ покупки стоятъ отъ 400 до 486 р. Но зачастую такіе расходы даже у средняго крестьянина доходятъ до 800 р. А вотъ расходы со стороны невѣсты. Я не высчитываю ихъ на деньги, потому что подарки, которые она дѣлаетъ, заготовляются заранѣе въ видѣ приданаго и преимущественно изъ матерій домотканныхъ. Дарятъ: 9-ти мужчинамъ, собирающимся у „саадыча", по полотенцу и 9 женщинамъ по платку (цѣною въ 1 р.), дядямъ жениха (по отцу) по рубашкѣ—3 рубашки, женамъ дядей по платку (цѣною въ 1 р.)—3 р., двоимъ дядямъ жениха (по матери) по рубашкѣ—2 рубашки, ихъ зятьямъ (троимъ) по полотенцу—3 полотенца, женамъ зятьевъ (троимъ) по платку—3 платка. Итого: 5 рубашекъ, 15 платковъ и 12 полотенецъ. Расходъ въ сравненіи съ расходами жениха ничтожный.

А вотъ предполагаемый доходъ молодыхъ:

Подарокъ отъ отца жениха: виноградникъ—1 десятина, пшеницы посѣянной—2 десят., кукурузы посѣянной—1 десят.; отъ отца невѣсты: пшеницы посѣянной—2 десят., кукурузы—1 десят.; отъ „саадыча" жениха: пшеницы посѣянной—1 десят., кукурузы посѣянн.—1 десят.; отъ двухъ богатыхъ дядей жениха: пшеницы по полъ-десятины—1 десят. Итого: 6 десятинъ пшеницы и 3 десятины кукурузы. Такимъ образомъ, иногда набирается до 10—12-ти десятинъ. Кромѣ того, скота подареннаго: отъ отца невѣсты—корова и 5 — 10 овецъ. Денегъ собранныхъ на свадьбѣ по мелочамъ 50—70 руб. (хватитъ на покупку лошади).

Кража невѣстъ у гагаузовъ не составляетъ рѣдкости; она называется „качкын" [68]). Молодые люди прибѣгаютъ къ ней тогда, когда родители препятствуютъ ихъ браку или желаютъ выдать

дѣвушку насильно не за того, за кого она хочетъ. Для успѣха кражи необходимо, конечно, согласіе невѣсты, а иногда и помощь постороннихъ лицъ. Изъ боязни нажить себѣ врага на всю жизнь, рѣдко кто изъ односельчанъ согласится принять въ свой домъ и скрыть бѣглецовъ, а потому они чаще всего подыскиваютъ себѣ знакомый домъ въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ. Назначивши дѣвушкѣ мѣсто, куда она должна выйти, и время, (преимущественно ночь), молодой парень везетъ ее въ сосѣднюю деревню. Здѣсь бѣглецы скрываются дня два—три, а потомъ смѣло возвращаются въ родное село и спокойно совершаютъ свадебный обрядъ. Дѣло въ томъ, что родители невѣсты, если имъ не удалось во-время задержать бѣглянку, теперь уже не будутъ пытаться отнять ее отъ жениха или препятствовать ихъ браку на томъ основаніи, что, если дѣвушка пробыла съ парнемъ неизвѣстно-гдѣ нѣсколько дней и ночей, то ея репутація разъ на всегда потеряна, и уже никто, кромѣ вдовцовъ, не возьметъ ее замужъ.

Родители, противъ воли которыхъ совершилась свадьба, конечно, уже не только не считаютъ себя обязанными помогать молодымъ людямъ деньгами или что-нибудь дарить имъ, но зачастую подолгу, года по 3 по 5-ти, не видятся съ ними.

Бываютъ случаи, что кража невѣстъ совершается просто изъ экономическихъ разсчетовъ, такъ какъ свадьба, соединенная съ кражей, по необходимости устраивается на скорую руку и потому освобождаетъ участниковъ ея отъ многихъ обрядовъ, церемоній и излишнихъ расходовъ. Поэтому къ кражѣ невѣстъ чаще всего прибѣгаютъ люди бѣдные. Если у такихъ бѣдныхъ людей дочь слишкомъ долго не выходитъ замужъ, то они даже попросту посылаютъ ее: „ступай, иди къ кому хочешь".

Сожительство между собою невѣнчанныхъ называется у гагаузовъ „ціитор" и также случается иногда, но преимущественно тогда, когда вдовецъ женится на второй женѣ и сильно бьетъ ее. По мѣстному обычному праву первая жена никуда не можетъ уйти отъ мужа, какъ бы онъ ее ни билъ, какъ бы ни тиранилъ, но вторая и третья жены могутъ уйти отъ мужа, куда только пожелаютъ, и общественное мнѣніе въ такомъ случаѣ вовсе ихъ не осуждаетъ. Оставленный мужъ, у котораго жена ушла къ другому, даже и не пытается водворить ее къ себѣ, потому что общественное мнѣніе всегда становится на сторону жены. Къ незакон-

ному сожительству, образовавшемуся при подобныхъ обстоятельствахъ, деревенское общество относится довольно снисходительно. Такъ, напримѣръ, бывать въ гостяхъ у невѣнчанныхъ супруговъ вовсе не считается предосудительнымъ, но только ночевать въ ихъ домѣ считается почему-то грѣшно.

Старыхъ дѣвъ у гагаузовъ почти не бываетъ; если дѣвушкѣ не удастся выйти за холостого или если она скомпрометирована, то идетъ за вдовца не свыше 25 лѣтъ, потому что вдовцы старше этого возраста считаются уже стариками и ни одна дѣвушка за нихъ не пойдетъ. Поэтому вдовцы чаще всего женятся также на вдовахъ. Вслѣдствіе хозяйственныхъ соображеній вдовцы у гагаузовъ женятся какъ можно скорѣе послѣ смерти ихъ женъ, иногда даже черезъ мѣсяцъ. Но насчетъ вторичнаго брака вдовцамъ приходится очень туго, потому что свободныхъ женщинъ у гагаузовъ очень мало, и зачастую приходится ждать, не умретъ-ли кто-нибудь изъ мужей и не оставитъ ли послѣ себя вдовы. Зато ужъ вдовы при такихъ условіяхъ не засиживаются; по смерти мужа ихъ тотчасъ же разбираютъ на расхватъ. Случается, что мужъ еще лежитъ при смерти или умеръ, но еще не похороненъ, а ко вдовѣ его является сразу по нѣскольку жениховъ, торопясь перебить ее другъ у друга. Очевидно, что у гагаузовъ нѣтъ такого огромнаго избытка женщинъ сравнительно съ мужчинами, какъ у насъ.

Въ общественномъ и семейномъ положеніи гагаузской женщины еще много чисто-восточнаго. Ясно, что для этого народа еще не далеко то время, когда женщина сидѣла у него взаперти и не смѣла показаться на улицу иначе, какъ подъ покрываломъ. И дѣйствительно, у задунайскихъ гагаузовъ, по словамъ Иречка, еще до сихъ поръ жены не показываются въ комнатѣ при посторонних мужчинахъ. У бессарабскихъ гагаузовъ этого обычая уже нѣтъ, но есть другіе, съ нимъ сходные. Въ обществѣ ихъ женщины ни въ какихъ случаяхъ жизни не пользуются правами, одинаковыми съ мужчинами. Такъ, напримѣръ, у нашего народа вдова-старуха, не имѣющая въ домѣ взрослыхъ мужчинъ, но ведущая самостоятельное хозяйство и обладающая земельнымъ надѣломъ, пользуется на сходахъ одинаковымъ правомъ голоса со всѣми мужчинами. У гагаузовъ не мыслимо ничего подобнаго. Невысокое положеніе женщины въ гагаузскомъ обществѣ обнаружи-

вается, между прочимъ, и въ общепринятомъ обычаѣ, чтобы женщина отнюдь не могла себѣ дозволить перейти дорогу мужчинѣ. Если какой-нибудь мужчина, хотя бы даже маленькій мальчикъ, идетъ по улицѣ, то женщина самая почтенная и старая, завидѣвъ его издали, если ей нужно было перейти дорогу, останавливается, хотя бы она шла съ тяжестью, и пережидаетъ, пока мужчина не пройдетъ. Если же какой-либо мужчина увидитъ, что гдѣ-то вдали женщина перешла передъ нимъ дорогу, то онъ уже считаетъ себя оскорбленнымъ [69]). Низкое положеніе женщины въ гагаузскомъ обществѣ сказывается даже и въ церкви, гдѣ мужчины стоятъ непремѣнно впереди, а женщины сзади.

По улицамъ обычай предписываетъ женщинамъ ходить непремѣнно потупя голову, такъ что самое слово „гелинджя", т. е. потупя голову, происходитъ отъ слова „гелин" (молодая женщина) и означаетъ въ то же время—„по-женски".

Ѣзда верхомъ считается для дѣвушекъ крайне неприличной, и говорятъ, что у той дѣвушки, которая ѣздила верхомъ, хлѣбы будутъ всегда выходить кислыми.

Такъ же, какъ и у нашего народа, между молодежью мужского пола считается большимъ удальствомъ обмануть дѣвушку, воспользовавшись ея неопытностью.

Если парень полюбитъ какую-нибудь дѣвушку, то онъ становится крайне ревнивымъ. Дѣвушкѣ приходится тогда вести себя въ высшей степени осторожно, потому что малѣйшій пустякъ въ ея обхожденіи принимается за признакъ охлажденія и измѣны и иногда очень жестоко карается. Достаточно, напримѣръ, дѣвушкѣ подсмѣяться надъ своимъ возлюбленнымъ даже въ шутку по поводу его одежды, которая требуетъ ремонту, и предлогъ для ревности уже готовъ. Сейчасъ же у парня является подозрѣніе, что его сравниваютъ съ другимъ, у котораго платье и лучше и новѣе, что этотъ другой—его счастливый соперникъ. То же самое происходитъ, если любимая дѣвушка не замѣтитъ парня и случайно перейдетъ ему дорогу. Ясно, думаетъ онъ, что она не только разлюбила меня, но и потеряла ко мнѣ всякое уваженіе. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ревнивецъ начинаетъ мстить дѣвушкѣ однимъ изъ общепринятыхъ способовъ подобнаго мщенія. Домъ дѣвушки намазывается дегтемъ, который смѣшивается со свинымъ саломъ, чтобы пятно на стѣнѣ сохранялось

какъ можно дольше. А чтобы самое намазыванье стѣны дегтемъ было для парня безопаснѣе, смѣсь дегтя съ саломъ помѣщается въ яичную скорлупу и ночью бросается объ стѣну съ размаху. Впрочемъ, такой способъ мщенія считается большимъ грѣхомъ. Далѣе мстятъ дѣвушкамъ еще тѣмъ, что портятъ у нихъ шелковичныхъ червей, которыхъ каждая дѣвушка лѣтомъ обязательно разводитъ для кустарнаго приготовленія шелку. Достаточно для этого обрызгать соленой водой самихъ червей или тутовое дерево, которымъ они питаются, и черви непремѣнно подохнутъ. Наконецъ, самый жестокій способъ мщенія настоящей или мнимой измѣнницѣ—это поднять у нея всѣ юбки кверху, завязать ихъ у нея надъ головою и пустить въ такомъ видѣ на улицу.

Еще хуже бываетъ положеніе замужней женщины. Битье мужемъ своей жены считается настолько обыкновеннымъ, что практикуется не только съ цѣлью ее наказать или исправить, а даже безъ всякой вины съ ея стороны, просто, какъ говорится, для порядка. По этому поводу между мужчинами существуетъ убѣжденіе, что если кто не бьетъ своей жены хоть разъ въ недѣлю, тому жена непремѣнно измѣнитъ. Рядомъ съ этимъ существуетъ постоянное подозрѣніе женщинъ въ колдовствѣ и въ сношеніи съ нечистою силой. Существуетъ множество разсказовъ, что жены, съ цѣлью извести мужа, раздѣваются голыми и въ такомъ видѣ лазятъ въ печную трубу—съ цѣлью колдовства, что онѣ остригаютъ у мужчинъ волосы, прилѣпляютъ ихъ къ восковой свѣчкѣ и жгутъ эту свѣчку, приговаривая: „какъ горитъ эта свѣча, такъ пусть горитъ душа моего мужа“ [70]). Отъ такого наговора съ мужчиной непремѣнно случится что-нибудь недоброе. Такъ, напримѣръ, отъ такого наговора онъ можетъ временно потерять способность двигаться и владѣть языкомъ.

За совѣтами мужъ обращается къ своей женѣ чрезвычайно рѣдко, потому что онъ слишкомъ невысокаго мнѣнія о женскомъ умѣ. На этотъ случай существуетъ не мало народныхъ пословицъ, въ родѣ того, что „семь бабъ по уму равны одному мужчинѣ“, что у женщины „волосъ дологъ, да умъ коротокъ“, что „мужъ можетъ выслушивать отъ жены только одно слово изъ ея десяти“ и т. под. Вслѣдствіе этого положеніе женщины въ гагаузской семьѣ очень невысоко. Если къ ея мужу собираются въ гости мужчины, то женщина, присутствуя при общемъ разговорѣ, отнюдь

не позволитъ себѣ вмѣшаться въ ихъ разговоръ, а тѣмъ болѣе перебить чью-нибудь рѣчь; она сохраняетъ во все время глубокое молчаніе и только тогда позволитъ себѣ открыть свой ротъ, когда кто-либо изъ мужчинъ обратится съ какимъ-нибудь вопросомъ къ ней лично. Если же съ такимъ вопросомъ къ ней никто не обратится, то она не проронитъ ни одного единственнаго слова, какъ будто бы ея въ домѣ и не было. Словомъ, положеніе женщины въ гагаузской семьѣ значительно разнится отъ положенія русской простонародной женщины.

Случаи, когда мужъ въ семьѣ подчиняется женщинѣ, у гагаузовъ бываютъ чрезвычайно рѣдко, настолько рѣдко, что они вызываютъ всеобщее удивленіе и всегда приписываются женскому колдовству. Это видно, между прочимъ, изъ одного гагаузскаго разсказа, который печатается въ числѣ другихъ гагаузскихъ сказокъ въ изданіи Императорской Академіи наукъ. Въ этомъ разсказѣ двое мужчинъ подчиняются одной женщинѣ, а по смерти ея на чердакѣ ея дома находятъ горшокъ съ 40 различными гадами,—неоспоримое доказательство, что женщина зналась съ нечистой силой.

Въ дѣлѣ обращенія мужчинъ съ женщинами у гагаузовъ замѣтна вотъ еще какая разница отъ нашего великороссійскаго простонародья. Нашъ крестьянинъ, насколько мнѣ приходилось его наблюдать, никогда не сдерживается въ разговорѣ, сколько бы женщинъ ни находилось въ комнатѣ. Самыя циничныя сказки и пѣсни разсказываются и поются совершенно свободно въ обществѣ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, какъ будто бы ихъ вовсе и не было. У гагаузовъ этого нѣтъ; ни одинъ мужчина не позволитъ себѣ въ обществѣ женщинъ и дѣтей никакихъ нескромныхъ разговоровъ. А если онъ хочетъ разсказать нескромную сказку, то прежде всего осмотрится во всѣ стороны, нѣтъ ли женщины, или не можетъ ли она услышать его изъ сосѣдней комнаты.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) — «Китка» такъ же, какъ и у гагаузовъ, играетъ непремѣнную роль въ болгарской свадьбѣ. У галицiйскихъ Гуцуловъ «киткой» называется украшеніе на шапкѣ у молодыхъ парней въ родѣ павлиньяго пера. Кромѣ того, тамъ же «китыцями» называются букетики изъ гусиныхъ перьевъ, которыми украшается свадебное «деревцо». У Угро-руссовъ «китку» замѣняетъ «багрета», букетъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, который прицѣпляетъ невѣста жениху во время «сватанокъ» (сговора).

См.: O. Kolberg. Pokucie I, стр. 291; „Живая старина", 1891, в. 3, стр. 143.

[2]) — Гагаузской «яокулу» соотвѣтствуетъ, такъ называемая, „парочка" Олонецкихъ крестьянъ, русскихъ и корелъ. Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ каждая дѣвушка имѣетъ свою «парочку», т. е. парня, который постоянно вмѣстѣ съ ней танцуетъ и проводитъ время на посидѣлкахъ. Для тамошней дѣвушки считается большимъ позоромъ, если у нея нѣтъ «парочки», въ чемъ ее постоянно упрекаютъ ея родители. Но такъ же, какъ и у гагаузовъ, «парочка» не всегда—будущая невѣста парня, за ней ухаживающаго. Очень часто парень проводитъ время своей холостой жизни съ одной дѣвушкой, а женится на другой (Наблюденія автора).

[3]) — Пробныя ночи отнюдь не составляютъ исключительной особенности гагаузской молодежи. Совершенно въ такомъ же видѣ онѣ существуютъ у болгаръ. Во многихъ болгарскихъ деревняхъ около Рущука есть обычай допускать того изъ парней, который пользуется расположеніемъ дѣвицы, ночевать съ ней, но только съ условіемъ вести себя скромно, въ противномъ случаѣ, нарушителей правила о цѣломудріи заставляютъ поскорѣе вступить между собою въ бракъ (Боевъ: Къ брачному праву болгаръ. Стр. 5).

О латышахъ у Е. А. Вольтера (Свадьба въ окрестностяхъ Митавы) на стр. 166, говорится, что, «когда парень понравится дѣвицѣ, ему не трудно выпросить себѣ нѣсколько пробныхъ ночей, которыя у этого народа такъ же въ обыкновеніи, какъ между крестьянами нѣкоторыхъ мѣстностей Южной Германіи и Швейцаріи». Тамъ же на стр. 197 говорится, что пробныя ночи существуютъ у латышей Унгермуйжской и Крейцбургской волостей Динабургскаго уѣзда и что въ сѣверной Литвѣ нерѣдко молодой парень съ вѣдома и согласія родителей дѣвицы вступаетъ съ невѣстою въ отношенія, которыя прекращаются, когда обѣ стороны другъ другу не понравятся.

У вотяковъ, какъ извѣстно, дѣвушки тоже стараются вступить въ связь съ парнями до замужества, къ чему ихъ поощряютъ родители, и ту изъ нихъ неохотно возьмутъ замужъ, у которой до свадьбы не было ни одного ребенка.

У Абхазцевъ мужчина съ дозволенія родителей беретъ къ себѣ ихъ дочь, живетъ съ нею какъ съ женой, но женится только тогда, когда она выкажетъ свои способности быть хорошей хозяйкой. Такое испытаніе можетъ продолжаться годъ и болѣе.

Кромѣ того, пробныя ночи практикуются у Астраханскихъ ногайцевъ. Тамъ передъ свадьбой родственницы невѣсты устраиваютъ жениху тайное ночное свиданіе съ дѣвушкой.

Наконецъ у малороссовъ нѣкоторыхъ мѣстностей существуетъ подобіе пробныхъ ночей въ обычаѣ, имѣющемъ мѣсто на вечерницахъ. Тамъ всѣ дѣвушки ложатся съ парнями и тушатъ огни, а потомъ снова ихъ зажигаютъ.

Народы Россіи. Этнографич. очерки. Изданіе журнала „Природа и люди". Спб. 1878, ч. 2 стр. 341; Сборникъ матерьяловъ, издав. при Дашковск. музеѣ в. I стр. 5; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 12 в. I Стр. 34; Вотяки. И. Н. Смирнова. Казань 1890 стр. 132, Zbiór Wiadomości do Antrop. т. 3 стр. 128.

[4]) — Публичныя посрамленія за безнравственную жизнь практикуются между французскими крестьянами (подъ названіемъ «шаривари»), у нѣмцевъ («тиръягдъ»), въ Италіи и въ другихъ мѣстностяхъ западной Европы. Нѣкоторый матерьялъ объ этомъ очень древнемъ обычаѣ мною собранъ въ статьѣ «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ», печатаемый въ журналѣ «Живая старина».

Revue des tradition populaiares г. I, т. I стр. 318; г. 3 т. 3 стр. 456; г. 4 т, 4 стр. 289 и г. 5 т. 5 стр. 183; Melusine. Paris 1877, № 4 стр. 93; Этногр. Обозр. 1891 № 2 стр. 6; Ib. 1894 № 3 стр. 42.

— [5]) Семейный совѣтъ, устраиваемый родителями передъ свадьбой, надо полагать, не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ обычаевъ; намъ же онъ извѣстенъ у болгаръ, у Астраханскихъ ногайцевъ, у малороссовъ нѣкоторыхъ мѣстностей и у великороссовъ Кирсановского уѣзда Тамбовской губ.

Сборникъ матерьяловъ при Дашковск. музеѣ в. I стр. 5; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 12 в. I стр. 32; Этнограф. Обозр. т. 7 стр. 6; Чубинск. т. 4 стр. 56 и 560.

[6]) — Сваты мужчины, какъ видно изъ этнографическаго матерьяла, встрѣчаются у разныхъ народовъ чуть ли не чаще, чѣмъ свахи. Такъ, напримѣръ, сваты, кромѣ гагаузовъ, посылаются къ родителямъ невѣсты еще у слѣдующихъ народовъ Европы: у Астраханскихъ ногайцевъ, мордвы, царевококшайскихъ черемисовъ, эстовъ, лиговцевъ, галицкихъ русиновъ, галицкихъ армянъ, плоцкихъ мазуровъ, поляковъ Луковскаго уѣзда, малороссовъ Сѣдлецкой губерн., малороссовъ Украины, бѣлоруссовъ, угроруссовъ, русскихъ евреевъ и великороссовъ Псковской губ.

Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 11 в. I, стр. 70 и т. 12 вып. I стр. 32; З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. I стр. 694; Этногр. Обозр. 1892 № I стр. 155; Живая Стар. 1891 в. 3 стр. 139; Ib. 1898 в. I стр., 83; Чубинск. Т. 4 стр. 56 и 614; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. I и 13; Bibliot. Wisly т. 4 стр 115; O. Kolb. Pokuc. I стр. 224, 271, 274, 285 и 354; Ib. Chełmskie I стр. 192; Ib. Mazowsze т. 4 стр. 203; Obchody weselne prz. Prusskiego. Krak. 1869 I стр. 72.

[7]) — Такой же обычай мѣшать огонь на очагѣ существуетъ у болгаръ-помаковъ.

Сборн. за народ. умотвор., кн. 7, стр. 43 и 52.

[8]) — У царевококшайскихъ черемисъ также «родители согласіе на выдачу дочери даютъ не вдругъ, это считается у нихъ неловкимъ, а отговариваются сначала подъ разными предлогами: молодостью дочери, не-

имѣніемъ средствъ нынѣ выдать ее, потомъ понемногу смягчаются и даютъ согласіе».

Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. т. II в. I стр. 70.

[9]) — Обычай приходить въ домъ невѣсты со сватовствомъ непремѣнно ночью или вечеромъ оказывается очень широко распространеннымъ въ особенности въ восточной Европѣ. Г. Прусскій, составившій описаніе свадебныхъ обрядовъ во всѣхъ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ, на основаніи собранныхъ тамъ этнографическихъ матерьяловъ, говоритъ, что во всемъ взятомъ имъ для изслѣдованія районѣ этотъ обычай представляется общимъ. «Вечеромъ», говоритъ названный авторъ, или въ самую полночь происходятъ «райны» (сватовство) въ Куякахъ, вечеромъ-надъ Березиной (у бѣлоруссовъ Минской губерніи), ночью—въ уѣздахъ: Сейненскомъ, Кальварійскомъ, Ковенскомъ и Троцкомъ (у литовцевъ), вечеромъ въ окрестностяхъ Познани (у поляковъ), ночью—у Пущаковъ (поляковъ Ломжинской губерніи), позднимъ вечеромъ—на Украйнѣ, позднимъ вечеромъ и ночью—въ Опочинскомъ уѣздѣ (поляки), въ Краковскомъ—о самую полночь».

Кромѣ того, намъ самимъ удалось подыскать въ имѣющейся у насъ этнографической литературѣ данныя о существованіи того же обычая у слѣдующихъ народовъ: у польской шляхты въ окрестностяхъ Кракова, у малороссовъ Украинскихъ и Сѣдлецкихъ, у галицкихъ руссиновъ, у бѣлоруссовъ, мордвы и татаръ с. Кара-тёбе (близъ города Хами въ средней Азіи).

Zbiór Wiadomosci do Antrop. т. 13 стр. 120; Obchody weselne prz. Prusskiego Krak. 1869 I стр. 70; Wisła т. 7 в. 2 стр. 362; O. Kolberg Pokucie I стр. 224, 249 и 285; Ів. Ghełmskie I стр. 219 и 293; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. 5 с. 421; Живая Старина 1892 в. 2 стр. 98; Чубинск. Т. 4 стр. 614 и 644; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. I и 19.

[10]) — Тоже самое пишутъ о сватовствѣ у помаковъ.

Сборникъ за народн· умотворен. кн. 7. стр. 46 и 55.

[11]) — Тотъ же самый обычай существуетъ у болгаръ подъ именемъ «вѣна», а у Оренбургскихъ ногайцевъ подъ названіемъ «тарту».

Сборн. матер. при Дашковск. музеѣ в. I стр. 7; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. I стр. 33.

[12]) — Въ этотъ обычай входятъ 5 главныхъ элементовъ: 1) Не ходятъ приглашать на свадьбу пѣшкомъ, несмотря на близость разстояній, а ѣздятъ на лошади, 2) приглашающіе принадлежатъ къ свадебной дружинѣ, 3) они имѣютъ особые знаки отличія, 4) приглашаемыхъ угощаютъ виномъ и 5) приглашеніе происходитъ въ извѣстномъ, выработанномъ обычаемъ, порядкѣ. Всѣмъ этимъ элементамъ, по сходству съ гагаузскимъ обычаемъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ обычай, принятый у болгаръ. У другихъ же народовъ сходство съ гагаузами замѣчается то въ одной, то въ нѣсколькихъ чертахъ. Мы возьмемъ изъ нихъ тѣхъ, у которыхъ сходство это выступаетъ рельефнѣе.

У турецкихъ сербовъ приглашеніе на свадьбу также сопровождается угощеніемъ приглашаемыхъ виномъ. У кабардинцевъ (на Кавказѣ) наканунѣ поѣздки за невѣстой мужчины ѣздятъ по аулу, приглашая на пиръ. У чувашъ второй шаферъ садится верхомъ на лошадь... черезъ

шею вѣшаетъ полотенце или платокъ и ѣдетъ по роднымъ молодого созывать ихъ на свадьбу... ему подносятъ пива. У галицкихъ русиновъ существуютъ въ разныхъ мѣстностяхъ различные способы созывать гостей: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ приглашать братья невѣсты, имѣя красные пояса, перевязанные крестъ-на-крестъ отъ плечей черезъ грудь и сзади связанные узломъ. Въ другихъ мѣстахъ ѣздятъ приглашать верхами молодой съ своимъ товарищемъ. Они никогда не входятъ въ хату, а крикомъ вызываютъ къ себѣ хозяевъ. Вмѣсто угощенія виномъ послѣ произнесенія пригласительной формулы они цѣлуются съ каждымъ изъ приглашенныхъ. У гуцуловъ (русскихъ горцевъ въ Галиціи) дружки также ѣздятъ приглашать свадебныхъ гостей непремѣнно верхомъ. У поляковъ Великой Польши (т. е. въ княжествѣ Познанскомъ) и въ краковскомъ округѣ для приглашенія на свадьбу ѣздитъ «дружба» верхомъ. У этого народа приглашеніе на свадьбу составляетъ даже особую часть свадьбы, называемую «запросинами». У великороссовъ-сибиряковъ одинъ изъ членовъ семейства, а у великороссовъ Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи особый свадебный чинъ «зазывальщикъ» также ѣздитъ съ приглашеніями на свадьбу.

O. Kolberg Pokucie 1 стр. 246, 296 и 313; Obchody weselne. Prz. Prusskiego Krak. 1869 1 стр. 107—108 и 113; Сборн. за народ. умотв. кн. 8 стр. 52; Живая Старина 1893 1 стр. 111; Этнограф. Обозр. 1892 № 4 стр. 148; ib. т. 7 стр. 8; З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 17 в. 2 стр. 104–105; Ястр. Турецк. серб. стр. 383.

[13]) У турецкихъ сербовъ на свадьбѣ «кишмишъ», т. е. изюмъ, играетъ также обрядовую роль. У нихъ же шаферъ ходитъ на сговоръ съ конфектами и разными сухими фруктами. У Оренбургскихъ татаръ старшій братъ жениха отвозитъ невѣстѣ отъ жениха сундукъ, въ которомъ вмѣстѣ съ туалетными принадлежностями помѣщается «кишмишъ», конфекты, орѣхи и другія сласти. У великороссовъ женихъ ходитъ къ невѣстѣ каждый вечеръ и приноситъ съ собою орѣховъ, пряниковъ и конфектъ. У бѣлоруссовъ Витебской губ. женихъ привозитъ невѣстѣ на «пирапой» узелъ разныхъ сластей и подноситъ каждой изъ «боярокъ» по прянику или по конфеткѣ. Если изюмъ разсматривать съ точки зрѣнія его сладости, то гагаузскій «йемиш» есть только одинъ изъ варіантовъ широко распространеннаго обычая, извѣстнаго чуть ли не всѣмъ народамъ міра, сопровождать свадебный обрядъ угощеніемъ сластями всякаго рода, начиная съ меда и сушеныхъ фруктовъ, какъ самыхъ древнихъ изъ извѣстныхъ человѣчеству сластей, и кончая новымъ изобрѣтеніемъ техники—сахаромъ. Вопроса объ этомъ обычаѣ мы коснемся нѣсколько подробнѣе въ примѣчаніи № 50.

Ястребовъ, Турецк. серб. стр. 332 и 368; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. 1 стр. 39; З. И. Р. Г. О. 1863 кн. 1 стр. 45; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. 6—7.

[14]) Есть много мѣстностей, гдѣ сватовство также начинается въ четвергъ или преимущественно въ четвергъ. Обычай этотъ связанъ съ вѣрою въ счастливые и несчастные дни. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что у большинства европейскихъ народовъ несчастными днями

считаются понедѣльникъ, среда и пятница, а счастливыми: суббота, воскресенье, вторникъ и четвергъ. Въ воскресенье почему-то сватовство начинается рѣдко, но зато «вторники, четверги и субботы, говоритъ г. Прусскій, приняты въ цѣломъ народѣ», подразумѣвая подъ словомъ народъ населеніе всѣхъ бывшихъ владѣній Польши. Такимъ образомъ, въ четверги происходитъ сватовство у поляковъ въ Краковскомъ округѣ, на Куявахъ въ окрестностяхъ Радзейова, Крушвицы, Осенцинъ и Любраньца, въ Познани, у курпей въ Остроленскомъ уѣздѣ, въ Опочинскомъ уѣздѣ, у мазуровъ въ Ломжинской губ., въ Тыкоцинскомъ уѣздѣ и у мазуровъ Плоцкихъ. У малороссовъ въ четвергъ сватовство начинается въ Галиціи, въ такъ называемомъ Подляшьѣ и въ Гродненской губ. Въ четверги же начинается оно и у турецкихъ сербовъ. У бѣлоруссовъ Минской губерніи—въ субботы, въ четверги, во вторники и даже въ воскресенье, въ четверги—въ Минской губерніи и въ Могилевской. Наконецъ въ четверги и въ среды сватовство начинается у ногайцевъ.

O. Kolberg Pokucie 1 стр. 224 и 249; Obchody weselne. Prz. Prusskiego 1869 1 стр. 69; O. Kolberg Mazowsze т. 4 стр. 151; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. 1 стр. 35; Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 234 и 294; Ястр. Турец. серб. стр. 372.

[15]) У бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда Минской губ. такъ же, какъ у гагаузовъ, за день или за два до свадьбы невѣста приглашаетъ къ себѣ молодыхъ дѣвушекъ, «дружекъ», которыя моютъ избу и всю домашнюю утварь.

Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 207.

[16]) Обычай, называемый у гагаузовъ «хамуръ», совершенно тождественъ съ таковымъ же обычаемъ, существующимъ у болгаръ. Есть онъ также и у турецкихъ сербовъ. У этихъ двухъ народовъ обычай сходится съ гагаузскимъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, но если взять самую идею обряда, т. е. что на свадьбѣ обязательно печется хлѣбъ, имѣющій обрядовое значеніе, что печеніе его сопровождается извѣстными церемоніями и особыми выбранными для этого лицами, что онъ дѣлится потомъ между всѣми участниками свадьбы, то въ такомъ видѣ обрядъ этотъ имѣетъ, если не на всемъ земномъ шарѣ, то въ старомъ свѣтѣ, очень широкое распространеніе. Особенно многочисленными церемоніями обставленъ этотъ обрядъ у малороссовъ и бѣлоруссовъ. Здѣсь иногда часть всей свадебной церемоніи носитъ названіе «коровай», для печенія его выбирается множество дѣйствующихъ лицъ, такъ называемыхъ «коровайницъ», замѣшиваніе тѣста и печеніе сопровождается цѣлымъ рядомъ спеціально коровайныхъ пѣсенъ и т. д. Въ отношеніи этого обряда у бѣлоруссовъ и малороссовъ трудно назвать мѣстность, въ которой бы его не знали и не совершали. Такъ, напримѣръ, въ описаніи малороссійской свадьбы не удалось встрѣтить ни разу свидѣтельства, чтобы «коровая» гдѣ-нибудь не пекли, а въ Бѣлоруссіи указываютъ только одну Королевскую волость Витебскаго уѣзда, въ которой «коровая» вовсе не дѣлаютъ. Разница въ деталяхъ обряда по мѣстностямъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ пекутъ коровай передъ вѣнцомъ, а въ другомъ во время самаго вѣнчанія, въ воскресенье утромъ. Точно также

и дѣленіе «коровая» происходитъ то раньше, то позже. По большей части это—хлѣбъ пшеничный большой и круглый.

У поляковъ почти повсюду принятъ или еще недавно былъ принятъ свадебный обрядовой хлѣбъ. Хотя печеніе и раздѣленіе его между присутствующими не соединено почти ни съ какими обрядами, но онъ здѣсь называется въ разныхъ мѣстностяхъ различно, а именно въ губерніяхъ Люблинской и Ломжинской близко къ малороссійскому «короваль», а въ Мазовшѣ, въ Познани, въ Калишской и Радомской губерніяхъ и въ Краковскомъ—«колачъ». У великороссовъ печеніе коровая и обряды, съ нимъ соединенные, также почти вывелись изъ употребленія. Но однако мы имѣемъ свидѣтельства, что еще недавно свадебный «коровай» приготовлялся въ с. Усть-Цыльма, Мезенскаго уѣзда, Архангельской губ. Принятъ онъ также въ Вологодской губ., гдѣ наканунѣ свадьбы пекутъ свадебный «коровай» изъ ржаной муки (въ Кадниковскомъ уѣздѣ) или изъ пшеничной муки (въ Вологодскомъ уѣздѣ), украшенный цвѣткомъ. Въ Мещовскомъ уѣздѣ Тульской губ. пекутъ «курникъ», круглый пирогъ, разукрашенный разными узорами. Есть также коровай и у Терскихъ казаковъ, какъ малороссовъ, такъ и великороссовъ. Изъ числа прочихъ народовъ свадебный хлѣбъ былъ принятъ у древнихъ римлянъ. У новогрековъ въ Эпирѣ коровай подъ названіемъ ϰουλοῦρα дѣлается съ отверстіемъ въ серединѣ, въ которое молодые вставляютъ руки и разламываютъ хлѣбъ пополамъ. У армянъ пекутъ свадебный хлѣбъ молодыя **дѣвушки** при участіи «кавора», при чемъ обрядъ просѣиванія муки совершаютъ **семь дѣвушекъ**. У литовцевъ пекутъ коровай такой же, какъ у бѣлоруссовъ, подъ названіемъ «карволюсъ». У казанскихъ татаръ гостямъ на свадьбѣ подаютъ на трехъ подносахъ громадной величины пирожное «коктыш». Ему придаютъ овальную полукруглую форму и украшаютъ сверху узорами и цвѣтами. Одинъ «коктыш» приготовляютъ съ медомъ (у бѣдныхъ этимъ однимъ и ограничиваются), другой—изъ миндаля, третій изъ орѣховъ. Это пирожное заранѣе разрѣзывается и подается всѣмъ, начиная со старшихъ. У мордвы Арзамасскаго уѣзда въ домѣ жениха наканунѣ свадьбы готовятъ «лувонькше», т. е. прѣсный свадебный пирогъ съ десятью разными начинками: съ лукомъ, кашей и т. под. Автору настоящей статьи удалось, кромѣ того, записать отъ черемисъ язычниковъ Бирскаго уѣзда, Кіесбаковской волости, дер. Сазъ, что у нихъ на свадьбѣ берется непочатая коврижка хлѣба, которая послѣ прочтенія надъ ней молитвы разламывается и раздается всѣмъ присутствующимъ, которые ѣдятъ ее съ масломъ.

O. Kolberg, Pokucie 1 стр. 226: ib. Chełmskie 1 стр. 194 и 202; ib Mazowsze т. 4 стр. 159; ib. Ser. 20 Radomskie ч. 1 стр. 177; ib. Ser. 29 Kaliskie 1 стр. 128; Zbiór Wiadom. do Antr. т. 1 стр. 81; ib. т. 3 стр. 84; ib. т. 7 стр. 121 и 245; ib. т. 8 стр. 273; ib. 10 стр. 228; ib. т. 11 стр. 135; ib. т. 13 стр. 158; Obchody weselne prz. Prusskiego Krak. 1869 1 стр. 137; Wisła т. 8 в. 3 стр. 425; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 11 в. 6 стр. 573; Чубинск. т. 4 стр. 214 и 377; Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 3, 73, 75, 169, 202, 214, 225, 240 и 256; Сборн. за народ. умотв. кн. 8 стр. 65 и кн. 7 стр. 56; Ястр. Турецк. серб. стр. 310 и 425; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 9 в. 1 стр. 73 и статья М. А. Пинегина: Свадебн. обыч. Казанск.

татаръ; Максимовъ, Годъ на сѣверѣ. Спб. 1859 ч. 2 стр. 48. Народы Россіи. Этн. очер. Изд. Ред. журн. Природа и Люди 1878 стр. 23; Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк. 1893 в. 15 стр. 33 и 156; Revue des traditions pop. г. 5 т. 5 стр. 323; Melusine 1888—1889 стр. 125; Этногр. Обозрѣн. 1889 кн. 1 стр. 86.

[17]) У древнихъ грековъ на свадьбѣ также игралъ важную роль мальчикъ, у котораго родители живы. У новогрековъ Южной Македоніи на свадьбѣ хлѣбъ мѣсятъ мальчикъ, опоясанный мечемъ, и дѣвочка, которая должна бросить въ «дѣжу» (квашню) кольцо и золотыя монеты. У малороссовъ Украинскихъ и Галицiйскихъ выбирается дѣвочка изъ рода жениха, которая, хотя не участвуетъ въ печеніи «коровая», какъ у гагаузовъ, но называется «світылка», потому что она носитъ съ собою свадебныя свѣчи и въ извѣстные моменты свадьбы зажигаетъ и свѣтитъ. Въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «світылка» идетъ въ свадебной процессіи, когда поѣздъ направляется въ церковь, и слѣдуетъ при этомъ тотчасъ же за «дружкою», которому принадлежитъ на свадьбѣ первая роль и первое мѣсто. Въ другихъ мѣстахъ въ процессіи участвуютъ двѣ «світылки», большею частью очень молоденькія дѣвушки, изъ которыхъ одна несетъ брачныя свѣчи, а другая — мечъ (предковскій), большею частью, деревянный. У малороссовъ Харьковской губерніи приготовленію такого меча посвящается въ особенности много заботъ. Для этого срѣзаютъ съ чернаго хлѣба верхнюю корку, прорѣзаютъ посрединѣ ея дырку и всаживаютъ туда саблю до половины. Поверхъ хлѣба къ саблѣ привязываютъ васильки, гвоздику, чернобыльцы, чебрецъ и др. травы. Втыкаютъ туда восковыя свѣчи, покрученныя и сдѣланныя лѣстницами, а штуки три изъ нихъ горятъ. Подъ хлѣбомъ саблю обвязываютъ «рушникомъ» или платкомъ. Когда идутъ къ сватамъ или въ церковь, то «світылка» беретъ мечъ съ собою. На вѣнчаньи она держитъ его при себѣ и ходитъ сзади молодыхъ.

O. Kolberg, Pokucie 1 стр. 240, 249, 258, 260, 264, 308; Чубинск. т. 4 стр. 213, 262, 313, 399 и 692.

[18]) У турецкихъ сербовъ человѣкъ, исполняющій роль шафера, также называется «девер».

Ястр., Турец. серб. стр. 348.

[19]) Соотвѣтственно гагаузскому «хоро», устраиваемому при исполненіи обряда «хамур», у малороссовъ и бѣлоруссовъ при печеніи коровая также устраиваются танцы.

Чубинск., т. 4, стр. 239 и 243; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890, стр. 322.

[20]) У Галицкихъ малороссовъ, такъ же какъ и у гагаузовъ, есть обычай мѣняться хлѣбами на свадьбѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у жениха пекутъ два коровая, изъ которыхъ одинъ предназначается для невѣсты и относится къ ней въ торжественной процессіи съ музыкой. Кромѣ того, въ иныхъ мѣстностяхъ женихъ и невѣста мѣняются «колачами». Мѣна эта происходитъ тотчасъ по окончаніи церковнаго обряда. Оба молодые имѣютъ за пазухой по малому «колачику», а когда выйдутъ изъ церкви, то вынимаютъ ихъ и ломаютъ пополамъ. Одну половину женихъ оставляетъ себѣ, а другую отдаетъ невѣстѣ, и она, въ свою очередь,

дѣлаетъ то же самое. Иногда же, отдавъ невѣстѣ одну половину своего хлѣба, женихъ угощаетъ другою половиной ея родъ, а невѣста тоже самое дѣлаетъ по отношенію рода жениха. У поляковъ Луковскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи невѣста вручаетъ жениху хлѣбъ. У малороссовъ Украйны мѣна хлѣбовъ происходитъ въ однихъ мѣстахъ между женихомъ и тещей, а въ другихъ между молодою и ея свекровью. Наконецъ, въ Смоленской губерніи, соотвѣтственно гагаузскому обычаю смѣшивать тѣсто отъ корована жениха съ тѣстомъ невѣсты, происходитъ смѣшеніе жениховской и невѣстиной водки.

Kolberg, Pokucie 1 стр. 227, 238, 257 и 259; Bibliot. Wisly т. 4 стр 127; Чубинск. т. 4 стр. 332 и 630; Шейнъ, Бѣлорусск. матер. 1890 стр. 474.

[21]) У татаръ с. Торсунъ близъ гор. Турфана (въ средней Азіи), пока происходитъ свадьба, женихъ и невѣста должны сидѣть дома.

Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 12. в. 5 стр. 411.

[22]) Въ такомъ же видѣ и подъ тѣмъ же названіемъ «байракъ» употребляется на свадьбахъ болгаръ и турецкихъ сербовъ. У черногорцевъ онъ называется «баряк».

Въ Угорской Руси свадебное знамя называется «кураговъ» (т. е. хоругвь); оно состоитъ изъ двухъ, сложенныхъ другъ къ другу, платковъ краснаго и бѣлаго или синяго и бѣлаго, прикрѣпленныхъ къ древку, на концѣ котораго привязанъ пучекъ хмѣля или барвинокъ съ развѣвающейся лентой. А на самой вершинѣ хоругви непремѣнно должно быть надѣто красное яблоко. Кромѣ того, на знамя это привѣшиваются бубенчики. Ближе всего къ этому знамени стоитъ свадебное знамя малороссовъ Холмской Руси. У малороссовъ Люблинской губерніи оно носитъ названіе «маршалки» или «маршилки», а тотъ, на чьей обязанности лежитъ носить ее въ свадебной процессіи, называется «хорунжимъ» отъ слова «хоругвь». «Маршалка» имѣетъ видъ трости. У Сѣдлецкихъ малороссовъ свадебное знамя такая же трость съ тремя вѣтками, украшенная зеленымъ барвинкомъ, лентами и перьями. Кромѣ того, къ ней, такъ же какъ у Угро-руссовъ, привязаны колокольчики. Обязанность «маршалка», несущаго въ рукахъ такую трость или булаву въ свадебной процессіи, подпрыгивать на бѣгу передъ процессіей и въ тактъ музыки потрясать своей тростью со звонками. Что касается остальныхъ малороссовъ, поляковъ, галицкихъ русиновъ и бѣлоруссовъ, то у всѣхъ у нихъ свадебное знамя имѣетъ видъ деревца. У галицкихъ русиновъ оно даже и называется «деревце». Для него употребляютъ преимущественно вѣтвь хвойнаго дерева, но иногда дѣлаютъ изъ вишневаго. Такая вѣтка, достигающая высотою до одного локтя, втыкается обыкновенно въ свадебный хлѣбъ, служащій ей пьедестaментомъ. Она собственно имѣетъ видъ небольшого кустика, вѣтки котораго украшаются разными травами, какъ-то: мятой, васильками, барвинкомъ, гвоздикой, кромѣ того, ягодами калины, колосьями, бумажками и перьями или же, такъ называемыми «китыцями», т. е. букетами изъ птичьихъ перьевъ. У Гуцуловъ такіе «деревца», кромѣ того, украшаются яблоками. У поляковъ свадебное знамя имѣетъ такой же видъ большой вѣтки или куста, но называется различ-

но въ разныхъ мѣстностяхъ Польши. Такъ, напримѣръ, около Кракова, въ Сандомирскомъ уѣздѣ и на Куявахъ она называется «розгой весельной», а у плоцкихъ мазуровъ—«вѣнцомъ». Въ Сандомирскомъ уѣздѣ она состоитъ изъ главнаго пенька, къ которому привязываются красными ленточками 7 вѣтокъ. «Розга» эта долженствуетъ собою изображать яблоню; на каждую изъ ея семи вѣтокъ затыкаютъ по яблоку. Въ деревнѣ Ягодна, Луковскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. прежде употреблялась съ той же цѣлью вѣтка можжевельника, на которую вѣшались подарки для молодыхъ, рутяные вѣнки и проч. У польской шляхты около Кракова «розгу» украшаютъ лентами, фруктами, булками и кто чѣмъ можетъ. У Плоцкихъ мазуровъ «вѣнецъ» дѣлаютъ изъ куста можжевельника, локтя $1^1/_2$—2 высоты, и украшаютъ бумажными звѣздочками и лентами, свѣшивающимися до земли. У малороссовъ на Украйнѣ свадебное знамя называется «вильцемъ» или «гильцемъ». Здѣсь оно уже совершенно не играетъ самостоятельной роли, а служитъ только для украшенія коровая или свадебнаго хлѣба. Такъ же, какъ у поляковъ, это небольшое деревцо, или, правильнѣе, большая вѣтвь, зимой всегда сосновая, а лѣтомъ изъ яблони, груши, вишни, черемухи. У жениха она бываетъ преимущественно сосновая. Вѣтвь эту втыкаютъ въ хлѣбъ и каждую вѣточку «пагонъ» украшаютъ небольшими букетиками изъ калины, овса, барвинку, чернобривцевъ, георгинъ и другихъ цвѣтовъ, перевязываютъ ихъ цвѣтными нитками, шелкомъ или даже лентами. Къ вѣточкамъ же прикрѣпляютъ небольшія восковыя свѣчи, которыя зажигаются. Иногда стволъ «гильца» обвертываютъ красною или бѣлою бумагою. Въ Подольской губ. для украшенія «гильца», такъ же какъ и у галичанъ, употребляются иногда пучки перьевъ, а у Пинскихъ Полѣшуковъ на вѣточкахъ его налѣпляютъ подобіе яблокъ изъ тѣста. Такимъ образомъ свадебное знамя у малороссовъ какъ бы вовсе теряетъ значеніе знамени, придаваемое ему у гагаузовъ и Угро-руссовъ. Но мѣстами въ Малороссіи во главѣ дружины ѣдутъ верхомъ или на возу молодой съ дружбою, который держитъ въ рукахъ «весильну корогву», небольшую хоругвь, сдѣланную изъ платка, привязаннаго къ палкѣ, отъ которой дружка получаетъ названіе «хорунжого». А кромѣ того, въ одной изъ малороссійскихъ пѣсенъ устанавливается связь между «хоругвью» и свадебнымъ деревцомъ. Въ ней поется: «Туда идуть дружечки пишнні, несуть вони корогву якъ огонь, а на той корогві листоньки—то жъ нашої Марусеньки мислоньки». У бѣлоруссовъ «гильце» дѣлаютъ въ родѣ малороссійскаго, но не вездѣ. Въ Гомельскомъ и Рогачевскомъ уѣздахъ оно называется «елкой». Такъ же, какъ у малороссовъ, его втыкаютъ въ коровай, и украшаютъ бумажными цвѣтами, крестиками изъ соломы и свѣчами. Въ Гродненской губерніи такую елку уже называютъ «вѣткой», дѣлаютъ изъ куста можжевельника и украшаютъ цвѣтами и овсяными колосьями. Наконецъ, въ томъ же уѣздѣ въ коровай втыкаютъ вилы величиною въ аршинъ формы трехъ зубьевъ, сходящихся къ одной точкѣ, но покрываютъ ихъ бѣлою простынею и привязываютъ руту къ крайнимъ рожкамъ вилы. Наконецъ въ томъ же Гродненскомъ уѣздѣ «вѣтку» дѣлаютъ еще иначе, а

именно, въ коровай втыкаютъ три палочки, на которыхъ развѣшивается бѣлый платочекъ. Платочекъ образуетъ три пучка, украшаемые цвѣтами. У великороссовъ Калужской губ. Малоярославскаго уѣзда наканунѣ свадьбы, на дѣвишникѣ, въ домѣ невѣсты ставятъ «елку», обвѣшанную лентами, шелкомъ, свѣчами. Сюда же нужно добавить, что у мордвы Арзамасскаго уѣзда на свадебный пирогъ ставятъ «наряженную сосенку», съ которой сваха ѣдетъ въ церковь.

Obchody weselne prz. Prusskiego. Krak. 1869, 1, стр. 175—176; O. Kolberg Pokucie 1 стр. 229, 252, 278, 291 и 312; Ib. Mazowsze т. 4 стр. 196; Wisła т. 7 в. 2 стр. 365; Bibliot. Wisły т. 4 стр. 116; Де-Воланъ. Угро-Русскія народныя пѣсни. Спб. 1885 стр. 25; Живая Стар. 1891 в. 3 стр. 144; Ib. 1895 в. 2 стр. 223; Чубин. т. 4 стр. 99, 118, 213, 248, 262 и 586; Шейнъ, Бѣлорусск. матер. 1890 стр. 298, 334, 361, 364 и 368, Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 11 в. 6 стр. 573; Сборн. за народн. умотв. кн. 5 стр. 39; Ястреб. Турецк. серб. стр. 383 и 394; Медаковичъ стр. 41. З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 1 стр. 696; Zbiór Wiadomosci do Antr. т. 13 стр. 120; Kłosy 1873 № 430 стр. 205; Шейнъ. Рус. народ. пѣс. Москва 1870 стр. 457.

[23]) Тотъ же обычай выставлять свадебное знамя на крышѣ того дома, гдѣ происходитъ свадьба, есть и у сербовъ. У турецкихъ сербовъ знамя это тогда же выставляется на крыльцѣ дома. У Галицкихъ русинъ есть также обычай затыкать «деревце», соотвѣтствующее гагаузскому «байраку», въ соломенную стрѣху крыши.

O. Kolberg Pokucie 1 стр. 239; Караджичъ Ковчежичъ за историjу... стр. 47; Ястр. Турецк. серб. стр. 424.

[24]) У галицкихъ русиновъ, такъ же какъ у гагаузовъ, вьютъ вѣнки, но вмѣсто «феслина» изъ «барвинка». Для молодого вьютъ вѣнокъ меньшій, который онъ носитъ на шапкѣ, другой такой же для «дружка» (шафера), и третій, нѣсколько большій—для дѣвочки «світылки». Иногда къ вѣнку привязываютъ со всѣхъ четырехъ сторонъ по кусочку чесноку. Такой же вѣнокъ изъ барвинку вьютъ и у угро-руссовъ. У поляковъ обычаи съ вѣнками въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаковы. У Краковскихъ вѣнцы не дѣлаютъ сами, а покупаютъ готовыми. Невѣста беретъ ихъ штукъ 24—30 и раздаетъ въ каждомъ домѣ, куда ходитъ съ приглашеніемъ. Въ Луковскомъ уѣздѣ вьютъ вѣнокъ для обоихъ молодыхъ изъ руты, занимается этимъ старшая дружка. У Плоцкихъ мазуровъ вѣнокъ дѣлаютъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ или изъ лентъ. Или же вовсе не дѣлаютъ вѣнковъ, а молодой надѣваютъ на голову маленькую четыреугольную бумажную корону. У малороссовъ Каменецъ-Подольскаго уѣзда, такъ же какъ и у галичанъ, вьютъ вѣнокъ изъ барвинку. У малороссовъ Сѣдлецкой губ. вьютъ вѣнки изъ калины, одинъ на шапку жениху, а другой на голову невѣстѣ. Священникъ въ церкви мѣняетъ ихъ: съ жениха надѣваетъ на невѣсту и наоборотъ. Во Влодавскомъ уѣздѣ вѣнокъ дѣлаютъ изъ руты. У остальныхъ же малороссовъ обычай этотъ принадлежитъ въ настоящее время къ числу довольно рѣдкихъ, такъ какъ въ этнографической литературѣ мы встрѣчаемъ о немъ очень частое упоминаніе въ свадебныхъ пѣсняхъ, а въ описаніи свадебныхъ обычаевъ о витьѣ вѣнка упоминается очень рѣдко. У бѣлоруссовъ Гродненскаго уѣзда вѣнокъ дѣлаютъ рутяной. Въ Слуцкомъ—изъ раз-

ныхъ цвѣтовъ, а за неимѣніемъ ихъ, изъ ленточекъ, перьевъ и стекляруса. У бѣлоруссовъ Витебскаго уѣзда въ старину дѣлали вѣнокъ изъ краснаго кумачу и обшивали его галуномъ.

У остальныхъ славянъ витье вѣнковъ на свадьбахъ, повидимому, вышло изъ употребленія, такъ какъ не встрѣчается въ описаніи обрядовъ, но упоминаніе о вѣнкахъ въ пѣсняхъ указываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исчезнувшимъ обычаемъ.

У галиційскихъ армянъ вѣнокъ долженъ быть непремѣнно бриллiантовый (хотя бы и взятый на прокатъ); плетутъ его, привязывая перстни къ миртовой вѣткѣ.

O. Kolberg Pokucie 1 стр. 228, 231, 255, 264, 287 и 355; Ib. Chełmskie 1 ст. стр. 194, 200 и 220; Ib. Mazowsze т. 4 стр. 155 и 199; Bibliot. Wisły т. 4 стр. 117; Obchody weselne prz. Prusskiego Krak. 1869 1 стр. 108; Живая Стар. 1891 в. 3 стр. 145; Ib. 1895 в. 2 стр. 222 - 223; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 2, 200 и 269; З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 1 стр. 696; Метлинскій стр. 137; Erben стр. 315 № 61; Верковичъ стр. 311 № 287 Караджичъ стр. 8 № 11.

[25]) У турецкихъ сербовъ «кумъ»—тоже первая личность на свадьбѣ. Ястреб. Турецк. серб. стр. 338.

[26]) У галицкихъ руссиновъ гагаузской «канискѣ» вполнѣ соотвѣтствуетъ «колачъ» съ кускомъ мяса, на немъ положеннымъ, которымъ родители благословляютъ молодыхъ.

O. Kolberg Pokucie 1 стр. 255.

[26а]) Крайне любопытно, что даже такая мелкая, ничтожная подробность въ гагаузскомъ свадебномъ обрядѣ, какъ визитъ поѣзжанъ къ «саадычу» съ цѣлью пожелать ему «добраго вечера», имѣетъ свои варіанты у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстностяхъ Польши скрипачъ исполняетъ у невѣсты мелодію, которая называется «na dobranoc». Слова къ этой мелодіи начинаются такъ:

Dobra nocka dobra
Dziewczyno nadobna...

У малороссовъ, кромѣ того, существуютъ свадебныя пѣсни, изъ словъ которыхъ можно заключить, что онѣ исполнялись не только самой невѣстѣ, но и ея матери. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Добра н[illegible]
Да [illegible]ночъ, матенька, добра ночъ,
[illegible]же той добра ночъ, що на ночъ,
[illegible]да той добра ночъ—на ввесь вікъ.

Въ други[illegible] мы находи[illegible]ъ варіантахъ того же обычая у поляковъ и у малороссовъ ночь», а [illegible], что скрипачъ ходитъ къ невѣстѣ играть не на «добру мѣст. С[illegible] «dzień dobry» или «на добры день». У русскихъ евреевъ мѣстн[illegible]лавуты къ жениху въ домъ вечеромъ въ день вѣнца является зыва[illegible]ый еврейскій оркестръ и исполняетъ особую мелодію, которая называ[illegible] еврейскаго названія не им[illegible]ется евреями по-малороссійски «дубра ночь» и еврейскаго названія не [illegible]етъ. Мелодія эта очень печальная, а потому еврейки при исполненіи [illegible] плачутъ.

Чубинск. т. 4 стр. 248, 250, 262, 400, 401, 605 и 608; Bibliot. Wisly. Warszawa 1883 т. I стр. 96; Obchody Weselne prz. Prusskieqo. Krak. 1869, стр. 175.

[27]) Стрѣльба изъ револьвера въ различные торжественные моменты свадьбы принята у болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, абхазцевъ, Оренбургскихъ ногайцевъ и кое-гдѣ у поляковъ.

Жив. и обич. црногорца. Медаковичъ стр. 38 и 41; Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. кн. 16 стр. 25; O. Kolberg. Ser. 6 стр. 16.

[28]) Обычай кричать на свадьбѣ «и ху, ху» принятъ также у болгаръ. Нѣкоторый намекъ на такой обычай есть и у бѣлоруссовъ Гродненской губ.; тамъ на возвратномъ пути изъ церкви послѣ вѣнчанія свадебная дружина поетъ пѣсни, сопровождаемыя криками «гу, гу, гу».

Сборн. за народ. умотв. к. 5 стр. 109; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. 370.

[29]) Обрядовое употребленіе подушки на свадьбѣ отнюдь не составляетъ исключительной особенности гагаузовъ; оно принадлежитъ къ числу довольно широко распространенныхъ обычаевъ. У галицкихъ руссиновъ, когда молодую «завивають», т. е. одѣваютъ на нее уборъ замужней женщины, молодой садится на стулъ, ему на колѣна кладутъ подушку, а на подушку садится молодая. У Люблинскихъ малороссовъ, когда невѣстѣ расплетаютъ косу, она садится на стулъ, на которомъ положена подушка. У малороссовъ Дубенскаго и Новоградволынскаго уѣздовъ въ томъ же случаѣ подушку кладутъ на лавку. У бѣлоруссовъ Минскаго уѣзда невѣсту сажаютъ на «дзѣжу», эту послѣднюю покрываютъ тулупомъ, сверхъ котораго кладутъ подушку. Тамъ же, когда невѣсту садять на посадъ, то на лавку кладутъ подушку. Въ Слуцкомъ уѣздѣ невѣсту для одѣванія ея къ вѣнцу сажаютъ на «дзежу», на которую кладутъ подушку. У великороссовъ Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи обоихъ молодыхъ сажаютъ на подушку, а въ Псковской губерніи невѣста сидитъ въ своемъ домѣ на лавкѣ, на которую положена подушка; къ ней является женихъ, за которымъ его братъ несетъ подушку. Послѣ нѣкоторыхъ церемоній подушки жениха и невѣсты кладутъ рядомъ и они садятся каждый на свою подушку. Въ Тульской губерніи жениха и невѣсту садятъ на перину. У мордвы Арзамасскаго уѣзда, когда невѣста пріѣзжаетъ домой, послѣ того, какъ ее возятъ по селу, братья снимаютъ ее съ саней, сажаютъ на подушку и за углы подушки вносятъ ее въ избу. У татаръ Тетюшскаго уѣзда, подушку кладутъ на землю, а невѣста на нее ступаетъ ногой. Въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи у чувашей и у корелъ, подушка замѣняется полушубкомъ, положеннымъ шерстью вверхъ, что сходится съ обычаемъ древнихъ римлянъ сажать молодыхъ на стулья, покрытые шкурой.

O. Kolberg Pokucie 1 стр. 270; Ib. Chełmskie 1 стр. 205; Zbiór Wiadom. do Antr. т. 6 стр. 49; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. 18, 190 и 200; Шейнъ Русск. народ. пѣсн. стр. 427, 428, 476, 536 и 537; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 9, 1 стр. 11; Ib. т. 11 в. 6 стр. 573; Народы Россіи. Изд. редак. журн. „Природа и Люди“ Спб. 1878 стр. 23; Живая Стар. 1894 в. 3 и 4; Чубинск. т. 4 стр. 603 и 636.

[30]) — Обрядъ съ волосами невѣсты на свадьбѣ распространенъ чрезвычайно широко; онъ существуетъ у Галицкихъ русиновъ, у малороссовъ,

у бѣлоруссовъ, у великороссовъ, у поляковъ, у болгаръ, у сербовъ, у литовцевъ, у мордвы, у черемисъ, у вотяковъ, у кабардинцевъ, у русскихъ евреевъ и даже у бурятъ. Несомнѣнно, что онъ есть еще и у многихъ другихъ народовъ, которыхъ мы не перечислили. Но достаточно и приведенныхъ нами народныхъ именъ, чтобы признать взятый нами обычай международнымъ. Значеніе его г. Сумцевъ, по нашему мнѣнію, весьма удачно объясняетъ остаткомъ жертвоприношенія изъ волосъ. Если мы присмотримся къ деталямъ этого обряда, то онѣ у разныхъ народовъ весьма разнообразны. Въ одномъ мѣстѣ косы расплетаются, въ другомъ заплетаются, въ третьемъ ихъ сначала расплетаютъ, а потомъ заплетаютъ или наоборотъ, сначала заплетаютъ, а потомъ расплетаютъ. Въ четвертомъ подрѣзаютъ косу или подпаливаютъ, въ пятомъ совсѣмъ отрубаютъ или отрѣзаютъ. Но если мы возьмемъ обычаи наиболѣе близкіе къ гагаузскимъ, гдѣ сохраняется общая деталь, заплетаніе волосъ въ нѣсколько косичекъ, то и здѣсь получаемъ довольно большое разнообразіе. Такъ, у великороссовъ косу расплетаютъ на двѣ, у древнихъ римлянъ расплетали на 6, у бурятъ—на 8-10 у мордвы — на 25 и, наконецъ, о турецкихъ сербахъ и болгарахъ говорятъ, что у нихъ расплетаютъ волосы на «множество» косицъ.

Obchody weselne prz. Prusskieqo Krak. 1869 1 стр. 212--226; O. Kolberg Pokuc. 1 стр. 238 и 248; Ibid. Mazowsze т. 4 стр. 152, 153 и 207; Lud. Fedorowski. стр. 96 и 106; Сборн. за народ. умотв. кн. 7 стр. 48; К. А. Шапкаревъ, Сборн. отъ народ. умотв. ч. 3 кн. 7 стр. 58; Ястр. Обыч. и пѣсн. турец. серб. Спб. 1886 стр. 309, 330, 334, 335 и 336; Сахар., Сказан. русск. нар. 11, 16; Пивчуки. Д. А. Булгаковскій. Спб. 1890 стр. 100; Чубинск. т. 4 стр. 251, 364, 375, 585, 601 606, 610, 618 и 636; Шейнъ, Рус. нар. пѣс. 493, 10 и 452, 30; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 8, 18, 100, 108, 143, 190, 200, 220 и 382; В. Майновъ. Очер. юрид. быт. морд. стр. 97; Кіевск. стар. т. 11 мартъ 1885 стр. 424; Ф. Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ, Прага 1878 стр. 307; Вотяки Сарапул. край. Верещагинъ. ст. 48; Этногр. Обозр. 1891. № 3 стр. 157 и 161; Ib. 1892 № 4 стр. 149; Живая стар. 1891 в. 3 стр. 143 и 147; Ib. 1893 в. I стр. 106 и в. 2. стр. 233; Ib. 1895 в. 2 стр. 225; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 11 в. 1 стр. 74—75.

[31]) — Такъ же, какъ у гагаузовъ, нитки мишуры заплетаютъ невѣстѣ въ косу у болгаръ-помаковъ и у турецкихъ сербовъ. У мордвы-эрзи Тетюшскаго уѣзда, какъ было сказано выше, волосы невѣсты заплетаются въ 25 косицъ. Въ каждую изъ этихъ косицъ заплетаются, вмѣсто мишуры, голубые шнурки длиною до полу. Сюда же близокъ и обычай кабардинцевъ. У нихъ волосы невѣсты заплетаются въ косу, къ которой сзади привязывается, плетеная на подобіе косы, бѣлая матерія, касающаяся земли.

У великоросовъ, хотя мишуры въ косу въ настоящее время не заплетаютъ, но въ ихъ свадебной пѣснѣ (Тульской губ). поется:

...Вечоръ мою косушку
Дѣвушки плели,
Золотомъ и серебромъ
Косу обвили.

Видоизмѣненіемъ того же обычая, намъ кажется, можно считать и закладываніе въ волосы невѣсты при свадебномъ заплетаніи или распле-

таніи ея косы серебряныхъ денегъ. Такой обычай принятъ у болгаръ, у малороссовъ Ушицкаго уѣзда Подольской губерніи и Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., у поляковъ-мазуровъ и у русскихъ евреевъ мѣст. Славуты.

Сборн. за народ. умотв. кн. 7 стр. 48; Сборн. отъ народ. умотв. ч. 3 кн. 7 К. А. Шапкаревъ, стр. 58; Ястр. Турецк. серб. стр. 334, 335 и 336; В. Майновъ. Очер. юрид. быта мордвы стр. 97; Этнограф Обозр. 1892 № 4 стр. 149; Чубинск. т. 4 стр. 251 и 674; O. Kolberg Mazowsze т. 4 стр. 152; Шейнъ, Русск. нар. пѣс. 1870 стр. 412.

[32]) — У турокъ и у турецкихъ сербовъ невѣста при прощаніи цѣлуетъ руку у всякаго въ домѣ безъ различія пола и возраста. Если считать, что въ этомъ обычаѣ цѣлованіе рукъ составляетъ только мѣстную черту, то обычай представится въ томъ видѣ, что невѣста на свадьбѣ должна всѣмъ безъ различія пола и возраста выражать внѣшніе признаки почтенія и самоуничтоженія. Но въ такомъ случаѣ взятый нами гагаузскій обычай имѣетъ множество варіантовъ у другихъ народовъ.

Дѣйствительно, у галицкихъ русиновъ невѣста, когда ходитъ по селу съ приглашеніемъ на свадьбу, то кланяется въ поясъ не только тѣмъ, кого приглашаетъ, но и всѣмъ встрѣчающимся ей на улицѣ или всѣхъ цѣлуетъ, въ награду за что получаетъ «повисма» (пряжу). У малороссовъ Влодавскаго уѣзда (Сѣдлец. губ) невѣста передъ свадьбой ходитъ по деревнѣ не съ приглашеніемъ, а за благословленіемъ, при чемъ кланяется всѣмъ, даже «дѣтямъ въ люлькѣ». Въ Красноставскомъ уѣздѣ—то же самое. У Люблинскихъ малороссовъ женихъ и невѣста, когда идутъ въ церковь на исповѣдь, то кланяются и сгибаются очень низко передъ каждымъ, кого только они встрѣтятъ или даже увидятъ издали.

Въ Грубешовскомъ уѣздѣ молодые становятся около церкви въ праздничный день, кланяются и, хватая за колѣна (знакъ привѣтствія) всѣхъ, выходящихъ изъ церкви, просятъ ихъ благословить. У малороссовъ Украинскихъ невѣста ходитъ къ священнику, а послѣ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ. При входѣ въ комнату она кланяется (иногда падаетъ къ ногамъ) всѣмъ отъ мала до велика. У бѣлоруссовъ Витебскаго уѣзда невѣстѣ приходится кланяться гдѣ ни попало, на улицѣ даже среди грязи. Поклоны свои она начинаетъ сейчасъ же послѣ засватанья. При встрѣчѣ со старшими и вообще съ почтенными лицами она должна поклониться 3 раза, равнымъ же и младшимъ по одному разу. Женихъ послѣ засватанія тоже кланяется, но только самымъ близкимъ родственникамъ, а во время самой свадьбы въ теченіе трехъ дней, — всѣмъ встрѣчнымъ, даже жиду въ корчмѣ. Въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда женихъ и невѣста вплоть до вѣнца дѣлаютъ по три земныхъ поклона всякому встрѣчному, «будь онъ даже и дитя». Въ Слуцкомъ уѣздѣ женихъ долженъ поклониться до земли всѣмъ своимъ собравшимся роднымъ безъ изъятія. Въ Городненскомъ уѣздѣ невѣста кланяется въ ноги всѣмъ гостямъ. У литовцевъ невѣста ходитъ по деревнѣ приглашать на свадьбу и низко кланяется каждому, а старшимъ цѣлуетъ руку. Если мы теперь возьмемъ весь гагаузскій обрядъ угощенія невѣстой гостей, собравшихся на свадьбу, при чемъ тѣ даютъ что-нибудь въ ея пользу, то онъ также повторяется

довольно близко къ гагаузскому. У Галиційскихъ русиновъ невѣста садится за столъ, передъ ней ставятъ рюмку на тарелку, а дружка наполняетъ ее водкой. Послѣ того гости и родственники одинъ за другимъ привѣтствуютъ молодую, подходятъ къ столу, берутъ рюмку, выпиваютъ за ея здоровье и кладутъ по нѣскольку крейцеровъ на тарелку, на что она, кланяясь, говоритъ: «дзинкую» (благодарю). У малороссовъ Украины каждый изъ родныхъ подходитъ къ невѣстѣ и даритъ ей что-либо, смотря по своему состоянію. Староста наливаетъ рюмку водки, передаетъ невѣстѣ, а она всякому дарившему лицу.

У бѣлоруссовъ гости подходятъ къ столу, кладутъ деньги въ приготовленную тарелку, невѣста кланяется, а крестный подноситъ всѣмъ по рюмкѣ водки. У великороссовъ Тульской губерніи женихъ беретъ штофъ вина, а невѣста тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ, женихъ наливаетъ вино въ стаканъ, а невѣста подноситъ гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, а гости, выпивши вина, кладутъ на тарелку деньги.

O. Kolberg, Pokucie 1 стр. 226, 281, 313 и 314; Ib. Chełmskie I стр. 221, 260 и 341; Obchody weselne prz. Prusskiego Krak. 1869 1 стр. 112; Чубинск. т. 4 стр. 134 и 666; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 2, 23, 42, 207 и 362; Ястр. турец. сер. стр. 313 и 336; Шейнъ, Рус. нар. пѣс. стр. 425; Zeitschrift-verein für Volkskunde 1894 Heft 3 стр. 270.

[33] — Обрядовое бритье бороды у жениха на свадьбѣ, кромѣ гагаузовъ, практикуется у болгаръ, у новогрековъ въ Эпирѣ, на островѣ San-Maura (Ионическ.) и у турецкихъ сербовъ. У этихъ послѣднихъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, бритье сопровождается музыкой, а въ Эпирѣ пѣніемъ. Значеніе этого обряда, вѣроятно, соотвѣтствуетъ расплетанію косы у невѣсты и потому сущность его заключается только въ томъ, что съ волосами жениха что-то дѣлаютъ. Быть можетъ, и этотъ обрядъ былъ также жертвоприношеніемъ изъ волосъ. На эту мысль наводитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что у другихъ народовъ операціи, продѣлываемыя съ волосами жениха на свадьбѣ, иныя, чѣмъ у гагаузовъ. Такъ, напримѣръ, у новогрековъ въ Эпирѣ одинъ человѣкъ брѣетъ жениха а другой въ это же время его причесываетъ. У бѣлоруссовъ Борисовскаго уѣзда (Минской губ.) молодого сажаютъ на кадку съ рожью, и въ это время крестная мать его подстригаетъ ему волосы, а сестра подпаливаетъ восковой свѣчей. У Виленскихъ бѣлоруссовъ къ жениху подходятъ родители съ ножницами и съ «громничной» свѣчей и, подстригши ему крестообразно на лбу, затылкѣ и возлѣ ушей волосы, подпаливаютъ ихъ. У малороссовъ «свашка» расчесываетъ голову жениха. Наконецъ есть мѣстности, въ которыхъ операція съ волосами продѣлывается ужъ не надъ женихомъ, а надъ его гостями. Такъ, у галиційскихъ армянъ наканунѣ свадьбы бреютъ бороду не жениху, а всѣмъ его собравшимся на свадьбу гостямъ, но только на счетъ жениха. У великороссовъ Тульской губ. сваха мажетъ волосы масломъ всѣмъ поѣзжанамъ, сидящимъ за столомъ.

Шапкаревъ. Сбор. ч. 3 стр. 91; Ястр. Турец. серб. стр. 334, 385 и 396 O. Kolberg Pokucie I стр. 355; Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 80 и 379; Ib. Рус. нар. пѣс. 1870 стр. 427; Bibliot. der neust. und wichtigst. Reisebe-

schreibungen. . . M. C. Sprengel Weimar 1801 т. 3 стр. 180; Melusine т. 4 1888—1889 стр. 123; Чубинск. т.4 стр. 365.

34) — Подробности этого обычая, заключающіяся въ томъ, что женихъ не самъ передаетъ свои подарки невѣстѣ, а посылаетъ ихъ съ кѣмъ-либо изъ свадебной дружины и что подарки эти состоятъ изъ принадлежностей одежды, повторяются и у другихъ народовъ. У галиційскихъ русиновъ дары отъ жениха невѣстѣ несутъ два брата жениха или парубки, или замѣняющіе. Подарокъ состоитъ изъ полосы бѣлаго перкаля (полотна) длиною въ 5 локтей. У малороссовъ Украины «маршалокъ» передаетъ невѣстѣ свадебные подарки: башмаки, чулки, ленты и перстни. У Люблинскихъ малороссовъ (бывшихъ уніатовъ) женихъ въ воскресенье утромъ высылаетъ двухъ «маршалковъ» съ подарками для невѣсты: пара башмаковъ, чулковъ и подвязокъ. У бѣлоруссовъ «сваты» передаютъ невѣстѣ отъ жениха башмаки и чулки вмѣстѣ съ водкой и закуской. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ женихъ посылаетъ свои подарки или со своею матерью или со «сватомъ»: башмаки, чулки, платокъ и баранки. У великороссовъ Валдайскаго уѣзда Новгородской губ. женихъ самъ носитъ невѣстѣ подарки: чулки, гуни, мыло и связку кренделей. У великороссовъ-сибиряковъ сначала «тысяцкій» съ однимъ изъ «бояръ» ходитъ къ невѣстѣ съ малыми дарами: кусокъ мыла, зеркальце и гребень, а въ другой разъ женихъ съ «тысяцкимъ» ходитъ съ большими дарами: ботинки, шуба и шаль. У Оренбургскихъ татаръ старшій братъ жениха отвозитъ невѣстѣ отъ жениха сундучекъ, въ которомъ кладутся зеркальце, мыло и другія туалетныя принадлежности вмѣстѣ со сластями. Наконецъ у Галиційскихъ армянъ за два дня передъ вѣнцомъ женихъ посылаетъ невѣстѣ свадебные подарки, состоящіе изъ платка на голову, пары перчатокъ, пары башмаковъ и чулковъ, цвѣтовъ и гребня.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 231 и 354; Ib. Chełmskie 1 стр. 298; Живая стар. 1893 в. I стр. 106; Чубинск. т. 4 стр. 660; Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 16 и 297; Изв. Об. Ар. Ис. и Этн. т. 12 в. 1 стр. 39; Шейнъ, Рус. нар. пѣс. 1870 стр. 486.

35) Обычай держать надъ головой невѣсты платокъ за четыре угла также имѣетъ свои варіанты у другихъ народовъ. Такъ, у бурятъ надъ женихомъ и невѣстой несутъ большую шаль за четыре угла, называя это «харашн», что въ переводѣ значитъ «сарай». У башкиръ подруги молодой водятъ ее по деревнѣ прощатся со всѣми родственниками. Это дѣлается такъ: четыре дѣвушки держатъ надъ молодой платокъ за концы, остальныя же плачутъ, поднимая душу-раздирающій вой. У русскихъ евреевъ самое вѣнчаніе происходитъ на открытомъ воздухѣ подъ «хыпэ», т. е. балдахиномъ, состоящимъ изъ четыреугольнаго куска матеріи. Къ каждому углу его прикрѣплены по палкѣ или древку, за которые четыре мужчины держатъ балдахинъ надъ головами молодыхъ. Наконецъ у малороссовъ въ с. Полонномъ, Новоградъ-волынскаго уѣзда, есть обрядъ покрыванія невѣсты, который совершаютъ двѣ свахи. Взявъ большой платокъ и ставши возлѣ молодой одна по правую, другая по лѣвую сторону, свахи, прежде чѣмъ покрыть невѣсту, машутъ надъ ея голо-

вой платкомъ. У современныхъ египтянъ (магометанъ) невѣсту послѣ вѣнчанія ведугъ подъ балдахиномъ. Намъ кажется, что въ родствѣ съ этимъ обычаемъ находится и коронованіе царствующихъ особъ подъ балдахиномъ, принятое чуть ли не во всей Европѣ.

Этнограф. Обозр. 1891 № 3 стр. 157; Ib. кн. 13—14 стр. 221; Чубинск. т. 4 стр. 640; Biblioth. der neust. und wichtigst. Reisebeschreibungen... M. C. Sprengel. Weimar. 1801 т. 13 стр. 98.

[36]) У армянъ главой свадьбы, соотвѣтственно гагаузскому «саадычу», состоитъ такъ называемый «тойбаши». И вотъ, такъ же какъ и у гагаузовъ, каждый изъ назначенныхъ женихомъ членовъ свадебной свиты долженъ исполнять порученія «Тойбаши».

Сборн. матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа. Тифлисъ. 1892, в. 13 стр. 103.

[37]) Обычай отстегивать у жениха всѣ петли для того, чтобы его не околдовали, также принадлежитъ къ числу распространенныхъ. Прежде всего онъ есть у турецкихъ сербовъ, обычаи которыхъ во многомъ сходны съ гагаузскими. У русскихъ въ Галиціи, у жениха и у невѣсты разстегиваются всѣ пуговицы и развязываются всѣ завязки. А въ Буковинѣ молодые разстегиваютъ себѣ петлицы у свиты (сѣрака) и развязываютъ воротъ рубашки, обнажая почти всю грудь передъ священникомъ, который окропляетъ ихъ святой водой. У малороссовъ Кобринскаго уѣзда, Гродненской губ., невѣстѣ во время вѣнца, чтобы она въ жизни не терпѣла стѣсненія, разстегиваютъ запонку на воротникѣ рубашки. У русскихъ евреевъ въ Малороссіи, въ избѣжаніе колдовства, съ невѣсты снимаются подвязки, а у обоихъ молодыхъ, сверхъ того, разстегиваютъ всѣ застежки и развязываютъ въ одеждѣ всѣ узлы, кромѣ необходимыхъ. Здѣсь кстати замѣтить, что тотъ же обычай, но только въ обратномъ видѣ, мы находимъ у Кавказскихъ евреевъ, гдѣ во время вѣнчанія мать невѣсты дѣлаетъ на шнурѣ узлы, чтобы не связали, т. е. не заколдовали жениха. А у великороссовъ Вологодской губерніи съ тою же цѣлью жениху обвязываютъ голое тѣло поясомъ. Внѣ свадьбы обычай развязыванья узловъ практикуется еще при трудныхъ родахъ, когда ничего нельзя держать запертымъ, закрытымъ или завязаннымъ. Кромѣ русскаго народа, этотъ послѣдній обычай соблюдается у русскихъ евреевъ и у грузинъ Кутаисской губ.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 274; Ястреб. Турецк. серб. стр. 354 и 391; Чубинск. т. 4 стр. 663; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Тифлисъ в. 18 1894 стр. 129 и 304; Сборн. свѣдѣн. для изучен. быта крест. насел. Росс. в. 2 1890 стр. 105.

[38]) Такой же обычай привѣтствія родителей при благословеніи жениха и невѣсты принятъ у Галицкихъ русиновъ. Женихъ и невѣста здѣсь цѣлуютъ у своихъ родителей сначала стопу, потомъ колѣна, руки, лицо и наконецъ цѣлуются въ губы. Или же, наоборотъ, сначала цѣлуются въ губы, потомъ цѣлуютъ руки, колѣна и ноги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлуютъ только руки и ноги. У польской шляхты въ окрестностяхъ Кракова, когда молодые идутъ къ вѣнцу, то хватаютъ за ноги родителей и всѣхъ старшихъ. У Плоцкихъ мазуровъ молодые цѣлуютъ

ноги родителей. У малороссовъ Люблинской губ., женихъ, подходя подъ благословеніе своихъ родителей, три раза становится на колѣни и за каждымъ разомъ цѣлуетъ ихъ въ ноги. У бѣлоруссовъ при благословеніи женихъ кланяется въ ноги отцу и матери. У великороссовъ Тульской губ. отецъ жениха съ образомъ въ рукахъ выходитъ на середину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона и цѣлуетъ образъ.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 267, 290 и 316; Ib. Chełmskie 1 стр. 260; Wisła т. 7 в. 2 стр. 365; Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 3 и 207; Ib. Русск. нар. пѣсн. 1870 стр. 426; O. Kolberg. Mazowsze т. 4 стр. 197.

[39]) У Галицiйскихъ русиновъ, когда свадебный поѣздъ направляется въ церковь, то передъ женихомъ и передъ невѣстой идутъ по музыканту, которые играютъ всю дорогу.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 273 и 304.

[40]) У сербовъ тоже, пока молодыхъ вѣнчаютъ въ церкви, «сватови» устраиваютъ «коло» и поютъ пѣсни.

Караджичъ. Обычаи. стр. 130.

[41]) Разбрасываніе лакомствъ для толпы мнѣ самому случалось видѣть на свадьбахъ богатыхъ армянъ въ г. Луганскѣ, Екатеринославской губ. Только они дѣлали это не въ церкви, а на улицахъ города, когда проѣзжалъ въ экипажахъ ихъ свадебный поѣздъ. У кабардинцевъ во время свадьбы «парень, стоящій на крышѣ, бросаетъ внизъ конфекты, орѣхи, рожки и т. под. сласти. Стоящіе внизу ловятъ ихъ». У Галицiйскихъ армянъ, когда женихъ съ дружками и невѣста выѣзжаютъ изъ дому на фурахъ или саняхъ, то домашніе бросаютъ на нихъ конфекты, миндаль и другія сласти. Въ этомъ послѣднемъ обычаѣ мы уже видимъ переходъ къ другому весьма родственному съ нимъ обычаю обсыпать молодыхъ орѣхами, зернами и т. д., весьма распространенному у различныхъ народовъ. Но мы на этотъ разъ не будемъ на немъ останавливаться, а вернемся къ нему при описаніи «Еврейской свадьбы».

Этногр. Обозр. 1892 № 4 стр. 153; O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 355.

[42]) Этотъ обычай, какъ онъ ни кажется оригинальнымъ, имѣетъ также свои варіанты у другихъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Витебскаго уѣзда и въ Горецкомъ уѣздѣ Могилевской губерніи невѣста ѣдетъ къ вѣнцу въ шубѣ, поверхъ которой одѣвается еще и суконный армякъ, несмотря ни на какое время года, хотя бы даже въ іюльскія жары. У великороссовъ Вологодской губ. женихъ и всѣ гости за столомъ въ день свадьбы сидятъ непремѣнно въ верхнихъ платьяхъ, въ тулупахъ. У евреевъ въ мѣстечкѣ Славуты женихъ и невѣста, идя подъ вѣнецъ, должны быть непремѣнно, несмотря на жару, одѣтыми въ верхнія платья (въ пальто). Обычай этотъ, самъ по себѣ загадочный, до нѣкоторой степени объясняется слѣдующимъ его варіантомъ: у Люблинскихъ малороссовъ (бывшихъ уніатовъ) считается опаснымъ на свадьбѣ снимать «кожухи» (шубы) и «сукманъ» (свиту). Даже въ танцахъ и на печи ихъ не снимаютъ. Здѣсь вѣрятъ, что злой духъ постоянно чихаетъ, и потому къ тѣлу человѣческому могли бы прицѣпиться немощь или смертельная болѣзнь. Въ свадебной хатѣ поэтому же старательно запираютъ двери, окна и даже отверстіе печной трубы.

Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 42 и 326; Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. нас. Росс. Москва 1890 стр. 92; O. Kolberg. Chełmskie 1 стр. 257.

[43]) Тотъ же обычай расходиться жениху и невѣстѣ послѣ вѣнчанія въ церкви, кромѣ гагаузовъ, наблюдается у Галицкихъ русиновъ и во многихъ мѣстностяхъ Малороссіи, напримѣръ, въ м. Туровѣ (Мозырскаго уѣзда), въ Дубищахъ (Староконстантиновскаго уѣзда) и въ Харьковской губерніи. Тотъ же обычай наблюдается и у бѣлоруссовъ Витебской губ., но только тамъ послѣ церкви сначала закусятъ, а потомъ расходятся.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 257, 265 и 314; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. 383; Чубинск. т. 4 стр. 272.

[44]) Обычай состязанія въ бѣгѣ или въ скачкахъ на свадьбѣ, кромѣ гагаузовъ, есть: у турецкихъ сербовъ, Бессарабскихъ молдаванъ, Астраханскихъ ногайцевъ, калмыковъ, абхазцевъ, кабардинцевъ, башкировъ, курдовъ, бурятъ, жителей острова Корсики, армянъ, сванетовъ, Сибирскихъ и Крымскихъ татаръ, киргизовъ, якутъ и Терскихъ казаковъ. А слѣдовательно, это—обычай международный и очень широко распространенный. У всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ на свадьбахъ происходятъ или бѣга, или скачки на лошадяхъ или джигитовка съ заранѣе назначенными призами. Но есть еще, кромѣ того, народы, у которыхъ состязанія на свадьбѣ уже потеряли свое древнее значеніе, но обычай сохраняется въ видѣ переживанія прошлаго. Такое переживаніе, взятое отдѣльно, само по себѣ, иногда можетъ показаться безсмысленнымъ и непонятнымъ, если бы мы не имѣли для сравненія вышеприведенные примѣры, вполнѣ сохранившіе до нашего времени свою жизненность. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такихъ переживаній.

Вотъ, напримѣръ, какой обычай соблюдается на свадьбахъ у бельгійскаго простонародья: «Невѣстѣ подносятъ трость... Лошади пускаются крупной рысью и проѣзжаютъ взадъ и впередъ съ ихъ всадниками, холостыми молодыми людьми, передъ дверями дома, въ которомъ происходятъ брачныя торжества. Новобрачная ударяетъ тростью всадниковъ и ихъ лошадей... всѣ кавалеры дефилируютъ передъ ней крупнымъ галопомъ, дѣлая все возможное, чтобы отнять у нея трость. Она хлещетъ ихъ и ихъ лошадей, нисколько не безпокоясь, если кто-нибудь изъ нихъ кувыркнется. Если при этомъ никто не сумѣетъ отнять у невѣсты ея трость, то ее считаютъ мужественной и объявляютъ хозяйкой дома. Если же кому-нибудь удастся вырвать трость, то она пускается въ аукціонъ, мужъ долженъ выкупить трость, а молодая объявляется его покорной служанкой. У Галицкихъ русиновъ, когда послѣ вѣнчанія всѣ выходятъ изъ церкви, каждый старается выйти изъ дверей первымъ, потому что первый, по мѣстному вѣрованію, дольше всѣхъ проживетъ. У малороссовъ Константиновскаго и Бѣльскаго уѣздовъ (Сѣдлецкой губ.) во все время шествія жениха съ «дружиной» въ домъ невѣсты передъ отправленіемъ въ церковь «сваты» бѣгутъ въ припрыжку, иногда въ перегонку, или же стараются обогнать другъ друга, сидя въ телѣгахъ. У Люблинскихъ малороссовъ, когда молодые ѣдутъ въ церковь, въ числѣ разныхъ шутокъ, которыми забавляются поѣзжане, бываетъ ѣзда на пе-

регонки. У бѣлоруссовъ Витебской губ. на свадьбѣ борются и играютъ въ перетяжки. У поляковъ въ Познани, въ уѣздѣ Бабимостскомъ, «дружба» на свадьбѣ выходитъ впередъ говоря: «а посмотримъ, кто большій хватъ, дружба, сватъ или молодой», пускаетъ лошадей вскачь на перегонку до границъ сосѣдней деревни. Наконецъ у татаръ с. Кара-тöбе (близъ гор. Хами въ Средней Азіи) молодые люди, приготовивъ постель для новобрачныхъ, начинаютъ бороться. При этомъ замѣчаютъ, что если поборютъ люди невѣстиной стороны, то мужъ будетъ въ подчиненіи у жены, а если жениховой стороны—то наоборотъ.

Всѣ эти состязанія молодежи на свадьбахъ, сами по себѣ очень древняго происхожденія, являются лишь воспоминаніемъ объ еще болѣе древнихъ временахъ, когда мужчины не состязались между собой, а просто безъ всякаго порядка и системы дрались изъ-за обладанія женщиной, точно такъ же, какъ это дѣлаютъ самцы многихъ видовъ животныхъ изъ-за обладанія самкой. Такой порядокъ вещей сохранился до настоящаго времени во всей его первобытной чистотѣ у дикарей, стоящихъ на самой низкой ступени развитія. У австралійскихъ дикарей женщины служатъ постояннымъ поводомъ раздоровъ между мужчинами одного племени и между различными племенами. У гуановъ Южной Америки мужчины рѣдко женятся до 20 лѣтъ, потому что раньше этого возраста они не въ силахъ побѣдить своихъ соперниковъ. Одной ступенью выше стояли относительно этихъ дикарей сѣверо-американскіе индѣйцы. У нихъ уже существовала нѣкоторая система, такъ какъ существовалъ обычай, чтобы мужчины дрались изъ-за каждой женщины, при чемъ эта женщина доставалась болѣе сильному.

Revue des traditions populaires. Статья Фр. Ортоли. Свадьба въ Корсикѣ стр. 181; Ib. в. 5 т. 5 1890 стр. 182; O. Kolberg. Poznan 11 стр. 84 и 86; Этногр. Обоз. т. 13—14 стр. 219; Ib. 1891 № 3 стр. 159; Ib. 1891 кн. 10 стр. 159; Ib. 1892 № 1 стр. 157; Ib. 1896 № 4 стр. 14 и 149; Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. кн. 16 стр. 25 и кн. 13 стр. 52; Памят. книж. Сѣдл. губ. 1891 стр. 281; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. 1 стр. 50, 57 и 58; Сбор. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк. Тифлисъ. 1890 в. 10 стр. 77; Ib. 1892 в. 13; Ib. 1893 в. 15 стр. 20; Народы Россіи. Этногр. очер. Изд. ред. журн. Природа и люди 1878 стр. 442; Ib. 1880 стр. 23, 92, 93, 187, 254 и 530; Ястр. Турец. серб. стр. 406; O. Kolberg, Pokucie 1 стр. 265; Ib. Chełmskie 1 стр. 268; Изв. Об. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. 5 стр. 422; Жив. Стар. 1894 в. 3 и 4 стр. 366.

[45]) На свадьбѣ у мордвы «вершники» (верховые) тоже объѣзжаютъ свадебный поѣздъ три раза «посолонь».

В. Майновъ. Очер. Юрид. быта Мордвы. стр. 98.

[46]) У турецкихъ сербовъ «девер» также ломаетъ «колач» надъ головою невѣсты. У абхазцевъ дружки и подружки «тѣшатся перебрасываніемъ просяного хлѣба черезъ голову невѣсты и разрываніемъ его на кусочки». Въ Тульской губерніи Алексинскаго уѣзда «дружко» и «полудружко» ломаютъ коровай надъ головами молодыхъ (записано мною). Эти послѣдніе обычаи очень близко стоятъ къ гагаузскому, но затѣмъ мы можемъ найти еще цѣлый рядъ обычаевъ, хотя не тождественныхъ съ нимъ, но, безъ сомнѣнія, родственныхъ. Такъ, напримѣръ, у галицкихъ

русиновъ отецъ и мать держатъ надъ головой невѣсты «колачъ». А затѣмъ слѣдуетъ благословеніе молодыхъ, кромѣ образа, еще хлѣбомъ, при чемъ хлѣбъ также держится надъ головой. И наконецъ хлѣбъ въ иныхъ мѣстахъ замѣняется «вѣкомъ», т. е. крышкой отъ «дѣжи» (квашни).

Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. кн. 16 стр. 25; Ястр. Турец. серб. стр. 403; O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 280 и 284.

[47]) Въ русскомъ свадебномъ обрядѣ битье посуды вещь самая обыкновенная и неизбѣжная. Г. Сумцовъ въ его «Культурныхъ переживаніяхъ» (стр. 294) говоритъ, что, по вѣрованію малороссовъ, битье посуды—къ счастью, и что то же самое повѣрье существуютъ и въ Пруссіи (Krause 88). У малороссовъ въ Ушицкомъ уѣздѣ есть даже обычай довольно близкій къ гагаузскому, а именно: теща наливаетъ въ горшокъ воду съ овсомъ, что называется «оброкъ», и даетъ молодому, а тотъ бросаетъ горшокъ себѣ черезъ голову. Подобные же обычаи существуютъ во многихъ мѣстностяхъ Малороссіи и Бѣлоруссіи: то женихъ, то оба молодые, то одинъ изъ «бояръ» бросаютъ черезъ голову разную посуду. Кромѣ того, у малороссовъ и великороссовъ существуетъ весьма распространенный обычай бить посуду въ томъ случаѣ, если невѣста окажется невинной. Но тотъ же обычай есть и у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, у турецкихъ сербовъ въ прежнія времена «при сведеніи молодыхъ» также разбивали посуду. У грузинъ Кутаисской губ., «когда молодые возвратятся изъ церкви, для нихъ кладутъ на порогѣ дома тарелку: первый идетъ женихъ и ударяетъ ногою по тарелкѣ, слѣдующая за нимъ невѣста дѣлаетъ то же; тарелка разбита, и идущіе за новобрачными шафера и подруги ударяютъ уже по черепкамъ ея. Тотъ же обычай существуетъ и въ далекой Абиссиніи; тамъ женихъ разбиваетъ глиняный горшокъ, послѣ чего къ нему подводятъ невѣсту.

Въ обычаѣ бить посуду выражается, конечно, символизмъ, но только символизмъ троякій, такъ какъ и самый фактъ разбитія посуды человѣкъ можетъ разсматривать съ трехъ сторонъ, съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія: 1) Когда посуда разбита, то дѣло кончено разъ навсегда, безвозвратно, такъ какъ изъ разбитой посуды новой не сдѣлаешь; 2) посуда была цѣлой, годной и полезной вещью, когда же ее разбили, то не осталось ничего, кромѣ никуда негодныхъ осколковъ и 3) изъ одной посуды образовалось много кусковъ. Смотря по тому, съ которой изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія смотрѣлъ человѣкъ на извѣстный фактъ изъ своей жизни, онъ, символизируя этотъ фактъ битьемъ посуды, придавалъ тому или другому обычаю различный смыслъ; такъ, напримѣръ, если посуда бьется при заключеніи брачнаго договора, то она символизируетъ ненарушимость брачнаго договора. Для заключившихъ свадебное условіе отступленіе отъ него должно быть такъ же невозможно, какъ невозможно изъ разбитой посуды сдѣлать новую. Въ такомъ смыслѣ разбивается посуда при подписаніи свадебнаго договора у русскихъ евреевъ. По окончаніи брачной ночи битая посуда символизируетъ тотъ фактъ, что невѣста до этой ночи была непорочна. Наконецъ посуда бьется на свадьбѣ

съ цѣлью погадать о будущей судьбѣ молодой пары и, главнымъ образомъ, объ ея будущей плодовитости или безплодіи. Если брошенная посуда разобьется, то ожидается плодородіе новобрачныхъ, если нѣтъ, то безплодіе.

Чубинск. т. 4 стр. 314, 332, 358, 450, 606 и 626; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 331; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 14 в. 3 стр. 250; Ястр. Турец. серб. стр. 361, 403; Труд. Этн. Отд. Имп. Об. Люб. Ест. Ант. и Этн. в. 1 стр. 48; Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк. в. 1894 стр. 304; Фр. Гельвальдъ. Спб. 1885 стр. 326; O. Kolberg, Pokucie 1 стр. 280 и 284; Живая Стар. 1893 в. 1 стр. 110; Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. кн. 16 стр. 25.

48) У турецкихъ сербовъ «женихъ проливаетъ ногою ведро съ водой». У поляковъ одна изъ замужнихъ женщинъ выливаетъ подъ молодого ведро воды.

Zbiór Wiadom. do Antr. т. 2 стр. 29; Ястр. турец. серб. стр. 405; O. Kolberg. Mazowsze т. 4 стр. 165.

49) У галицкихъ русиновъ молодыхъ, возвращающихся изъ церкви послѣ вѣнчанія, иногда встрѣчаетъ отецъ на порогѣ сѣней съ хлѣбомъ-солью или съ хлѣбомъ и водкой. У Сѣдлецкихъ малброссовъ ихъ встрѣчаетъ мать съ хлѣбомъ, завернутымъ въ кусокъ полотна, и съ водкой. У малороссовъ Украйны на встрѣчу молодымъ выходятъ родители съ хлѣбомъ и солью или одна мать съ «колачомъ». То же самое происходитъ у поляковъ Луковскаго уѣзда и у польской мелкой шляхты на Мазовшѣ. То же и у Плоцкихъ мазуровъ. У бѣлоруссовъ выходятъ или мать съ хлѣбомъ, а отецъ съ образомъ, или одна мать съ хлѣбомъ и солью или съ хлѣбомъ и медомъ. У великоруссовъ оба родителя встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью. У русскихъ евреевъ мать встрѣчаетъ съ хлѣбомъ.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 235 и 309; Ib. Chełmskie 1 стр. 202; Bibliot. Wisły т. 4 стр. 127. Obchody weselne prz. Prusskiego. Krak. 1869 1 стр. 285; Жив. Стар. 1893 в. 2 стр. 245; Ib. 1898 в. 1 стр. 103; Чубинск. т. 4 стр. 299, 638, 616, 664 и 674; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. 4, 20, 192, 202, 227, 323; O. Kolberg, Mazowsze т. 4 стр. 192.

50) Мазанье губъ молодыхъ медомъ на свадьбѣ есть, кромѣ того, у литовцевъ и у Галицкихъ гуцуловъ. У бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда на встрѣчу молодымъ, возвращающимся изъ церкви, выходитъ мать молодого въ вывороченной наизнанку шубѣ и, обмакнувъ въ находящійся у нея въ стаканѣ медъ мизинецъ, подноситъ его, дразня, къ губамъ молодыхъ и только за третьимъ разомъ даетъ имъ его облизать. Обычая съ медомъ, который бы такъ близко соотвѣтствовалъ гагаузскому, намъ болѣе найти нигдѣ не удалось, но обычай встрѣчать молодыхъ съ медомъ встрѣчается очень часто.

У малороссовъ мать угощаетъ молодыхъ хлѣбомъ съ медомъ. У пинчуковъ, у малороссовъ Холмской Руси и у краковскихъ поляковъ то же самое. У турецкихъ сербовъ молодыхъ также угощаютъ медомъ. Въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ корчмарка (жидовка) встрѣчаетъ молодыхъ, пріѣзжающихъ справлять свою свадьбу въ корчму, на порогѣ корчмы съ мисочкой меду (патоки). У кабардинцевъ невѣстѣ подносятъ «урцетль», т. е. смѣсь курдючнаго сала или коровьяго масла съ медомъ. Кромѣ того, угощаютъ медомъ въ томъ или другомъ видѣ у великороссовъ, у гру-

зинъ и у турокъ. У Кавказскихъ евреевъ медомъ мажутъ косяки дверей и молодые должны къ нимъ прикоснуться рукой. У казанскихъ татаръ женихъ присылаетъ невѣстѣ въ подарокъ боченокъ меду. У мингрельцевъ вмѣсто меду молодыхъ угощаютъ сахаромъ. И наконецъ даже въ Суданѣ (въ Сокнѣ) женихъ и невѣста въ знакъ привѣтствія кладутъ другъ другу въ ротъ по куску сахару.

Kłosy № 430 стр. 205; Obchody weselne prz. Prusskiego Krak. 1869 1 стр. 273—282; Zbiór Wiadom. do Antr. т. 7 стр. 126; Ib. т. 10 стр 2; O. Kolberg Lud Ser. 11 стр. 208; T. Narbutt Dzieje staroż. narod. litewsk. Wilno 1835. 1 стр. 342; Zeitschr. des Vereins für Volkskun. 1894 Heft 3 стр. 271; Melusine 1888—1889 стр. 125; Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк. в. 18 1894 129; Ib. в. 19 1894 стр. 156; Чубинск. т. 4 стр. 460, 461, 578 и 598; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 118, 202 и 211; Ястреб. Турецк. серб. стр. 131 и 356; Народы Россіи. Этногр. очер. Изд. ред. журн. Природа и люди. т. 2 стр. 290; Путешествія и открытія доктора Фогеля (па русскомъ языкѣ) стр. 111; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн., статья М. Н. Пинегина, Свадебн. обыч. казанск. татаръ, стр. 3 и 7; Этногр. Обозр. т. 14 1892 стр. 152.

[51]) — Обычай гагаузовъ дѣлать топоромъ зарубки на стѣнѣ хаты, отмѣчая количество подарковъ, сдѣланныхъ молодымъ, совершенно въ такомъ же видѣ есть у болгаръ. Но для того, чтобы подыскать болѣе отдаленные варіанты его, необходимо напомнить, что онъ еще довольно сложный обычай и распадается на два болѣе простыхъ: 1) употребленіе топора на свадьбѣ, а 2) обычай записывать или дѣлать видъ, что записывается приданое невѣсты. Для перваго можно привести обычай мордвы: «при входѣ въ домъ жениха, невѣсту встрѣчаетъ старшій въ домѣ и дѣлаетъ топоромъ на косякѣ зарубку, которая должна обозначать новаго члена семьи». Для второго же есть много варіантовъ въ малорусскомъ этнографическомъ матерьялѣ. Въ то время, когда дарятъ молодыхъ, въ домѣ жениха есть такъ называемый «писарь», нарочно для того назначаемый, который при каждомъ подаркѣ записываетъ ухватомъ на потолкѣ, т. е. проводитъ на потолкѣ черту. А въ другихъ мѣстахъ Малороссіи «писаръ» стоїть зъ рогачемъ киля комена (печной трубы) и записуе углемъ, хто що дасть».

Сборн. матер. изд. при Дашк. муз. в. 1 стр. 39; В. Майновъ. Очер. юрид. быта мордвы. стр. 48, 80 и 105; Чубинск. т. 4 стр. 463.

[52]) — Обычай сажать невѣстѣ на колѣни мальчика принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. У турецкихъ сербовъ невѣстѣ подносятъ мальчика, котораго она цѣлуетъ. Обычай сажать или класть мальчика на колѣни невѣсты существуетъ, кромѣ того, у угро-руссовъ, у абхазцевъ, у грузинъ, у имеретинцевъ, мингрельцевъ, армянъ, русиновъ въ Галиціи, албанцевъ въ Славоніи и у черногорцевъ. Родственный съ этимъ обычаемъ есть и у мазуровъ Плоцкой губ.; тамъ два «дружки» подносятъ невѣстѣ одинъ мальчика, а другой хлѣбъ съ солью и спрашиваютъ, чего она желаетъ, мальчика или хлѣбъ. Если невѣста разумная, то она возьметъ сначала хлѣбъ, а если возьметъ мальчика, то надъ ней смѣются и дружка еще ударитъ ее въ назиданіе кнутомъ.

Lud (Львовскій этнографическій журналъ) г. 1 в. 425 стр. 134—135; Ethnologiche Mitteilungen aus Ungarn. Budapest. Jahrgang 2 1891 в. 125 стр. 27; Вѣстникъ Европы г. 3 т. 2 1868 стр. 49; И. Ю. Поповича-Липовца, Черно-

горскія женщины; Головацкій, Галицкія народныя пѣсни ч. 4 стр. 390 и 408; Ястребовъ, Турец. серб. стр. 356; Караджичъ, Обычаи; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. ч. 1, стр. 702; Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. кн. 16 стр. 25; Сборн. для опис. мѣст. и плем. Кавк. 1890 в. 10 стр. 109; Ib. 1894 в. 19 стр. 96, 173 и 223; Жив. Стар. 1891 в. 3 стр. 155; O. Kolberg. Mazowsze т. 4 стр. 158.

53 — У болгаръ «прошкой» называется не хлѣбъ, а обрядъ прощенія, или благословенія, испрашиваемаго молодыми отъ отца и матери. У Галицкихъ русиновъ есть также свадебный обрядъ «прощы просыты», при чемъ «прощей» называется благословеніе родителей. Что касается детали гагаузскаго обряда, что «прошка» выдается жениху непремѣнно съ разсвѣтомъ, то и она при всей своей незначительности имѣетъ варіанты у другихъ народовъ. У малороссовъ, напримѣръ, есть обыкновеніе отправлять новобрачную въ домъ ея мужа «съ восходомъ утренней звѣзды». У черемисъ-язычниковъ Бирскаго уѣзда (по моей записи) свадебный пиръ «продолжается до разсвѣта, а съ разсвѣтомъ всѣ садятся въ телѣги и ѣдутъ въ домъ жениха.

Kolberg, Pokucie 1 стр. 232, 238, 299 и 300; Сборн. за народ. умотв. кн. 5 стр. 55; Сборн. матер. изд. при Дашк. муз. в. 1 стр. 46 и 49; Кіевск. стар. т. 11 Мартъ 1885 стр. 433.

54) — У сербовъ, соотвѣтственно гагаузскому букетику изъ «феслина», перевитому мишурой, въ случаѣ если невѣста окажется невинною, кладутъ себѣ за ухо «позлачьен цвijет». У татаръ гор. Турфана въ средней Азіи, если невѣста окажется невинной, то тетки со стороны жениха и новѣсты, «зацѣпивъ за ухо» взятые ими «знаки (брачной ночи)», идутъ въ домъ жениха».

Караджичъ. Обычаи стр. 129; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 12 в. 3 стр. 418.

55) — У турецкихъ сербовъ въ этомъ же случаѣ угощаютъ красной и сладкой водкой или горячей водкой съ медомъ. У бѣлоруссовъ угощаютъ красной и сладкой водкой.

Ястр. Турец. серб. стр. 358 и 407; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 стр. 31.

56) — Этотъ чрезвычайно оригинальный обычай вполнѣ соотвѣтствуетъ обряду, соблюдающемуся у русскихъ евреевъ, который предписываетъ, чтобы женихъ вѣнчался непремѣнно въ «кителѣ», т. е. въ своей смертной рубашкѣ, въ которой онъ долженъ быть похороненъ. У малороссовъ наблюдается такой же обычай. А именно, женихъ, идя подъ вѣнецъ, надѣваетъ на себя рубашку, сшитую для него невѣстой, и рубашка эта сохраняется до гроба. Тотъ же обычай есть и у русскихъ въ Галиціи. Одѣваніе на свадьбѣ жениха «къ вѣнцу» въ рубашку, сшитую для него невѣстой, есть, кромѣ того, у чеховъ и черемисъ. У великороссовъ также придается особенное значеніе «подвѣнечной рубашкѣ».

Чубинск. т. 4 стр. 183 и 662; Obchody weselne prz. Prusskiego Krak. 1869 1 стр. 174; Erben 291 8—9; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 11 в. 1 стр. 75; Афанасьевъ, Поэтич. воззр. слав. на прир. 3 стр. 747.

57) — У бѣлоруссовъ также испытываютъ хозяйственныя способности невѣсты, но это дѣлается не ради необходимости, а только для того, чтобы исполнить прадѣдовскій обычай. Такъ, напримѣръ, въ Витебской губ. заставляютъ ее исполнять разныя работы, но при этомъ ей постоянно

мѣшаютъ: велятъ ей вымести полъ, но при этомъ нарочно бросаютъ соръ, велятъ принести изъ колодца воды, но всѣ идутъ на колодецъ и постоянно выливаютъ воду, которую она зачерпнетъ. Потомъ заставляютъ печь блины и въ приготовленное тѣсто кидаютъ тряпки. Въ иныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи сваты учатъ невѣсту хозяйству: собирать дрова, складывать дрова на мѣсто, ходить за водой и т. под. Но вмѣсто дровъ суютъ ей въ руку солому и тряпки, указываютъ мѣсто для дровъ подъ иконами и т. под. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ свекровь заставляетъ невѣстку топить печь, готовить обѣдъ и печь блины, но уже не въ шутку, а въ серьезъ. У великороссовъ Тульской губ. невѣсту заставляютъ мести полъ, приносить воду и дрова. Въ Новгородской губерніи ее заставляютъ мести избу и въ это время бросаютъ на полъ деньги. У черемисъ Царевококшайскаго уѣзда молодую испытываютъ въ ея умѣньи работать, какъ-то: носить воду, колоть дрова, мѣсить хлѣбы, заводить квасъ, топить баню, стирать бѣлье и мыть его на рѣкѣ. Повидимому, тамъ соблюдается еще этотъ обрядъ вполнѣ серьезно.

Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 11 в. 1 стр. 76; Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 9, 39, 315; Ib. Рус. нар. пѣс. 1870 стр. 430 и 510.

[58]) У Сѣдлецкихъ малороссовъ, если невѣста не окажется невинной, надѣваютъ на нее хомутъ или шлею и запрягаютъ въ борону. Маршалокъ молодого, надѣвши на нее узду, ведетъ ее по огороду и боронитъ, а самъ молодой погоняетъ ее бичемъ. У малороссовъ Украйны соломенный хомутъ надѣваютъ на шею отцу провинившейся невѣсты и подгоняютъ его сзади кнутомъ, если онъ сопротивляется и не идетъ туда, куда желательно свадебной дружинѣ его повести. Или же родители жениха дѣлаютъ изъ соломы хомутъ, надѣваютъ его на шею брату невѣсты и отсылаютъ въ подарокъ ея матери. У бѣлоруссовъ Витебскаго уѣзда, въ случаѣ, если невѣста не окажется невинной, вся отвѣтственность падаетъ на свата. На шею ему надѣваютъ хомутъ, взнуздываютъ его и «возжаютъ», и въ такомъ украшеніи заставляютъ исполнять всевозможные танцы, пить водку и ѣсть. А въ иныхъ мѣстахъ хомутъ надѣваютъ брату провинившейся невѣсты и въ такомъ ожерельѣ заставляютъ его сидѣть за столомъ. У великороссовъ Олонецкой губерніи въ описываемомъ случаѣ водили мать невѣсты подъ «югу» (отъ латинскаго jugum—ярмо-плугъ).

O. Kolberg. Chełmskie. 1 стр. 211; Чубинск. т. 4 стр. 459 и 463; Шейнъ Бѣлор. матер. 1890 46, 124, 179 и 480; Х. Ящуржинскій. Лирич. малор. пѣсн. Варшава 1880 стр. 68; Терещенко. Бытъ рус. нар. т. 2 стр. 228 и 487.

[59]) — Этотъ обычай соблюдаетъ каждый гагаузъ, когда онъ получаетъ въ подарокъ скотину или домашнюю птицу.

[60]) — У турецкихъ сербовъ «шафера, кумъ, тысяцкій и девери взлѣзаютъ на крышу». У хевсуръ (кавказскаго народца) братъ похищенной дѣвушки, двоюродные братья и сосѣди взлѣзаютъ на крышу похитителей и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока похититель съ ними не помирится, для чего онъ долженъ зарѣзать овцу или бычка. Въ противномъ случаѣ, дѣвушку отъ него отнимаютъ и уводятъ назадъ.

О томъ же обычаѣ у кабардинцевъ см. примѣчаніе № 41.

Ястр. Турецк. серб. стр. 405; Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. кн. 14 в. 1 стр. 158.

[61]) — Обычай устраивать искусственнаго коня на свадьбѣ существуетъ у нѣмцевъ въ Альтмаркѣ. Тамъ на первый день свадьбы приходитъ всадникъ на искусственномъ конѣ, одѣтый вмѣсто плаща въ красную женскую юбку и въ шляпѣ съ широкими полями; онъ «дѣлаетъ удивительные скачки». Намъ кажется, что въ родствѣ съ этимъ обычаемъ стоитъ тотъ, который мы записали въ с. Пересопицѣ, Ровенскаго уѣзда, Волынской губ. Тамъ одинъ изъ участниковъ свадьбы долженъ въѣхать въ хату на настоящей лошади. У малороссовъ же въ Переяславскомъ уѣздѣ, когда молодые придутъ изъ церкви, мать жениха, въ тулупѣ наизнанку и въ шапкѣ, садится верхомъ на лошадь, которую изображаютъ грабли или вила. Дружко беретъ вилу за конецъ и обводитъ воркугъ «діжи» (квашни), а «бояринъ» идетъ сзади и кнутомъ погоняетъ. Объѣхавши вокругъ «діжи» три раза, дружко подводитъ «лошадь» къ ведру, изъ котораго молодой поитъ лошадь (льетъ воду на конецъ вилы). У мордвы Алатырскаго уѣзда (Симбирск. губ). на свадьбѣ приводятъ въ избу «жеребца», т. е. бабу, наряженную въ «оброть» и колокольчики. Другая баба за поводъ подводитъ «жеребца» къ столу..- «жеребецъ» начинаетъ лягать всѣхъ тутъ находящихся.

Das deutsche Volk in Schilderung von Eduard Duller. Leipzig 1847 стр. 296; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 11 в. 6 стр. 573; Чубинск. т. 4 стр. 314.

[62]) Обычай молодежи мужского пола переодѣваться и въ такомъ видѣ ходить по деревнѣ за сборомъ пожертвованій принадлежитъ къ числу распространенныхъ. У галицкихъ русиновъ во время свадьбы устраиваются такъ называемые «гускы», т. е. деревенская молодежь сходится для развлеченія. Одни танцують въ хатѣ или въ сѣняхъ, другіе выдѣлываютъ разныя штуки и шутки, намазываются сажей изъ трубы, хватаютъ другъ друга въ темнотѣ, напиваются и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи существуетъ обычай въ заключеніе свадьбы «цыганить». Переодѣваются «за цыгана, за цыганку», за москаля, за жида, а иногда мужчина рядится женщиной, другой одѣвается церковнымъ старостой и вмѣстѣ отправляются цыганить. При этомъ цыгане воруютъ, а жиды «переводятъ». Нѣкоторые изъ участвующихъ собираютъ деньги будто бы на церковь или на сиротъ и пр. Все выпрошенное и украденное потомъ продается, за исключеніемъ домашней птицы, которую рѣжутъ и ѣдятъ. На вырученныя деньги покупаютъ водку. У бѣлоруссовъ Борисовскаго уѣзда, чтобы не вводить хозяевъ на свадьбѣ въ излишніе расходы, отправляются по домамъ бывшихъ на свадьбѣ гостей, такъ называемые, цыгане для сбора подаяній. Цыгане берутъ все, что имъ даютъ. Все собранное продается и на эти деньги покупается водка, которая сообща и распивается гостями. У великороссовъ Сенгилеевскаго уѣзда (Симбирской губерніи) въ концѣ свадьбы молодежь наряжается кто татариномъ, татаркой, кто мордовкой, цыганомъ, цыганкой, медвѣдемъ, съ заслонками, тазами; привязавъ къ длинному шесту вѣникъ и рубашку молодой, ѣдутъ къ родителямъ невѣсты. Въ Тульской губерніи также существуетъ обы-

чай переодѣваться цыганами, чтобы ходить по деревнѣ за сборомъ доброхотныхъ пожертвованій. Дѣвушки пользуются имъ, чтобы собрать средства, необходимыя для устройства посидѣлокъ. У Плоцкихъ мазуровъ одинъ изъ женатыхъ гостей переодѣвается медвѣдемъ, а другіе жидами и выдѣлываютъ разныя штуки. Когда подвыпьютъ, то раздѣваютъ кого-нибудь пьянаго во снѣ догола, а потомъ развѣсятъ на заборѣ его вещи и продаютъ эти вещи ихъ хозяину за мелкія деньги, съ той же цѣлью крадутъ у хозяина скотъ или разберутъ телѣгу на части и каждую часть спрячутъ отдѣльно или же затащутъ телѣгу на крышу дома. У кабардинцевъ на Кавказѣ ѣздятъ съ арбою по домамъ, собираютъ куръ (въ пользу молодыхъ). Хозяева должны дать имъ куру или какую-нибудь другую домашнюю птицу.

O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 313; Ib. Mazowsze т. 4 стр. 169; Зап. И. Р. Г. О. 1863 кн. 1 стр. 76; Этногр. Обозр. 1891 № 3 стр. 228; Ib. 1892 № 4 стр. 154; Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 14 в. 3 стр. 250; Чубинск. Т. 4 стр. 465, 580, 592 и 678; Шейнъ Бѣлорусск. матер. 1890 стр. 180.

[63]) «Колтỳ»—значитъ у гагаузовъ «подмышка».

[64]) Этотъ послѣдній обычай, заставлять жениха и невѣсту цѣловаться, какъ говорятъ и сами гагаузы, принадлежитъ новѣйшему времени, такъ какъ, по гагаузскимъ понятіямъ, поцѣлуи, а въ особенности публичные, вещь предосудительная и безнравственная. Вотъ почему онъ и принятъ для конца свадьбы, когда по обычаю дѣлаются всякія шутки и штуки, но не допускаются въ остальные болѣе серьезные моменты свадебнаго обряда.

[65]) Обычай, чтобы молодая или оба молодые послѣ первой ночи ходили за водой на рѣку, распространенъ очень широко. У угро-руссовъ хороводъ идетъ къ ближайшему потоку, или рѣкѣ, или источнику и тамъ происходитъ омовеніе. Дружба наполняетъ ведро; новобрачный вслѣдъ броситъ внутрь серебряную монету. Первымъ къ ведру приступаетъ староста, осѣняетъ воду крестнымъ знаменіемъ. Потомъ новобрачные омываются, дружба надъ ихъ головой держитъ «курагову» (свадебное знамя). Новобрачная схватываетъ ведро и обливаетъ всѣхъ вокругъ нея собравшихся. Дружба снова наполняетъ ведро водою, но уже для того, чтобы новобрачная несла его въ домъ. Придя въ домъ, она окропляетъ стѣны его извнѣ и снаружи. У галицкихъ русинъ молодые берутъ жбанокъ и колачъ и идутъ «до керныці» (на колодецъ) за водой; музыка подыгрываетъ имъ во всю дорогу. Набираютъ здѣсь воды. Но «бояры» встрѣчаютъ ихъ на половинѣ обратнаго пути и выливаютъ у нихъ воду, заставляя ихъ вернуться къ криницѣ. Такъ дѣлаютъ они до трехъ разъ. Принесенной водой молодые поливаютъ другъ другу на руки и умываются. Въ иныхъ же мѣстахъ Галиціи молодые, возвращаясь съ криницы, обливаютъ всѣхъ попавшихся имъ по дорогѣ и потому возвращаются на колодецъ разъ по десяти. У малороссовъ на Украйнѣ молодая, пріѣхавши въ домъ жениха, беретъ ведро и безъ всякихъ особенныхъ церемоній отправляется за водою. У Люблинскихъ малороссовъ невѣста идетъ съ «коневкой» или «цебромъ» за водой вмѣстѣ со сватомъ. Три раза она вы-

ливаетъ воду на землю, а на четвертый приноситъ домой. Тутъ она кропитъ водой всѣхъ участвующихъ въ свадьбѣ, а остальное разливаетъ по хатѣ. У малороссовъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, невѣста беретъ пирогъ, ручникъ изъ бѣлаго полотна и въ сопровожденіи брата идетъ за водой. Если колодецъ на чужой землѣ, то кладетъ подарокъ для его хозяина, черпаетъ ведро воды, выливаетъ въ квасъ, любимый напитокъ здѣшнихъ малороссовъ, а потомъ идетъ снова, зачерпываетъ другое ведро, въ которомъ моются «бояры». Въ иныхъ мѣстахъ того же края, когда принесутъ въ хату ведро, то молодая часть воды выливаетъ въ «дѣжу», а остальное отдаетъ «хороняжему», который, притворяясь пьянымъ, падаетъ и воду разливаетъ по хатѣ. Или же набравши воду изъ колодца, три раза выливаетъ ее на землю, а за четвертымъ разомъ приноситъ со сватомъ домой и, окропивши всѣхъ присутствующихъ, остатки разливаетъ по хатѣ. У бѣлоруссовъ Витебской губерніи молодой велятъ принести воды. Всѣ идутъ къ колодцу, зачерпнутую ею воду постоянно выливаютъ, пока мужъ не вступится за нее и не откупится водкой. У бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда сватъ беретъ новое ведро и несетъ его къ колодцу въ сопровожденіи музыканта, гостей и молодой, которая помогаетъ ему нести. Набравъ воды, молодая обязана повѣсить на коромысло наметку (въ даръ тому человѣку, которому принадлежитъ колодецъ), а воду несутъ съ музыкой и пѣснями домой, гдѣ ее и пьютъ. У бѣлоруссовъ Смоленской губерніи молодая беретъ ведра и въ сопровожденіи свашекъ и родственниковъ отправляется за водой къ ближайшему источнику, съ музыкой и пѣснями приноситъ воду гостямъ, которые даютъ ей деньги. У великороссовъ молодые отправляются доставать изъ колодезя воду. Въ это время къ колодцу сбѣгаются холостые и женатые, дѣвушки и женщины и выливаютъ изъ бадьи воду до тѣхъ поръ, пока ихъ не угостятъ виномъ. Въ Новгородской губерніи молодую посылаютъ за водой и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, молодая должна сходить за водой три раза же. У сербовъ оба молодые послѣ первой ночи ходятъ за водой. У башкиръ молодую водятъ на рѣку за водой съ коромысломъ, она при этомъ несетъ съ собою маленькую серебряную монету, привязанную на ниткѣ, и бросаетъ въ воду, какъ бы въ видѣ жертвы водяному духу. Эту монету обыкновенно ребятишки достаютъ изъ воды. У ингушей на Кавказѣ невѣста, взявъ кувшинъ и чашку съ блинами, отправляется въ сопровожденіи женщинъ къ рѣкѣ. Во время шествія всѣ поютъ пѣсни и играютъ на мѣстныхъ инструментахъ. Придя къ рѣкѣ, новобрачная прокалываетъ одинъ за другимъ блины и бросаетъ ихъ по одному въ рѣку, послѣ чего она черпаетъ воду и возвращается домой. У чувашъ молодая беретъ «челякъ» и идетъ на рѣчку за водой, а за ней идутъ и бѣгутъ маленькіе ребята и сестра новобрачнаго. Подходя къ водѣ, она ставитъ «челякъ» и сестра новобрачнаго вливаетъ воды, причемъ молодая опрокидываетъ «челякъ» до двухъ разъ, а въ третій съ налитымъ «челякомъ» возвращается домой. Тутъ кто-либо изъ стоящихъ подбѣгаетъ къ ней и выливаетъ воду изъ «челяка». Если молодая до-

глядитъ и не дастъ вылить воду, то обливаетъ этой водой. Снова зачерпываетъ въ четвертый разъ и идетъ уже домой, тогда уже никто не опрокидываетъ «челяка». Принесенною водою она поитъ всѣхъ, при чемъ говоритъ: «какъ вода эта свѣжа, такъ была бы и жена разумная, здоровая». У мордвы послѣ церковнаго обряда ведутъ невѣсту на рѣку, гдѣ она, поднявъ руки кверху, кланяется водѣ троекратно, а одинъ изъ мужчинъ держитъ на блюдѣ хлѣбъ и, отламывая отъ него кусочки, бросаетъ въ воду. У черемисъ Уфимской губерніи «ончышло-шогышо» ведетъ невѣсту за водой на рѣчку, чтобы указать ей дорогу. Въ рѣчку невѣста бросаетъ серебряную (старинную маленькую) монету. Потомъ, зачерпнувъ воды, даетъ кому-нибудь изъ сопровождающихъ дѣвушекъ нести. У черемисъ Царевококшайскаго уѣзда (Казанской губерніи) молодая идетъ за водой на колодецъ вмѣстѣ съ той дѣвицей, которая получила отъ дружки фату, и сопровождаемая сбѣжавшимися зрителями и дѣвушками, которымъ даетъ по двѣ бусинки. Также и въ колодецъ бросаетъ нѣсколько бусинокъ и монету въ двѣ копейки для задобриванія водяного духа, вычерпываетъ четыре бадьи и выливаетъ ихъ на всѣ четыре стороны, пятую же бадью выливаетъ въ ведра и несетъ домой. Въ другомъ мѣстѣ того же уѣзда, какъ только надѣнутъ на голову молодушки женскій уборъ, первымъ долгомъ она въ этомъ уборѣ идетъ за водой въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвушекъ. Пришедши къ роднику, бросаетъ въ него три зерна бисера, говоря: «ходить мнѣ (за водой) да будетъ спокойно, да не пристанетъ зло». Затѣмъ одаритъ бисеромъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя пришли за ней за водой. По возвращеніи оттуда, изъ принесенной воды варитъ лапшу. У бесерменъ на третій день послѣ свадьбы къ молодымъ приходятъ поѣзжане съ музыкантомъ и всѣ вмѣстѣ отправляются на рѣку или къ проруби, если дѣло происходитъ зимой. Здѣсь молодая бросаетъ въ воду кусокъ хлѣба, масло и мѣдную монету, произнося по-бесермenски слѣдующую фразу: «чтобы вода меня не пугала, обмывала и не хваталъ бы вумуртъ (водяной духъ)».

Черемисы Арбанской волости Н. Троицкой. Казань 1893 стр. 11; Религіозные обряды черемисъ. Свящ. Яковлева. Изд. Правосл Миссіоп. Общ. Казань 1887 стр. 60; Шейнъ, Бѣлор. матер. 1890 стр. 39, 218, 479 и 480; Ib. Русск. нар. пѣс. 1870 стр. 510; Вѣстн. Европы 1888 Ноябрь стр. 517; Этногр. Обозр. 1892 № 2 стр. 222; Ib. 1894 № 3 стр. 48; З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 17 в. 2 1878 стр. 109; Народы Россіи. Этн. очерк. Изд. редакц. Природа и люди. Спб. 1878 стр. 26 и 271; Живая Стар. 1891 в. 4 стр. 131—133; Ib. 1895 в. 1 стр. 25; Чубинск. т: 4, стр. 669; O. Kolberg. Pokucie 1 стр. 244, 263 и 269; Ib. Chełmskie 1 стр. 208, 280 и 304.

[66]) Хотя буквальнаго повторенія этого обычая у другихъ народовъ намъ не удалось подыскать, но близкихъ къ нему обычаевъ есть не мало. Прежде всего сюда нужно отнести обливаніе или окропленіе невѣстою всѣхъ присутствующихъ при обрядѣ хожденія ея на рѣку за водой или всѣхъ попадающихся при этомъ на встрѣчу. Какъ мы видѣли изъ предыдущаго примѣчанія (№ 65), такой обычай соблюдается у угро-руссовъ, у галицкихъ русинъ, у Люблинскихъ и Сѣдлецкихъ малороссовъ. Затѣмъ ближе всего по степени сходства стоитъ обычай чувашей поить

всѣхъ присутствующихъ водой, принесенной молодою съ колодца, и бѣлорусскій обычай, чтобы всѣ свадебные гости платили молодой деньги за принесенную ею воду. Еще ближе обычай Сѣдлецкихъ малороссовъ, чтобы въ этой водѣ мылись «бояры». Но ближе всего сюда стоитъ обычай великороссовъ Новгородской и Вологодской губерній. Въ первой изъ нихъ невѣста встрѣчаетъ жениха и сватовъ съ умывальникомъ и полотенцами и подаетъ имъ мыться. Въ Вологодской губерніи всѣ свадебные гости передъ «столованьемъ» умываются, получая воду изъ рукъ свахи, а полотенце изъ рукъ молодицы. Каждому умывающемуся молодица кланяется въ поясъ, а они ее дарятъ деньгами «за мыло». Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ той же губерніи гости, умывшись, получаютъ каждый рюмку водки изъ рукъ невѣсты и при этомъ цѣлуютъ ее. Этотъ обрядъ называется «мыльное цѣлованіе».

Шейнъ. Русск. народ. пѣсн. 1870 стр. 487; Сбор. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Росс. в. 2. Москва 1890 стр. 107.

[67]) Сравн. тотъ же обычай у болгаръ (Сборн. за народ. умотв. кн. 8, стр. 65). У турецкихъ сербовъ обвѣнчанныя осенью молодухи не посѣщаютъ церкви до 6-го декабря того же года.

[68]) Слово «качкын» сходно съ вотяцкимъ словомъ «куккон», тоже означающимъ кражу невѣсть. Интересно было бы изслѣдовать, не родственны ли они между собою въ филологическомъ отношеніи.

Сравн. кражу невѣстъ у гагаузовъ съ «бѣганьемъ» у болгаръ-помаковъ.

Верещагинъ. Вотяки Сосновскаго края. стр. 27; Сборн. за народ. умотв. кн. 7 стр. 50.

[69]) Не знаю, есть ли тотъ же обычай у задунайскихъ болгаръ, но у ближайшихъ сосѣдей нашихъ гагаузовъ, у Бендерскихъ болгаръ, онъ есть. Мнѣ удалось записать его въ болгарскомъ с. Кортинъ или Карютня. Что касается повѣрья о томъ, что женщина, перешедшая дорогу, предвѣщаетъ несчастье, то оно широко распространено. Для примѣра укажемъ на существованіе его у вотяковъ.

Верещагинъ. Вотяки Сосновскаго края, стр. 112.

[70]) Варіантъ того же вѣрованія смот. Zbiór. Wiadom. do Antr. т. 8, стр. 119.

В. А. Мошковъ.

Дѣвушки-гагаузки села Бешалма, Камратской волости, Бендерскаго уѣзда, въ своихъ праздничныхъ костюмахъ, съ золотыми ожерельями на шеѣ.

Мужчины-гагаузы села Бешалма, въ весеннихъ костюмахъ.

СМѢСЬ.

Странный обычай.

Съ давнихъ поръ существуетъ въ Мингреліи обычай брать изъ церквей иконы, которыя извѣстны въ народѣ своимъ чудотворнымъ дѣйствіемъ, для преданія проклятію ближняго изъ-за личныхъ малозначительныхъ въ бытовомъ отношеніи споровъ и раздоровъ. Недавно имѣлъ мѣсто такой случай въ Мингреліи, въ одномъ изъ селеній Сенакскаго уѣзда. Нѣкто Г., желая во что бы то ни стало присвоить себѣ участокъ земли, принадлежащій родственнику его Т., пустился на такую хитрость. Онъ отправилъ посредниковъ къ Т. съ порученіемъ передать тому, что онъ, Г., видѣлъ во снѣ, будто участокъ земли, которымъ владѣлъ Т., перешелъ въ его собственность, и потому онъ не можетъ допустить, чтобъ этотъ участокъ оставался въ пользованіи его теперешняго владѣльца. Если же Т. не согласится добровольно на передачу земли, то Г. грозилъ принести икону Георгія Побѣдоносца изъ Кулисъ-Кари Зугдидскаго уѣзда, и предать Т. анаѳемѣ въ присутствіи сельскаго общества. Присланные Г-мъ посредники явились къ Т. и объяснили, что въ томъ случаѣ, если Т. не исполнитъ требованія Г., то послѣдній можетъ принести изъ села Кулисъ-Кари чудотворный образъ Георгія Побѣдоносца и въ присутствіи общества проклянетъ своего родственника и весь его родъ. При такой угрозѣ, какъ мнѣ разъяснили, всякое требованіе, будетъ ли оно законно или незаконно, непремѣнно надо исполнить. Если же въ продолженіе 3 мѣсяцевъ со дня преданія анаѳемѣ, требованіе не будетъ исполнено добровольно, то лицо, обязанное возвратить требуемую вещь, сходитъ съ ума, начинаетъ бить себя плетью по спинѣ, вскрикивая: «освободи меня отъ проклятія». Въ концѣ-концовъ умалишенный направляется въ домъ проклявшаго его и удовлетворяетъ его требованіе, каково-бы оно ни было. Бываютъ будто-бы случаи, что преданный анаѳемѣ не лишается разсудка, но во всякомъ случаѣ тяжко заболѣваетъ. Правомъ брать икону изъ сел. Кулисъ-Кари пользуются всѣ, кто только пожелаетъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ п. г. дѣйствительно Г. принесъ икону Георгія Побѣдоносца изъ сел. Кулисъ-Кари въ сопровожденіи священника и старосты той же церкви и публично проклялъ родственника и весь его родъ. При этомъ многіе изъ присутствующихъ, заразившись примѣромъ, помня кое-какія обиды отъ своихъ сосѣдей и родныхъ, стали предавать анаѳемѣ другъ друга. Все

это по словамъ старожиловъ практикуется въ Мингреліи весьма часто. Пора положить конецъ существованію этого дурного обычая. Обычай разсчитанъ на невѣжество деревенскихъ жителей и несогласенъ съ духомъ христіанскаго ученія. Имя св. Георгія Побѣдоносца, конечно, употребляется всуе. Однако, довольно часто бываетъ, что лицо, преданное анаѳемѣ, отъ одной мысли о тяготѣющемъ надъ нимъ проклятіи, дѣйствительно лишается разсудка или тяжко заболѣваетъ.

А. Хахановъ.

Иранское выраженіе клятвы.

Когда современный персіянинъ хочетъ сказать, что онъ клянется, то употребляетъ старинное выраженіе: соугäнд (или гäсäм) мі-хорäм, т. е. буквально: «клятву ѣмъ». Современный потомокъ сарматовъ осетинъ, говорящій языкомъ иранской группы и сохранившій въ своемъ племенномъ имени (ірон лäг) названіе Ирана, такъ-же твердо помнитъ, что клятву *ѣдятъ*. Глаголъ «клясться» выражаетъ онъ словами: ард хуäрун (въ дигорскомъ нарѣчіи) и ард хäрун (въ иронскомъ), т. е. «*клятву ѣсть*». Какъ намъ осмыслить это выраженіе? Можно ли предположить, что племя иранское, создавшее этотъ образъ, повидимому въ глубокой древности, хотѣло выразить имъ, что давшій клятву долженъ глубоко воспринять ее, подобно пищѣ, какъ бы проникнуться ею, сознавая свою нравственную отвѣтственность? Едва-ли. Такая символика чужда первобытнымъ племенамъ. Едва-ли племени, создавшему это выраженіе, представлялось возможнымъ «ѣсть» что-нибудь невидимое, отвлеченное, а не матеріальное. Конечно, отмѣчаемый нами оборотъ языка представляетъ метонимію,—но не идущую далѣе той, которую мы употребляемъ постоянно, говоря, что выпили стаканъ воды, т. е. замѣняя содержимое содержащимъ. Нужно думать, что выраженіе «ѣсть клятву» указываетъ на какой-нибудь практиковавшійся при принесеніи клятвы обрядъ, при которомъ нѣчто дѣйствительно съѣдалось. Вспомнимъ, напримѣръ, распространенный у нѣкоторыхъ народовъ образъ братанія, заключавшійся иногда въ томъ, что клявшіяся во взаимной вѣрности лица выпускали себѣ изъ рукъ по нѣскольку капель крови, смѣшивали ихъ и вмѣстѣ выпивали, въ убѣжденіи, что такимъ путемъ они становились какъ-бы кровными родными. Подобный обычай у скиѳовъ подробно описываетъ Геродотъ въ слѣдующихъ словахъ (IV, 70): «Клятвенные договоры съ кѣмъ бы то ни было скиѳы совершаютъ такъ: въ большую глиняную чашу наливаютъ вина и примѣшиваютъ къ нему кровь договаривающихся, сдѣлавъ уколъ шиломъ или небольшой надрѣзъ ножемъ на тѣлѣ, затѣмъ погружаютъ въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и дротикъ. По совершеніи этого обряда они долго молятся, а затѣмъ пьютъ смѣсь какъ сами договаривающіеся, такъ и достойнѣйшіе изъ присутствующихъ». Имѣя въ виду описанный

обрядъ, можно бы сказать, что скиѳы *пили* клятву (кстати замѣтимъ, что перс. глаголъ хордан употребляется въ значеніи не только *ѣсть*, но и *пить*). Иллюстраціей этому извѣстію Геродота можетъ служить горельеѳъ на золотой пластинѣ изъ Кулобскаго кургана, изображающій двухъ обнявшихся скиѳовъ, держащихъ свободной рукой одинъ и тотъ-же сосудъ (ритонъ), изъ котораго собираются пить. Но для объясненія иранскаго выраженія «ѣсть клятву» можно припомнить еще слѣдующій обычай, отмѣченный классической древностью у тѣхъ же скиѳовъ, въ число которыхъ несомнѣнно вошли иранцы. Въ сочиненіи, приписываемомъ Лукіану Самосатскому «Токсарисѣ», приводится разсказъ о скиѳѣ Арсакомѣ (носящемъ имя, звучащее по-ирански), который, съ цѣлью добыть себѣ помощниковъ для дѣла личной мести, прибѣгъ къ распространенному у скиѳовъ обычаю «сидѣнія на шкурѣ». Обычай этотъ заключается въ слѣдующемъ: «если кто-нибудь, потерпѣвъ отъ другого обиду, захочетъ отомстить за нее, но увидитъ, что онъ самъ по себѣ недостаточно силенъ для этого, то онъ приноситъ въ жертву быка, разрѣзываетъ на куски его мясо и варитъ ихъ, а самъ, разостлавъ на землѣ шкуру, садится на нее, заложивъ руки назадъ, подобно тѣмъ, кто связанъ по локтямъ. Это считается самой сильной мольбой. Родственники сидящаго и вообще всѣ желающіе подходятъ, берутъ каждый по части лежащаго тутъ бычачьяго мяса и, ставши правою ногою на шкуру, обѣщаютъ, сообразно со своими средствами, одинъ доставить безплатно пять всадниковъ на своихъ харчахъ, другой—десять, третій—еще больше, иной—оплитовъ или пѣшихъ сколько можетъ, а самый бѣдный—только самого себя. Такимъ образомъ у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крѣпко и для враговъ непобѣдимо, какъ связанное клятвой, ибо вступленіе на шкуру равносильно клятвѣ» [1]).

Итакъ, величайшая клятва-присяга, приносимая однимъ скиѳомъ другому въ томъ, что онъ будетъ ему неизмѣннымъ помощникомъ, сопровождалась тѣмъ, что присягающій бралъ въ руки кусокъ свареннаго мяса жертвеннаго животнаго и, конечно, съѣдалъ его, становясь такимъ образомъ какъ бы кунакомъ жертвоприносителя. Лукіанъ здѣсь описываетъ клятву, даваемую съ цѣлью совмѣстно отомстить за обиду, нанесенную Арсакому. Но едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что присяга и въ другихъ случаяхъ сопровождалась у скиѳовъ обрядовымъ вкушеніемъ жертвенной пищи, и что такой обрядъ южно-русскихъ кочевниковъ того времени (2-го в. по Р. Х.), среди которыхъ въ настоящее время несомнѣнно доказано присутствіе иранскаго элемента, можетъ служить къ объясненію метонимическаго выраженія «ѣсть клятву», сохранившагося до нашихъ дней въ ново-иранскихъ языкахъ—персидскомъ и осетинскомъ.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) См. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русс. переводомъ В. В. Латышевъ, т. I., вып. 3-й, стр. 557.

Вѣрованія русскаго народа въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

I. Видимыя явленія природы по повѣрьямъ простого народа.

Кометы. Кометы являются отъ дьявола и считаются живыми существами: зміями или нечистыми. По мнѣнію простолюдина, онѣ оборачиваются въ людей и живутъ съ женщинами.

Звѣзды. Паденіе звѣздъ соотвѣтствуетъ смерти человѣка, поэтому, когда падаетъ звѣзда, наиболѣе суевѣрные люди крестятся и говорятъ: «царство небесное».

Млечный путь является дорогой, которая показываетъ прямой путь отъ Москвы чрезъ Кіевъ и на Іерусалимъ.

Радуга. Радуга—это насосъ для воды; она во время дождя опускается концами въ моря и вбираетъ въ себя воду,—чрезъ это является на землю дождь. О появленіи радуги никто не можетъ знать, кромѣ Бога.

Сѣверное сіяніе. Сѣверное сіяніе предвѣщаетъ несчастные случаи, какъ-то: кровопролитную войну, землетрясеніе и другія ужасныя бѣдствія.

Затменіе солнца. Затменіе солнца происходитъ неизвѣстно отчего, но считается наказаніемъ Божіимъ, и когда происходитъ полное затменіе, зажигаютъ предъ иконами свѣчи и съ трепетомъ и слезами молятъ Бога, чтобы Богъ отвратилъ ожидаемое наказаніе.

Гроза. Громъ происходитъ неизвѣстно отъ чего, но, между прочимъ, полагаютъ, что въ небесахъ ѣздитъ Илья-пророкъ на огненной колесницѣ за бѣсами, которыхъ и убиваетъ стрѣлами [1]); бѣсы прячутся въ какія-нибудь щели и трещины; отъ этого происходитъ блескъ молніи. Во время сильной грозы люди приходятъ въ ужасъ, запираютъ окна и двери, забиваютъ чѣмъ-нибудь какія есть щели, прикрываютъ посуду и крестятся, дабы бѣсъ не приблизился къ крестящемуся человѣку. Людей, убитыхъ грозою, считаютъ великими грѣшниками. Пожаровъ, происходящихъ отъ грозы, тушить нельзя, ибо крестьяне полагаютъ, что если таковой пожаръ будутъ тушить, то тѣмъ болѣе будетъ онъ распространяться. Когда услышатъ весной первую грозу, то спѣшатъ умыться водой, надѣясь вполнѣ, что вода послѣ первой грозы должна быть цѣлительной.

II. Вѣрованія въ нечистую силу, колдуновъ и знахарей.

Лѣса, воды, поля, болота и дома, по мнѣнію мѣстныхъ людей, заселены нечистыми духами.

Лѣшіе. Лѣшіе имѣютъ видъ огромныхъ великановъ, издали похожихъ на человѣка (вблизи ихъ не видно). Одежда на лѣшемъ бѣлая. По разсказамъ нѣкоторыхъ, лѣшій достигаетъ въ вышину аршинъ десяти, быть можетъ, и

---

[1]) Стрѣлами у насъ называются голышки, похожіе на оселокъ. У нѣкоторыхъ деревенскихъ бабокъ этихъ голышковъ бываетъ много и они ими лѣчатъ больныхъ. См. ниже.

болѣе; большей частью, лѣшіе представляются людямъ невидимыми. Многіе крестьяне разсказываютъ, какъ лѣшій въ темную ночь сбивалъ съ дороги и водилъ «до первыхъ пѣтуховъ», т. е. до полночи, а когда прокричатъ пѣтухи, то заблудившійся уже легко находитъ дорогу; лѣшій, какъ думаютъ, послѣ первыхъ пѣтуховъ исчезаетъ неизвѣстно куда.

Русалки. Кромѣ лѣшихъ, въ лѣсахъ водятся, говорятъ, русалки; онѣ имѣютъ видъ красной дѣвицы. Русалки—это обыкновенно тѣ же деревенскія дѣвушки, пропавшія куда-то безъ вѣсти, благодаря проклятію своихъ матерей. Онѣ нападаютъ на человѣка неожиданно и могутъ его защекотать до смерти. Въ описываемой мѣстности русалокъ нѣтъ. Старые люди разсказываютъ, что русалки водились только тогда, когда было здѣсь много лѣса.

Водяной. Въ рѣкахъ, по вѣрованію простого народа, водится также нечистая сила, а именно: водяной. Многіе говорятъ, что онъ съ рогами и длиннымъ хвостомъ, т. е. похожъ на черта. Болѣе суевѣрные люди ходятъ купаться на рѣку цѣлой гурьбой и считаютъ опаснымъ купаться въ полдень или ночью, или когда нибудь одному.

Колдуны и вѣдьмяки. Колдуны, по мнѣнію этихъ людей, входятъ въ сношеніе съ нечистымъ, посредствомъ котораго «человѣкъ» (колдунъ) и причиняетъ вредъ другимъ людямъ. Желающій сдѣлаться колдуномъ долженъ войти ночью куда-нибудь за черту деревни на перекрестную дорогу, гдѣ будто бы нечистый и входитъ въ сношеніе съ нимъ, и онъ съ того времени дѣлается колдуномъ. Кромѣ того, бываютъ еще природные колдуны, которые называются «вѣдьмаками»; у нихъ, какъ полагаютъ крестьяне, есть хвосты. Вѣдьмяки служатъ знахарями и «лѣчейками» для простого народа. Когда случится какое- нибудь горе: заболѣетъ ли человѣкъ, или домашнее животное, украдутъ ли воры что-нибудь и т. п., то прибѣгаютъ къ помощи вѣдьмяковъ; конечно, вѣдьмякъ не упускаетъ своей добычи, т. е. наживается, какъ ему вздумается. Вмѣсто того, чтобы внушить и наставить темнаго человѣка на хорошій путь, онъ сознательно поддерживаетъ его невѣжество, даетъ «нашоптаной воды» и говоритъ: «пріѣзжай тогда-то и тогда-то, виновникъ твоего несчастья непремѣнно окажется». Такимъ образомъ, нѣкоторые крестьяне посѣщаютъ вѣдьмяковъ нѣсколько разъ въ году и, конечно, всякій разъ съ вознагражденіемъ. По разсказамъ многихъ, колдуны умираютъ мученической смертью: мечутся во всѣ стороны, сами себя дерутъ за волосы и т. п. Когда умретъ человѣкъ, слывшій у крестьянъ за колдуна, то многіе крестьяне нѣкоторое время боятся даже выйти изъ хаты, особенно въ ночное время, потому что колдунъ встаетъ изъ могилы и ходитъ. Если-же этого не замѣчается, то говорятъ, что родственникъ колдуна (сынъ, дочь и др) будто бы ходилъ къ священнику, который и заклялъ колдуна. Есть мнѣніе, что священникъ будто бы ходитъ (если его просятъ) на могилу колдуна и вбиваетъ осиновый колъ въ средину могилы. Кромѣ колдуновъ, есть еще «лѣчейки». Если заболѣетъ человѣкъ или скотина, то обращаются нерѣдко къ такимъ лѣчейкамъ. У лѣчейки имѣются кремешки, которые называются «стрѣлками»; эти стрѣлки, будто бы, падаютъ съ неба

во время грозы, а потому считаются цѣлительными. Лѣчейка, когда приходятъ больные, черпаетъ кружку холодной воды и кладетъ въ нее стрѣлки, потомъ молится Богу и читаетъ молитвы. Затѣмъ онъ набираетъ изъ кружки воды въ ротъ и ею брызгаетъ больного, потомъ уже даетъ изъ кружки же пить больному. Наконецъ, онъ вынимаетъ изъ кружки стрѣлки и дѣлаетъ ими крестобразные уколы на тѣлѣ больного.

Петръ Юшинъ.

Кликуши.

(Изъ матеріаловъ А. Н. Минха).

Интересное, но мало изслѣдованное въ научномъ отношеніи явленіе составляли въ русскомъ народѣ, во время крѣпостного права, *кликуши*; замѣчательно, что *кликаніе* развито было лишь въ чисто-русскомъ населеніи, преимущественно у крѣпостныхъ; между малороссіянами же *кликушъ* совершенно не было. *Кликаніе*—истерическій прерывистый крикъ часто судорожный, съ корчею, считаетъ нашъ народъ *порчей* колдуновъ и знахарей. Въ архивѣ бывшаго Вольскаго нижне-земскаго суда есть дѣло 1820 г. о крестьянинѣ д. Малой Быковки Лукьяновѣ, деревенскомъ знахарѣ, лѣчившемъ *наговорною водою* людей и скотъ: однажды, въ 1819 г., на зимнихъ посидѣлкахъ, въ домѣ крестьянина Семенова, онъ ударилъ по плечу рукою дочь крестьянина Андреева, Пелагею, послѣ чего она стала чувствовать себя нездоровою, начала *кликать* и много разъ «*выкликала*» имя Лукьянова, какъ виновника порчи; поэтому онъ подозрѣвался въ 1820 г. Мало-Перекопновскимъ волостнымъ правленіемъ, что напустилъ въ д. Быковкѣ на людей болѣзнь: «родъ нѣкотораго сумасшествія». Чтобы не было въ домѣ *кликушъ*, русскія крестьянки (Аткарскій уѣздъ) даже въ позднѣйшее время запасаются въ церкви изъ кадила *херувимскимъ ладаномъ*, т. е. остатками ладана, употреблявшагося во время херувимскаго пѣнія, а также лоскутами старой священнической эпитрахили, окуривая этимъ *кликушъ* и страдающихъ головной болью.

Кликуши были очень часты въ крѣпостное время, когда большая часть лѣнивыхъ бабъ притворялась испорченными, чтобы не ходить на барщину; ихъ пронзительный, судорожный крикъ, лаяніе, кудахтаніе часто раздавались въ деревенскихъ церквахъ во время Херувимской и передъ причастіемъ; теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, *кликуши* стали рѣдки.

Кликуши были въ отдаленную старину на Руси: изъ дѣлъ бывшаго Вольскаго духовнаго правленія видно, что 13 мая 1773 г. послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода о воспрещеніи духовенству пѣть молебны и читать слово

Божіе (народъ называетъ это «отчитывать») надъ *кликушами* и прочими порченными, о которыхъ, какъ выражается Синодъ, «не иное должно имѣть разсужденіе, какъ о прямомъ притворствѣ, и обманѣ, и суевѣріи». Но нельзя вполнѣ согласиться съ этимъ убѣжденіемъ Синода: много было притворявшихся женщинъ, но много было и нервно-разстроенныхъ, что доказывали неестественныя судороги, пѣна у рта и искаженныя лица кликушъ, которыхъ мнѣ самому доводилось видѣть въ моей молодости [1]).

Изъ преданій и легендъ крестьянъ Васьяновской волости, Кадниковскаго уѣзда.

(Запис. А. Д. Неуступовымъ).

О причинѣ основанія мѣстнаго приходскаго (Вассіано-Кубеницкаго) храма имѣется слѣдующее преданіе: въ дер. Цѣцовѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь видѣются курганы, когда-то стоялъ теремъ князя Пѣнкина. Этотъ князь и его сыновья, Василій и Иванъ, очень любили охоту. Однажды молодые князья отправились на охоту; много князья побили всякаго звѣря и заблудились; два дня не могли найти ни дороги, ни знакомаго мѣста, на третій день они дали Богу обѣтъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые найдутъ дорогу, выстроить храмъ. Послѣ этого обѣта князья вышли на знакомый берегъ рѣки Кубины. Далѣе преданіе говоритъ: «выборъ святого, въ честь котораго основанъ храмъ, произошелъ отъ слiянія двухъ именъ князей (Василій и Иванъ:Вассіанъ).

О выборѣ крестьянами дер. Зарубина мѣста для постройки часовни въ честь великомуч. Екатерины имѣется такое преданіе. «Давно, давно, въ полѣ крестьянъ, близъ небольшой горки, у ключевого источника явилась икона великомуч. Екатерины. Крестьяне стали строить часовню въ честь явившейся иконы на мѣстѣ ея явленія. Когда прошла первая ночь постройки и наступило утро, крестьяне увидали постройку на горкѣ; подивились чуду, но однако, продолжали постройку на старомъ мѣстѣ. Въ слѣдующую ночь случилось то же, что и въ первую, и такъ до трехъ разъ. Подумали крестьяне и рѣшили, что горка—мѣсто угодное Богу для постройки часовни и начали строить на горкѣ.

По дорогѣ отъ с. Ивачина къ дер. Маньково есть часовня, которая стоитъ на болотѣ. По преданію часовня эта основана княземъ Иваномъ Васильевичемъ Пѣнкинымъ и вотъ почему: однажды князь, проѣзжая

---

[1]) Вопросу о кликушахъ г. *А. Климентовскій* посвятилъ еще въ 1860 г. въ „Московской Медицинской Газетѣ“ № 25—32, довольно пространный очеркъ, вышедшій отдѣльно (Моск. 1860). подъ загл.: „Кликуши“. Очень интересная статья *И. Прыжова*: „Русскія кликуши“ помѣщена въ „Вѣстн. Европы“ 1868 г., стр. 641—672 со многими библіографическими указаніями.

Н. Я.

этимъ болотомъ, сильно увязъ со своимъ конемъ и испугался такъ сильно, что далъ обѣщаніе выстроить на болотѣ часовню, если онъ не потонетъ; таковой обѣтъ и былъ имъ исполненъ.

Противъ с. Ивачина, на той сторонѣ рѣки Кубины, стоитъ сосновый боръ. По преданію, раньше не было этого бора, а было большое поселеніе, но пришли разбойники и разорили его до тла. Тогда однимъ старцемъ было предсказано: хотя это поселеніе разорено, но будетъ время, на этомъ мѣстѣ поселится большой богатый городъ.

Богъ начерталъ на землѣ образъ человѣка и приставилъ къ нему собаку стражемъ. Приходитъ къ собакѣ чортъ и, искушая ее, говоритъ: «ты оставь, собака, свою стражу, ты сейчасъ ничѣмъ не прикрыта, а я тебѣ за это дамъ шубу». Собака поколебалась и отошла отъ начертаннаго Богомъ образа человѣка. Тогда чортъ схватилъ копье и нанесъ имъ начертанному человѣку семьдесятъ ранъ; Господь увидѣлъ это и сотворилъ противъ этихъ ранъ семьдесятъ цѣлебныхъ травъ.

Богъ построилъ престолъ на востокѣ, а чортъ пошелъ противъ Бога и построилъ престолъ на западѣ. Богъ еще построилъ престолъ на востокѣ, а чортъ еще на западѣ. Такъ Богъ и чортъ построили по восьми престоловъ; Богъ на востокѣ, а чортъ на западѣ. Богъ построилъ девятый престолъ на востокѣ да и зааминилъ, и нельзя стало болѣе чорту строить престолы.

Критика и библіографія.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. ***Могильники сѣвернаго Кавказа. Графини Уваровой*** (съ приложеніемъ карты, 134 таблицъ и 316 цинкографій. М. 1900 г. стр. XII+381 in Q-to.

Неутомимая изслѣдовательница Кавказа графиня П. С. Уварова, еще недавно помѣстившая въ томъ же изданіи обширную монографію о христіанскихъ памятникахъ Кавказа (Вып. IV), снова выступаетъ въ археологической литературѣ съ капитальнымъ трудомъ, заглавіе котораго нами выписано выше. Первое знакомство съ памятниками Кавказской старины началось для графини Уваровой съ 1879 года, когда она помогала покойному супругу своему графу А. С. Уварову въ его раскопкахъ Кавказскихъ могильниковъ. Съ тѣхъ поръ графинѣ пришлось совершать многократныя поѣздки въ этотъ край, столь заманчивый для археологовъ и этнографовъ. Плодомъ многолѣтнихъ упорныхъ занятій кавказскими древностями являются собственныя богатыя археологическія коллекціи, добытыя графинею изъ раскопокъ и значительно приумножившія собранія, добытыя покойнымъ графомъ. Благодаря собственнымъ многочисленнымъ раскопкамъ сѣверо-кавказскихъ могильниковъ и полному знакомству со всѣми изслѣдованіями, производившимися въ той же области русскими и иностранными археологами, авторъ для своего труда располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, значительно превышающимъ тотъ, которымъ могли пользоваться Шантръ и Вирговъ. Не ограничиваясь тщательнымъ изученіемъ предметовъ изъ коллекціи покойнаго графа и собственнаго собранія, графиня основательно ознакомилась съ археологическими предметами изъ изслѣдуемой ею области, хранящимися въ русскихъ и иностранныхъ музеяхъ (въ Москвѣ, Петербургѣ, Тифлисѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, С. Жерменѣ, Ліонѣ), и это детальное изученіе всего до сихъ поръ собраннаго сѣверо-кавказскаго матеріала, въ связи съ однородными предметами другихъ культуръ въ европейскихъ археологическихъ музеяхъ, дало ей возможность во многихъ вопросахъ критически провѣрить выводы Виргова, Шантра и другихъ изслѣдователей и нерѣдко ступать болѣе твердо, чѣмъ они, въ опредѣленіи періодовъ, культурныхъ вліяній, сходства, различій и проч. Съ мнѣніями гр. Уваровой, высказываемыми всегда скромно, осторожно

и подкрѣпляемыми солиднымъ арсеналомъ фактовъ, придется считаться всякому изслѣдователю сѣверо-кавказскихъ древностей, а ея описанія памятниковъ отличаются такой тщательностью и детальностью, которая должна удовлетворить самаго требовательнаго археолога.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ поставилъ себѣ цѣлью издать описаніе вообще *могильниковъ* Кавказа и что разсматриваемый томъ представляетъ начало цѣлой серіи. За могильниками Сѣвернаго Кавказа послѣдуетъ: 2) Черноморскій округъ, или западное побережье Кавказа, 3) Дагестанъ или побережье Каспійскаго моря, 4) Закавказье и 5) Кавказское предгорье и степи, къ нему прилегающія. Такимъ образомъ, въ задуманномъ графиней Уваровой трудѣ будетъ собранъ воедино громадный археологическій матеріалъ, который познакомитъ насъ съ различными періодами древняго быта кавказскихъ народностей, на сколько онъ обнаруживается въ могильномъ инвентарѣ, добытомъ раскопками. При крайней скудости а, большей частью, и при полномъ отсутствіи историческихъ данныхъ археологія въ данномъ случаѣ является главнымъ источникомъ для знакомства съ древнимъ культурнымъ состояніемъ кавказскихъ племенъ и, быть можетъ, для рѣшенія нѣкоторыхъ историческихъ и этнографическихъ вопросовъ. Въ виду тѣсной связи археологіи съ этнографіей, рецензія труда, изданнаго гр. Уваровой, должна найти себѣ мѣсто на страницахъ «Этнограческаго Обозрѣнія».

Разсматриваемый выпускъ обнимаетъ могильники всѣхъ частей Осетіи (Тагауріи, Куртатіи, Дигоріи), области, изслѣдованной лучше другихъ на всемъ Кавказѣ. Сюда входитъ между прочимъ Кобанскій могильникъ, получившій европейскую извѣстность, благодаря раскопкамъ и изслѣдованіямъ Виргова и Шантра. За Осетіей слѣдуетъ Чечня, Ичкерія и горскія общества Кабарды. Далѣе нѣсколько страницъ посвящены случайнымъ находкамъ отдѣльныхъ предметовъ въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа. Въ приложеніи помѣщено антропологическое описаніе череповъ, добытыхъ въ могильникахъ, сдѣланное такимъ опытнымъ краніологомъ, каковъ А. А. Ивановскій и подтверждающее разноплеменность древняго населенія Кавказа. Наконецъ въ послѣсловіи авторъ дѣлаетъ попытку распредѣлить изслѣдованные имъ могильники съ ихъ культурой по періодамъ, съ цѣлью дать читателю возможность хотя бы приблизительно оріентироваться въ богатомъ археологическомъ матеріалѣ, добытомъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Къ *древнѣйшему* періоду гр. Уварова относитъ могильникъ Кобани съ его, главнымъ образомъ, бронзовой культурой, съ признаками перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. «Вирговъ считаетъ его принадлежащимъ къ X в. до Р. X.; Шантръ сравниваетъ Кобань съ Гальштатомъ, но, по мнѣнію гр. Уваровой, простое сличеніе вещей того и другого могильника уничтожаетъ возможность подобнаго опредѣленія и выдѣляетъ могильникъ Кобани въ совершенно отдѣльную группу (стр. 361). На вещахъ этого могильника замѣтно яркое вліяніе восточной, точнѣе ассирійской культуры, которая съ періода войнъ ассирійскихъ царей съ царями Урартійцевъ, владѣвшими Арменіей раньше арійской колонизаціи этой страны, могла проникнуть и въ предѣлы Кав-

каза *). Гр. Уварова отмѣчаетъ ассирійское вліяніе въ орнаментикѣ Кобанскихъ бронзовыхъ топоровъ, въ формѣ стрѣлъ, удилъ, въ типахъ нѣкоторыхъ туалетныхъ принадлежностей и другихъ предметовъ (стр. 363—365). Глубокая древность могильника подтверждается также погребеніемъ покойниковъ въ утробномъ положеніи и составомъ бронзы. Ко *второму* отдѣлу—эпохѣ появленія желѣза—Гр. Уварова относитъ могилы-колодцы Кобани, часть извѣстнаго клада, найденнаго близъ станціи Казбека (покойнымъ Г. Филимоновымъ), могильникъ въ Фаскау, верхніе слои Кобанскаго могильника съ бронзовыми сосудами. *Третій* отдѣлъ, опредѣляемый послѣдними столѣтіями до Р. Х., весьма скуденъ, зато *четвертый*—первые шесть или семь вѣковъ нашей эры—весьма обиленъ по числу предметовъ и представляетъ расцвѣтъ той культуры, которую западные ученые называютъ то меровингской, то готской, но которая по изученному графиней матеріалу, если не зародилась, то, по крайней мѣрѣ, развилась и бытовала въ горахъ и ущельяхъ Дигоріи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Отдѣлъ *пятый*—время отъ VIII по XIII в.— такъ же богатъ и разнообразенъ, какъ предыдущій. Наконецъ въ отдѣлѣ *шестомъ*—не опредѣляемомъ авторомъ хронологически, а называемомъ восточнымъ, сгруппированы нѣкоторые головные уборы и поливные сосуды изъ могильниковъ Махческа и Дергавса и другіе предметы восточнаго типа. На послѣднихъ страницахъ графиня сообщаетъ свои соображенія о кавказскихъ бусахъ и дѣлаетъ обзоръ способовъ погребенія, констатированныхъ въ сѣверо-кавказскихъ могильникахъ. Распредѣленіе разсмотрѣнныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги предметовъ по намѣченнымъ авторомъ отдѣламъ облегчается приложеннымъ въ концѣ предметнымъ указателемъ.

Вообще нельзя не отмѣтить, что этотъ обильный содержаніемъ и прекрасно изданный трудъ, принадлежащій лучшему у насъ знатоку кавказскихъ древностей, вноситъ яркій свѣтъ въ изученіе быта населенія Сѣвернаго Кавказа, уясняя культурныя вліянія, испытанныя имъ въ разные періоды, и, при скудости историческихъ данныхъ, можетъ содѣйствовать рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ по исторической этнографіи этого края.

Вс. М.

Dr. H. I. Nieboer. Slavery as an industrial system. Ethnological researches. *The Hague 1900. XXVII+ 474 p.p.*

Вышедшая въ прошломъ году книга Нибура заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія. О ней мало сказать, что она представляетъ лучшую работу по исторіи рабства у первобытныхъ народовъ. Сравнительная оцѣнка въ данномъ случаѣ не имѣетъ большого значенія, такъ какъ сравнивать книгу Нибура можно только съ «L'evolution de l'esclavage»

*) Не совсѣмъ точно указаніе на покореніе Египта ассирійскимъ царемъ Саргономъ (721—704), такъ какъ его столкновеніе съ Египтянами ограничилось побѣдой, одержанной имъ надъ ними и ихъ союзниками филистимлянами при Рафіи, къ югу отъ Газы.

Летурно, представляющей, собственно говоря, плохо систематизированную сводку сырого матерьяла, случайно подобраннаго и не всегда провѣреннаго критически. Другое сочиненіе о рабствѣ, затрогивающее и первобытные народы, «Histoire de l' esclavage ancien et moderne» A. Tourmagne'я, судя по отзывамъ о немъ Ингрэма и самого Нибура, еще болѣе неудовлетворительно, чѣмъ книга Летурно. Кромѣ того отдѣльныя замѣчанія о рабствѣ можно найти и въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи первобытной культуры, напр., въ «Kulturgeschichte der Menschheit» Липперта или въ «Очеркахъ первобытной экономической культуры» Н. И. Зиберта, но эти замѣчанія, иногда очень интересныя, всеже, благодаря своей неполнотѣ и отрывочности, отнюдь не могутъ замѣнить спеціальнаго изслѣдованія, да и не претендуютъ на такую роль.

Съ другой стороны, работа Нибура имѣетъ значеніе не только какъ попытка освѣтить мало изслѣдованный вопросъ о первобытномъ рабствѣ; она интересна для насъ и въ методологическомъ отношеніи, какъ образецъ строго научнаго изслѣдованія. Нибуръ ставитъ себѣ цѣлью не простое *описаніе* рабства у первобытныхъ народовъ, а соціологическое *изслѣдованіе* его, т. е. выясненіе причинъ, управляющихъ даннымъ явленіемъ, его общаго значенія въ соціальной эволюціи человѣчества, условій благопріятныхъ или неблагопріятныхъ ему, и т. д.,—задача очень трудная, но авторъ отнесся къ ней съ надлежащей серьезностью и, дѣйствительно, далъ намъ не простое описаніе, а строго научное изслѣдованіе.

Большинство работъ по исторіи первобытной культуры страдаютъ несовершенствомъ примѣняемыхъ въ нихъ научныхъ пріемовъ. Нужный фактическій матерьялъ подбирается очень несистематически и односторонне, а построенные на немъ выводы страдаютъ полной бездоказательностью. Обыкновенно авторъ выставляетъ извѣстное положеніе, а затѣмъ не столько доказываетъ, сколько иллюстрируетъ его соотвѣтственными фактами, при этомъ нерѣдко совершенно игнорируется вопросъ о цѣнности этихъ фактовъ, о степени ихъ распространенности, о точности показаній того или другого первоисточника и т. п.; факты, не укладывающіеся въ готовую схему, или просто обходятся молчаніемъ, или подвергаются какому-нибудь произвольному толкованію. Въ лучшемъ случаѣ намъ даются только возможныя объясненія затронутыхъ явленій, а такъ какъ возможнымъ объясненіямъ просторъ предоставленъ очень широкій, то научное значеніе ихъ не особенно велико. Рѣзче всего сказалась невыработанность научныхъ пріемовъ изслѣдованій въ вопросѣ о развитіи первобытной семьи; здѣсь мы имѣемъ великое множество самыхъ разнообразныхъ и произвольныхъ гипотезъ, въ которыхъ въ концѣ концовъ становится трудно разбираться. Вполнѣ понятно, что именно въ этой области и стали прежде всего раздаваться голоса противъ прежнихъ ненаучныхъ пріемовъ изслѣдованія и требованія болѣе строгой аргументаціи. Но исторія семьи не представляетъ исключенія; указанными недостатками страдаетъ вся исторія первобытной культуры, и только въ послѣдніе годы замѣчается поворотъ къ лучшему, однимъ изъ яркихъ проявленій котораго служитъ книга Нибура.

Прежде всего Нибуръ обращается къ самому термину «рабство», выясняетъ, что обыкновенно подразумѣваютъ подъ нимъ ученые изслѣдователи и простая публика, даетъ собственное опредѣленіе рабства и устанавливаетъ его отличіе отъ близкихъ явленій (крѣпостничества, подчиненнаго положенія женщинъ и дѣтей и т. п.). Этимъ вопросамъ Нибуръ посвящаетъ 39 страницъ, и такая обстоятельность въ данномъ случаѣ была вполнѣ необходима. Невыработанность терминологіи вообще представляетъ слабую сторону общественныхъ наукъ, и чѣмъ шире употребленіе какого-нибудь термина, тѣмъ разнообразнѣе содержаніе, вкладываемое въ него различными авторами. Къ числу такихъ широко распространенныхъ и особенно неустановившихся терминовъ принадлежитъ и слово «рабство», а потому Нибуръ былъ вполнѣ правъ, не только подробно выясняя, что онъ самъ подразумѣваетъ подъ даннымъ терминомъ, но и анализируя обычное ходячее пониманіе его. Послѣднее было необходимо для нашего автора затѣмъ, чтобы установить то или другое опредѣленное отношеніе къ показаніямъ источниковъ, которые вкратцѣ упоминаютъ про существованіе рабства у какого-нибудь народа, но при этомъ не даютъ никакихъ подробностей. При отсутствіи какихъ-бы то ни было другихъ данныхъ, Нибуръ относится къ подобнымъ сообщеніямъ съ большой осторожностью и не придаетъ имъ важнаго значенія, такъ какъ при неустановленности въ широкихъ кругахъ термина «рабство» очень многія данныя говорятъ за то, что такой-то авторъ могъ подразумѣвать подъ рабствомъ совсѣмъ не то, что подразумѣваетъ подъ нимъ самъ Нибуръ. Но зато къ противоположнымъ утвержденіямъ онъ относится съ гораздо большимъ довѣріемъ. Разъ какой-нибудь путешественникъ категорически заявляетъ, что рабства у даннаго народа не существуетъ, то хотя бы онъ и не приводилъ никакихъ подробностей, на его отзывъ всеже можно въ извѣстной степени положиться. Обычное содержаніе термина «рабство» гораздо шире содержанія, вкладываемаго въ него Нибуромъ, и потому можно съ значительной долей увѣренности предполагать, что отрицаніе у даннаго народа рабства предполагаетъ отрицаніе и того, что подразумѣваетъ подъ рабствомъ Нибуръ. Рабомъ онъ называетъ такого человѣка, который составляетъ собственность другого и обязанъ работать на него; обязательный трудъ представляетъ самую главную, даже исключительную функцію рабства и потому тамъ, гдѣ не онъ является главнымъ связующимъ звеномъ между двумя лицами, мы уже имѣемъ дѣло не съ рабствомъ, а какимъ-либо другимъ явленіемъ. Поэтому Нибуръ строго обособляетъ отъ рабства зависимость женщинъ; послѣднія подчинены мужьямъ и обязаны работать на нихъ, но главная ихъ функція все-таки быть женами и матерями.

Далѣе въ книгѣ слѣдуетъ обширная описательная глава, посвященная вопросу о географическомъ распредѣленіи рабства (стр. 40—165). Объ этой главѣ мы поговоримъ подробнѣе дальше, а теперь ограничимся нѣсколькими словами. Въ общемъ и въ данномъ случаѣ авторъ отнесся къ своей задачѣ очень добросовѣстно. Имъ собранъ довольно обширный матерьялъ и, за нѣкоторыми исключеніями, авторъ старался подвергнуть его критической провѣркѣ. Обращался онъ преимущественно къ лучшимъ

источникамъ, провѣрялъ показанія одного показаніями другого, взвѣшивалъ цѣнность отдѣльныхъ сообщеній и въ концѣ концовъ строго обособляетъ тѣ факты, которые ему кажутся вполнѣ доказанными, отъ тѣхъ, которые можно принять только съ большей или меньшей долей вѣроятности. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи онъ пользуется исключительно фактами перваго рода. Такъ какъ Нибуръ ограничиваетъ рамки своего изслѣдованія одними лишь некультурными народами, то онъ игнорируетъ такія рабовладѣльческія племена, относительно которыхъ есть данныя, заставляющія думать, что рабство развилось у нихъ подъ вліяніемъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Съ другой стороны, онъ относитъ къ числу рабовладѣльческихъ народовъ и такіе, у которыхъ въ настоящее время рабство, правда, не существуетъ, но которые несомнѣнно были знакомы съ этимъ институтомъ и утратили его только въ силу воздѣйствія извнѣ.

Какъ видно уже изъ заглавія книги Нибура, онъ разсматриваетъ рабство только какъ экономическое явленіе; бытовая и моральная сторона вопроса остаются у него безъ всякаго разсмотрѣнія; кое-какія отрывочныя замѣчанія можно найти, конечно, и по этому поводу, но именно только отрывочныя замѣчанія, вызываемыя тѣми или другими посторонними соображеніями. Поступаетъ такъ авторъ, конечно, не потому, чтобы считалъ экономическую сторону рабства единственной заслуживающей вниманія, а исключительно въ силу практическихъ соображеній, и такой пріемъ надо признать имѣющимъ за себя извѣстныя основанія. Оставляя въ тѣни моральное значеніе рабства и его взаимоотношенія съ тѣмъ или другимъ уровнемъ нравственной культуры, Нибуръ не можетъ дать полной картины рабства, но зато получаетъ возможность сконцентрировать свое вниманіе на сравнительно немногихъ пунктахъ и придти здѣсь уже къ гораздо болѣе точнымъ и опредѣленнымъ выводамъ.

Вторая и гораздо большая часть книги имѣетъ теоретическій характеръ; здѣсь авторъ берется за свою главную задачу дать соціологическое изслѣдованіе, т. е. выяснить причины, благопріятствующія и не благопріятствующія рабству. Съ этой цѣлью онъ дѣлитъ всѣ народы на пять группъ: 1) охотники и рыболовы, 2) пастушескія племена, 3) низшіе земледѣльцы, 4) средніе земледѣльцы, 5) высшіе земледѣльцы. Различая между собой три послѣднія группы, Нибуръ руководствуется исключительно соображеніями о роли земледѣлія во всей хозяйственной жизни даннаго народа и совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о состояніи земледѣльческой техники. Къ низшимъ земледѣльцамъ онъ причисляетъ такія племена, у которыхъ земледѣліе играетъ совсѣмъ второстепенную роль и служитъ только подспорьемъ къ охотѣ, рыбной ловлѣ, собиранію дико-растущей растительной пищи и т. п. У среднихъ земледѣльцевъ земледѣліе имѣетъ уже большое значеніе, но не исключаетъ и другихъ занятій. Наконецъ, къ высшимъ земледѣльцамъ принадлежатъ такіе народы, у которыхъ охота и т. п. занятія, если и существуютъ, то въ такихъ размѣрахъ, что полное прекращеніе ихъ нисколько не отразилось бы на благосостояніи племени.

Избирая такую группировку народовъ, Нибуръ дѣлаетъ оговорку, что

онъ не принадлежитъ къ сторонникамъ матерьялистическаго пониманія исторіи и, разумѣется, не считаетъ свою классификацію пригодной для всякихъ цѣлей. Онъ просто строитъ апріорное предположеніе, что рабство больше всего зависитъ отъ способовъ добыванія средствъ существованія, и задается цѣлью провѣрить это предположеніе. Такимъ образомъ онъ вполнѣ сознаетъ, что его классификація имѣетъ только методологическое значеніе и только для данной опредѣленной цѣли.

Обзоръ охотничьихъ народовъ приводитъ автора къ заключенію, что довольно часто встрѣчающееся мнѣніе о полномъ отсутствіи рабства у этихъ народовъ невѣрно. Правда, по его подсчету оказывается, что 65 такихъ племенъ совершенно не знаютъ рабства, но зато 12 и оно извѣстно. Установивъ этотъ фактъ, онъ начинаетъ изслѣдовать причины, почему рабство сравнительно мало развито при данномъ типѣ хозяйственной жизни и вполнѣ основательно старается найти не какую-нибудь одну строго опредѣленную причину, а цѣлый рядъ ихъ, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же направленіи. Сюда онъ относитъ легкость побѣга раба, жизнь маленькими группами и, слѣдовательно, очень узкій районъ, на который распространяется власть даннаго племени, невозможность ограничиваться при охотѣ одной механической работой и чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, на которыя только и способенъ рабъ, высокое общественное положеніе охотниковъ у первобытныхъ народовъ, несовмѣстимое съ положеніемъ раба, и т. д., и т. д. Послѣ этого Нибуръ обращается къ охотничьимъ племенамъ, держащимъ рабовъ, и прослѣживаетъ, какія особенности ихъ быта заставляютъ ихъ держать рабовъ? Тутъ, оказывается, тоже дѣйствовала не одна, а цѣлый рядъ причинъ. Большинство этихъ народовъ занимается въ широкихъ размѣрахъ рыболовствомъ, дающимъ широкій просторъ примѣненію чисто механическаго труда; далѣе эти народы гораздо зажиточнѣе охотниковъ, живутъ болѣе осѣдлою жизнью, составляютъ болѣе крупныя общины, занимаются въ сравнительно широкихъ размѣрахъ торговлей и промышленностью, гораздо внимательнѣй относятся къ своимъ женамъ и стараются облегчить ихъ домашнія работы и т. д. и т. д.

Пастушескую жизнь Нибуръ тоже считаетъ не особенно благопріятной для рабства, такъ какъ здѣсь средства существованія зависятъ не столько отъ труда, сколько отъ обладанія извѣстнымъ капиталомъ въ видѣ скота. Уходъ за скотомъ требуетъ не особенно много труда, такъ что потребность въ посторонникъ работникахъ, хотя и существуетъ у владѣльца стада, но въ ограниченныхъ размѣрахъ; съ другой же стороны, въ пастушескомъ обществѣ есть не мало лицъ, лишенныхъ всякой собственности, и добыть себѣ средства существованія они могутъ только нанявшись къ кому-нибудь въ работники. Но въ то же время во всемъ строѣ пастушеской жизни нѣтъ никакихъ элементовъ, которые находились бы въ прямомъ противорѣчіи съ рабствомъ, а потому постороннія, иногда даже очень мелкія обстоятельства могутъ вызвать здѣсь къ жизни рабство, что дѣйствительно и подтверждается фактами. Изъ 22 пастушескихъ народовъ 11 совсѣмъ не имѣютъ рабовъ, а остальные 11 имѣютъ.

На земледѣльческихъ народахъ Нибуръ остановился особенно подробно,

и это вполнѣ понятно, такъ какъ въ эту рубрику онъ отнесъ наибольшее количество народовъ (219), и большинство изъ нихъ (133) держатъ рабовъ. Было бы слишкомъ долго излагать содержаніе соотвѣтствующей главы книги; болѣе главные выводы не представляютъ новизны, а познакомить читателя съ мелкимъ и кропотливымъ анализомъ причинъ, дѣйствующихъ въ ту или другую сторону, намъ не позволяютъ скромныя рамки рецензіи. Поэтому мы ограничимся только тѣмъ, что заимствуемъ изъ Нибура одну табличку, показывающую распространеніе рабства на различныхъ ступеняхъ развитія земледѣльческой культуры и въ связи съ другого рода занятіями; табличка эта довольно краснорѣчива и сама по себѣ.

	Чистые земледѣльцы.		Земледѣльцы, занимающіеся также и скотоводствомъ.		Земледѣльцы, занимающіеся торговлей.		Земледѣльцы, занимающіеся и скотоводствомъ, и торговлей.		Всего.	
	Положительные случаи.	Отрицательные случаи.	Положительные случаи.	Отрицательные случаи.	Положительные случаи.	Отрицательные случаи.	Положительные случаи.	Отрицательные случаи.	Положительные случаи.	Отрицательные случаи.
Низшая ступень земледѣлія.	24	31	(1)	2	7	3	(2)	(3)	31	36
Средняя ступень земледѣлія.	50	42	10	6	19	(4)	3	(5)	82	48
Высшая ступень земледѣлія.	13	6	3	2	3	7	1	8	20	2
Итого. . .	87	73	13	10	29	3	4	9	133	86

Здѣсь мы прямо видимъ, что значеніе рабства возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ земледѣліе начинаетъ играть все большую и большую роль въ жизни народовъ. Занятіе скотоводствомъ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на развитіе рабства, но зато торговля очень благопріятна послѣднему.

Чтобы покончить съ обзоромъ содержанія книги Нибура, надо еще упомянуть, что къ ней приложена программа дальнѣйшихъ изслѣдованій рабства, преимущественно тѣхъ сторонъ его, которыя не затронуты самимъ авторомъ.

Признавая большія достоинства за работой Нибура, мы, однако, не должны закрывать глаза на ея слабыя стороны; есть и такія, и иногда

довольно важныя. Такъ, напр., трудно согласиться съ авторомъ, что техника земледѣлія совершенно безразлична для существованія или несуществованія рабства; вѣдь, отъ техники зависятъ размѣры прибавочной стоимости, а высота ея имѣетъ очень существенное значеніе въ оцѣнкѣ выгодности рабскаго труда. Мы думаемъ, что Нибуру слѣдовало бы принять во вниманіе *и* техническій критерій при установленіи различныхъ ступеней земледѣльческаго развитія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему всеже пришлось прибѣгнуть къ нему (стр. 177). Но и съ этимъ упущеніемъ и съ нѣкоторой непослѣдовательностью въ распредѣленіи отдѣльныхъ народовъ по разнымъ рубрикамъ довольно легко примириться, такъ какъ детальный анализъ автора даетъ ему возможность внести нужныя поправки. Гораздо существеннѣй другой недочетъ, а именно, что Нибуръ удѣляетъ слишкомъ мало вниманія географическому или, вѣрнѣе, сказать расовому распредѣленію рабства, тогда какъ, руководствуясь даже его собственными фактами, мы приходимъ къ довольно интереснымъ выводамъ.

Если ни одно изъ австралійскихъ племенъ незнакомо съ рабствомъ, то Нибуръ легко можетъ объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что всѣ они занимаются охотой; здѣсь вся этническая группа цѣликомъ стоитъ на одной и той же ступени хозяйственнаго развитія, и потому нельзя доказать вліяніе расового фактора. Иное получится, если мы сравнимъ различныя расы. Наиболѣе краснорѣчивый результатъ получится при сравненіи малайскихъ племенъ съ сѣвероамериканскими краснокожими; изъ земледѣльческихъ малайскихъ племенъ у 55 существуетъ рабство и только 4 незнакомы съ этимъ институтомъ, наоборотъ, ни у одного изъ 12 земледѣльческихъ племенъ Сѣверной Америки нѣтъ рабства. Тутъ трудно говорить о различіи хозяйственной жизни, потому что рабство преобладаетъ у малайцевъ на всѣхъ ступеняхъ земледѣльческой культуры и равнымъ образомъ одинаково отсутствуетъ у краснокожихъ Сѣверной Америки, все равно относятся ли они къ первому типу земледѣльцевъ или ко второму (къ высшимъ земледѣльцамъ Нибуръ причисляетъ изъ Сѣверо-Американскихъ племенъ только однихъ Zuñi). Къ расамъ съ преобладаніемъ рабства относятся еще банту, суданскіе негры и хамиты, наоборотъ, у малайцевъ оно встрѣчается очень рѣдко, а у земледѣльческихъ микронезійцевъ Нибуръ не могъ указать и совсѣмъ ни одного случая рабства.

Для объясненія подобныхъ явленій мы можемъ построить два предположенія. Можетъ быть, отсутствіе или присутствіе рабства рѣшается наличными хозяйственными условіями каждаго отдѣльнаго народа и при этомъ такія условія будутъ болѣе или менѣе одинаковы для цѣлой этнической группы, но зато отличны отъ условій, въ которыхъ живетъ другая группа. Такое предположеніе возможно только въ томъ случаѣ, если допустить, что Нибуръ обратилъ вниманіе совсѣмъ не на тѣ стороны хозяйственной жизни, которыя имѣютъ наибольшое значеніе для существованія или несуществованія рабства. Но подобное допущеніе имѣетъ за себя весьма мало основаній, и поэтму мы съ полнымъ правомъ можемъ

предположить, что, кромѣ *наличныхъ* хозяйственныхъ и прочихъ условій здѣсь играетъ роль также историческая традиція, объединяющая родственныя племена во одно культурное цѣлое. Нельзя, конечно, говорить, чтобы рабство было свойственно малайцамъ, какъ антропологической расѣ, но можно допустить, что оно возникло здѣсь въ силу какихъ-нибудь общихъ историческихъ условій, объединявшихъ всѣ племена; можетъ быть, эти условія существуютъ и въ настоящее время, но, можетъ быть, они относятся къ отдаленному прошлому; во всякомъ случаѣ однихъ существующихъ хозяйственныхъ условій каждаго отдѣльнаго народа недостаточно, чтобы ими объяснять рабство. Характерный фактъ и тотъ, что тѣ охотничьи племена Сѣверной Америки, которыя, вопреки общему правилу, знакомы съ рабствомъ, представляютъ нѣсколько обособленную отъ остальныхъ краснокожихъ группу, объединены общей культурой и территоріальной связью.

Небезупречна у Нибура и чисто фактическая сторона книги, но это можно поставить ему въ вину только съ значительными оговорками. Списокъ цитируемыхъ имъ сочиненій содержитъ въ себѣ почти до 600 названій; источники онъ вообще выбиралъ умѣло и относился къ нимъ строго критически, стараясь такъ или иначе выяснить степень точности и достовѣрности чуть не каждаго отдѣльнаго сообщенія. Такимъ образомъ и какъ сводка фактическаго матерьяла книга Нибура стоитъ выше средняго уровня аналогичныхъ работъ по исторіи первобытной культуры, и все же можно сказать, что детальному и строго научному анализу былъ подвергнутъ сравнительно очень недостаточный матерьялъ. Встрѣчаются у него и прямо ошибочныя утвержденія; такъ, напр., относительно гиляковъ, онъ считаетъ безспорнымъ, что рабство у нихъ не существовало (стр. 132), тогда какъ мы имѣемъ очень точное и ясное свидѣтельства Шренка, доказывающее обратное. (L. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, III, p. 646—648). Но гораздо важнѣе прямая недостаточность фактовъ. Въ общей сложности Нибуръ коснулся 478 народовъ, но изъ нихъ только относительно 340 онъ призналъ свои свѣдѣнія достаточно достовѣрными; относительно остальныхъ 138 народовъ онъ или совсѣмъ не могъ придти ни къ какому рѣшенію по вопросу о существованіи у нихъ рабства, или же получилъ спорные выводы, которыми не рѣшился воспользоваться. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточность свѣдѣній выступаетъ особенно рѣзко: изъ 51 народа Южной и Центральной Америки, Нибуръ рѣшился воспользоваться данными только относительно 27, изъ 72 племенъ банту онъ забраковалъ 28, изъ 42 народовъ суданскихъ негровъ негодными оказались свѣдѣнія объ 11, а изъ 15 центрально-азіатскихъ народовъ онъ могъ собрать точныя свѣдѣнія лишь о 4.

Эти цифры, впрочемъ, не могутъ дать точнаго представленія объ истинномъ положеніи вещей; вѣдь для счета народовъ нѣтъ никакой точной единицы, и мы въ одномъ случаѣ беремъ болѣе крупныя дѣленія, въ другомъ болѣе мелкія. Въ общемъ вторая категорія фактовъ состоитъ у Нибура изъ болѣе крупныхъ единицъ, чѣмъ первая, и это вполнѣ по-

нятно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пришелъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ, онъ пользовался болѣе детальными описаніями, подмѣчающими очень мелкія различія между отдѣльными группами и поэтому выдѣляющими большее число самостоятельныхъ единицъ; невозможность же придти къ опредѣленному рѣшенію обусловливалась преимущественно недостаточно подробными источниками, не различающими и сравнительно крупныхъ дѣленій. Поэтому для сравненія цифръ 340 и 138 послѣднюю надо нѣсколько увеличить. Съ другой стороны, она должна быть увеличена, и очень значительно, еще и потому, что въ нее не вошли тѣ народы, которыхъ Нибуръ совсѣмъ не упоминаетъ, т. е. относительно которыхъ онъ даже и не пытался рѣшить вопросъ о существованіи рабства; сюда, напр., принадлежатъ всѣ финскія племена, исключая остяковъ, башкиры, буряты, юкагиры, гольды и другія амурскія тунгузскія племена, карагассы, тангуты и вообще всѣ некультурныя племена Монголіи и Тибета и т. д., и т. д.

Въ концѣ концовъ получается въ значительной степени случайный подборъ фактовъ, далекій даже отъ приблизительной полноты. А между тѣмъ послѣдняя безусловно необходима, хотя бы уже потому, что сами факты не обнаруживаютъ строгаго единообразія. Такимъ образомъ, Нибуру пришлось отчасти впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой и отступить отъ тѣхъ строго научныхъ требованій, которыя онъ считаетъ необходимыми для историка культурнаго изслѣдованія. Виноватъ въ этомъ однако не онъ, а современное положеніе нашей науки; для нея характерно почти полное отсутствіе крупныхъ сводныхъ работъ чисто фактическаго содержанія; всякому изслѣдователю не на что опереться и приходится самому обратиться къ черной работѣ собиранія и провѣрки сырого матерьяла. Матерьялъ же этотъ настолько великъ и разнообразенъ, что получается альтернатива: или всю жизнь просидѣть надъ собираніемъ матерьяла, или же взяться за обобщенія, не докончивъ черновой работы и не заложивъ вполнѣ прочнаго фундамента. Нибуръ принялъ послѣднее рѣшеніе и, разумѣется, его нельзя упрекнуть за это; съ одной стороны, онъ далъ намъ образецъ глубокаго анализа, хотя бы и недостаточнаго фактическаго матерьяла, а съ другой—обобщающія работы необходимы время отъ времени, чтобы подвести итоги уже сдѣланному и дать руководящія нити для дальнѣйшаго собиранія и систематизаціи фактовъ. Можетъ быть, впослѣдствіи и окажется, что выводы Нибура нуждаются въ существенныхъ поправкахъ, но сейчасъ противъ нихъ трудно спорить и они несомнѣнно сыграютъ видную роль въ послѣдующей разработкѣ даннаго вопроса. Всякій будущій изслѣдователь первобытнаго рабства долженъ будетъ отправляться отъ трудовъ Нибура.

А. Максимовъ.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьковъ. 1898. 200 стр. (Изъ «Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества», т. XI).

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ давно уже извѣстенъ, какъ отзывчивый, раз-

всесторонній изслѣдователь вопросовъ, связанныхъ съ этнографіей, особенно малорусской. Фольклорная тема о «глупыхъ народахъ» не разъ ужъ бывала затронута имъ (напр. въ «Современной малорусской этнографіи», и наконецъ онъ выпустилъ въ свѣтъ особую книгу, которая посвящена изслѣдованію анекдотовъ о глупцахъ и заглавіе которой выписано вверху. Хотя самъ авторъ говоритъ, что работа его въ значительной степени основана на сочиненіи англійскаго фольклориста Клоустона (W. A. Clouston): «The book of noodles», но на самомъ дѣлѣ она представляетъ гораздо болѣе, чѣмъ дополненіе къ нему, такъ-какъ проф. Сумцовъ разобралъ новые мотивы, не затронутые Клоустономъ, и привлекъ обширный славянскій матеріалъ. Его задача усложнялась еще тѣмъ, что онъ обращалъ главное вниманіе на «внутреннюю логическую и историко-литературную связь» между разнообразными мотивами, въ которыхъ конкретныя подробности совсѣмъ не одинаковы. Автору большею частью удалось опредѣлить основной характеръ каждаго мотива и то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ цѣпи другихъ мотивовъ; авторъ старался также выяснить, какъ причудливая народная психологія смѣшивала различные мотивы, наслояя ихъ одинъ на другой. Вообще, вопросъ о типахъ и взаимной связи отдѣльныхъ мотивовъ разработанъ съ большею или меньшею ясностью, хотя въ иныхъ случаяхъ хотѣлось бы большей выдержанности въ планѣ.

Но намъ представляется, что не такъ убѣдительно разрѣшилъ проф. Сумцовъ сложную задачу объ историческомъ происхожденіи *русскихъ* анекдотовъ о глупцахъ. На Руси анекдоты о глупцахъ бытовали уже въ X вѣкѣ. Въ своей работѣ проф. Сумцовъ указалъ на вполнѣ характерный лѣтописный разсказъ о бѣлгородскомъ старцѣ, обманувшемъ печенѣжскихъ пословъ, которые пришли въ осажденный городъ [1]). Но и помимо того, въ лѣтописи кое-гдѣ сохранились смутные намеки на анекдоты или небылицы о глупцахъ. Напримѣръ, такіе намеки можно, кажется, усмотрѣть въ разсказѣ о томъ, какъ болгары, заключая съ великимъ княземъ Владиміромъ Св. договоръ, говорятъ: «толи не будеть межю нами мира, коли камень начьнеть плавати, а хмель почнеть тонути [2]). Другой примѣръ: въ кругъ бродячихъ анекдотовъ о глупцахъ, входили, какъ выяснилъ проф. Сумцовъ, разсказы о тѣхъ глупцахъ, которые вытаскивали изъ колодца луну или приняли ея отраженія за кусокъ сыру и т. д.;—нѣчто подобное, повидимому, слышится и въ лѣтописи. Сообщая о грозныхъ знаменіяхъ, являвшихся на Руси въ кня-

---

1) Замѣтимъ, что греческій разсказъ о Θразибулѣ носитъ слѣды отдаленнаго сходства съ нашимъ лѣтописнымъ разсказомъ. Θразибулъ, тираннъ Милетскій, ссыпалъ на площади хлѣбъ; лидійскіе послы подумали, что городъ можетъ выдержать долгую осаду, и заключили миръ, см. Геродотъ, I, 22. Геродотъ какъ будто чего-то не договариваетъ, иначе смыслъ разсказа теряется.—Въ основѣ лежитъ, кажется, *восточное* представленіе о плодородіи земли: срв. библейскія сказанія о рѣкахъ, текущихъ медомъ и молокомъ, также сказки турецкія и современныя сирійско-арабскія (у проф. А. Е. Крымскаго хранится обильный матеріалъ, собранный въ Сиріи его слушателемъ Б. Э. Блюмомъ).

2) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку; СПБ. 1872, стр. 82.

женіе Всеволода, лѣтописецъ замѣчаетъ: «предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися и не бысть свѣтло, но бысть акы мѣсяць, *его же невѣгласи глаголють снѣдаюму сущю.* ibidem, (стр. 160). Да и дѣйствительно, вѣра въ небылицы была очень сильна среди русскихъ людей, едва обращенныхъ въ христіанство; не только народъ, но даже его духовные руководители были полны нелѣпыхъ предразсудковъ; близкое сосѣдство съ финскими племенами, исповѣдывавшими мрачныя воззрѣнія, вызывало суевѣрный страхъ къ ихъ волхвамъ-шаманамъ. И вотъ мы въ лѣтописи читаемъ, какъ во время сильнаго голода въ Ярославлѣ среди народа ходили упорные слухи, что волхвы, убивая женщинъ, достаютъ изъ живота жито и рыбу. (ibidem, 174),—нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ бродячихъ анекдотовъ о глупцахъ. Но если приведенные примѣры изъ лѣтописей оказываются дѣйствительно глухими отголосками старорусскихъ анекдотовъ о глупцахъ, то видно ли въ нихъ свое, чисторусское происхожденіе? Нѣтъ, даже въ нихъ ужъ подмѣчается что-то наносное, иноземное, связь съ печенѣгами, болгарами, финскими волхвами. Впослѣдствіи, когда Русь вошла въ тѣсное общеніе съ турками, на народной русской словесности должно было еще ярче отразиться чужое, а именно ихъ тюркское вліяніе, шедшее изъ-за Кавказа и изъ другихъ мѣстъ. Проф. Сумцовъ это вліяніе почти игнорируетъ,- а между тѣмъ его отрицать трудно. Въ XV в-кѣ, съ образованіемъ Крымской орды, безпокоившей южныя границы Россіи, на защиту вѣры и отечества поднялись казаки. Однако, отбивая нападенія татаръ, они невольно подчинялись ихъ культурному воздѣйствію. Они по временамъ даже прочно вкоренялись среди «бѣсурманъ» въ Крыму, и въ малорусскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются сообщенія, что когда являлась возможность вернуться изъ Крыма на Русь, малорусскіе поселенцы ужъ упорно отказывались отъ того, ибо «тамъ въ Крыму»,—какъ говорили они гетману Сѣрко, звавшему ихъ вернуться въ Украину, «они мѣютъ уже свои осѣдлиска и господарства; и для того тамъ лутше себѣ жлаютъ жыти, нежели въ Русѣ ничого своего неимущи». Правда, малорусскій лѣтописецъ прибавляетъ, что такой взглядъ, противорѣчившій обычнымъ представленіямъ казаковъ, ревностныхъ поборниковъ христіанской вѣры, вызвалъ кровавое столкновеніе: Сѣрко долго смотрѣлъ съ холма вслѣдъ землякамъ, удалявшимся назадъ въ свой любимый Крымъ, пока тѣ не скрылись изъ его глазъ; тогда онъ ударилъ на нихъ и избилъ ихъ до единаго.

«Простѣте насъ, братія»—молвилъ атаманъ,—«а сами спѣте тутъ до страшнаго суду Господня, нежели быте мѣли въ Крыму между бѣсурманами розмножатися на наши христіянскіи молодецкіи голови, а на свою вѣчную безъ крещенія погибель [3]). Все-таки изъ этого сообщенія можно сообразить, что Крымъ, гдѣ такъ привольно могли почувствовать

[3]) Изъ лѣтописи Самуила Величко; срв. П. Житецкій: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, Кіевъ, 1875, стр. 375—376. Указаніемъ я обязанъ А. Е. Крымскому. Срв. еще его переводъ изъ Клоустона: „Народні казки і вигадки“ (Львівъ, 1896, стр. 76).

себя недавніе казаки, и былъ звеномъ, сближавшимъ ихъ съ турецкими воззрѣніями.

Впрочемъ, сама Турція непосредственно могла вліять на малорусскія творческія силы. Долгое плѣненіе казаковъ, томившихся въ Турціи, накладывало на нихъ неизгладимую печать и, избавляясь отъ неволи (срв. думу о Самойлѣ Комкѣ), они сообщали своимъ болѣе счастливымъ землякамъ впечатлѣнія турецкой жизни. Извѣстный ученый этнографъ проф. М. Драгомановъ уже давно (1886), провелъ мысль о существованіи «турецкихъ анекдотовъ въ украшенной народной литературѣ» [1]). Въ видѣ возраженія ему проф. Сумцовъ опирается на то, что «въ малорусскихъ анекдотахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ самаго имени Наср-еддина» [2]). Но мнѣ думается, что иначе и быть не могло. Веселые анекдоты, обличающіе остроуміе или глупость, жадно подхватываются слушателями и скоро становятся ужъ своимъ собственнымъ, народнымъ наслѣдіемъ, въ которомъ трудно и различить наносные элементы.

Небольшая справка выясняетъ мою мысль. Въ Азіи давно уже бродили анекдоты. Воспринимая созданіе чужого творчества, народы связывали анекдоты съ именемъ своего остряка, на которомъ и отлагались страннымъ образомъ необычныя проказы, мѣткія слова и наивная глупость. (Бахлугъ, легендарный братъ Харун-ар-рашида, персидскій Калъ-Эйнатъ, и т. д.) Изъ средне-азіатскихъ степей анекдоты проникли въ Малую Азію къ туркамъ, окружившимъ ореоломъ величія историческаго муллу, современника Тамерлана. Недавно П. Хорнъ (P. Horn) въ любопытной статьѣ, напечатанной въ «Revue Orientale» (1900 № 1) сличилъ анекдоты о ходжѣ Наср-еддинѣ съ диваномъ (собраніемъ стихотвореній) персидскаго сатирика, Убейдъ-Закани, и обнаружилъ, что заимствованія турокъ шли также литературнымъ путемъ.

Не менѣе характерно и то, что анекдоты крымскихъ татаръ, бывшихъ и въ политическомъ и въ умственномъ единеніи съ Турціей, не всегда обращены на Насръ-еддина. Наряду съ излюбленнымъ турецкимъ ходжей или съ турецкимъ т. н. «тѣмъ человѣкомъ» («буадам»),—какъ его называютъ въ Турціи, у татаръ есть еще свой шутъ Ахметъ-Ахай, легендарный начальникъ озенбашскихъ (въ Ялтинск. у.) татаръ; иногда на сцену выступаетъ цыганъ, жидъ и т. д. [3]).

Если ужъ турки, вообще очень и очень не самостоятельные, пытались, усваивая чужія темы, создать типъ своего собственнаго острослова, то можно ли удивляться, что русское племя, болѣе даровитое, воплощало чужія темы о глупцахъ въ близкихъ родныхъ образахъ?

Такъ, различными путями разносили турки на Русь богатыя сокровища азіатскаго творчества. Отголоски ихъ вліянія раздаются какъ среди разноплеменнаго Кавказа, такъ и среди бѣдныхъ нашихъ крестьянъ, за-

---

[1]) См. *его* Розвідки, У Львови, 1899, т. I, стр. 217—260.

[2]) См. *его* современную малорусскую этнографію. Кіевъ 1897, вып. 2, стр. 26 (П. Кузьмичевскій псевдонимъ М. Драгоманова).

[3]) См. В. Х. Кондараки, Въ память столѣтія Крыма. Этнографія Тавриды, М. 1883. т. 2, ч. 2. 129—143.

бившихся въ Вологодской губерніи. Типъ продувного хитреца, вызываемаго въ судъ недалекимъ заимодавцемъ, сроденъ какъ нашему сѣверу, такъ Крыму и Кавказу.

Только нашъ мужикъ, Нестерка, облекается въ енотовый тулупъ купца, между тѣмъ какъ его южные родичи, муллы, являются передъ судьей въ восточной шубѣ или въ оружіи, на конѣ своего истца и выигрываютъ неправое дѣло, дерзко высмѣивая глупаго богача, который напрасно увѣряетъ, что не только золото, но и заплаты на плечахъ отвѣтчика принадлежатъ ему [1]).

Мы не беремся сейчасъ рѣшать вопросъ, въ какой степени сильно было вліяніе востока на наши анекдоты; но что оно было и было значительно—сомнѣній въ томъ, кажется, не можетъ быть, и въ этомъ пунктѣ мы разногласимъ съ выводами проф. Сумцова. Въ принципѣ проф. Сумцовъ, правда, склоненъ допустить, что анекдоты о глупцахъ переходили на Русь съ востока, преимущественно черезъ Кавказъ; но онъ не останавливается на изслѣдованіи вліянія даже Кавказа; о возможномъ же вліяніи со стороны крымскихъ татаръ, соприкасавшихся съ Запорожскою Сѣчью, а тѣмъ болѣе—со стороны самой Турціи, въ которой казаки часто изнывали въ мучительномъ плѣну, проф. Сумцовъ не считаетъ нужнымъ и вопросъ возбуждать. Его собственныя симпатіи лежатъ къ западу. Но увлекаясь мыслью большого сходства малорусскихъ анекдотовъ съ западно-европейскими, онъ, какъ намъ думается, упускаетъ иногда изъ виду историческую перспективу, и потому иногда нагромождаетъ, быть можетъ, безъ достаточной системы кучи несвязаннаго органически матеріала сырого. Конечно, мы не смѣемъ отрицать, что вліяніе на нашу древнюю анекдотическую литературу шло также съ запада (вѣроятно, черезъ «шпильмановъ»), но оно было случайно, во всякомъ случаѣ, не такъ стихійно, какъ восточное, тюркское вліяніе.

Для его опредѣленія требуется тщательное изученіе народнаго творчества Новгородскаго края, ведшаго оживленныя торговыя сношенія съ Западомъ. Съ XVI вѣка начинается значительное вліяніе запада черезъ Польшу на *книжную* литературу.

Тогда же случайные заѣзжіе иностранцы могли знакомить Русь съ шутливыми анекдотами; изъ германскихъ сказаній о Тиллѣ Эйленшпигелѣ такіе образованные люди, какъ ученый баккалавръ Гаваттовичъ, черпали канву для своихъ интермедій.

Въ общемъ однако, не соглашаясь въ указанномъ одномъ пунктѣ съ системой изслѣдованія проф. Сумцова, мы должны отмѣтить чрезвычайный интересъ и цѣнность названнаго изслѣдованія.

Вл. Гордлевскій.

---

[1]) А. Бурцовъ, Древ. сказки крестьянъ Волог. губ. СПБ. 1895., 22—26 Кандараки ср., с. стр. 130—131. „Нов. Обозр." 1890. № 2336, Восточные анекдоты, А. Д. Ерицова, № 100.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Варшавскія Университетскія извѣстія. 1900—VII. 8°. (*Е. Ө. Карскій*: Очеркъ славянской кирилловской палеографіи).

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Книга 80-ая. Яросл. 1900. 8°. Ц. 2 р. кн. 81-ая. 1900 г. 8°. Ц. 2 р. (И. Я. Гурляндъ, Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка).

Вятская газета. **1901. 1—2.** *А. И.* Имущество крестьянъ (замѣтки о правѣ собственности на имущество: отдѣльномъ и общемъ).—Село Павлово. Нижег. губ. Горб. у Краткое описаніе: „Народъ павловцы—низкорослый, слабый". „Главное развлеченіе здѣсь во время оно составляли кулачные бои, для чего было отведено особое мѣсто. Но бои полиція запретила и теперь павловцы развлекаются травлей гусей и пѣтуховъ". Любители пріѣзжаютъ изъ другихъ селъ. Травля идетъ „объ закладъ".—Изъ жизни деревни приведены нѣкоторые случаи суевѣрія, имѣвшія мѣсто въ Россіи въ 1900 году: колдуны, о свѣчѣ, приготовленной изъ человѣч. сала и др. **4.** Доходное нищенство (въ Ярковской волости, въ селеніи Б-ъ нищенство — профессія, хотя всѣ живутъ не бѣдно). **10.** *А. И.*, имущество крестьянъ. Усадьбы.—**7** и **10.** Переселенцы на Амурѣ и въ Южно Уссурійскомъ краѣ. (Письмо переселенца *Ө. Назарова*).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. **13.** Городецкій музей Волынской губерніи барона Ө. Р. Штейнгель. Объявленіе.—**13—33.** *Теодоровичъ, Н. И.* Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи

Вологодскія Вѣдомости. 1900. **322.** Разныя извѣстія. Раскопки въ Вавилоніи.—Голова вѣковъ. **81.** *Ладвянимъ.* Секты въ Китаѣ и Манджурская династія.—Среди газетъ и журналовъ. Религія въ Китаѣ. Заимствовано изъ „Правител. Вѣстн."—**87.** По городамъ и селамъ. Екатеринославъ. Свадебный „обычай". Заимствовано изъ „Приднѣпровск. края". **90—92, 96, 98, 99, 101, 103.** *Георгіевскій.* Рыболовные снаряды олончанъ.—Смѣсь. Почему китайцы называютъ европейцевъ „діаволами".—**93.** Среди газетъ и журналовъ. Толки о Китаѣ въ народѣ. Заимствовано изъ „Нижегородск. Листка" и „Волыни". — **94.** Смѣсь. Китайская вѣжливость. Заимствовано изъ „Русск. Вѣдом."—**100, 107, 109, 112, 114, 116, 117, 126, 128.** *Кофыринъ, Н.* Суевѣрія крестьянъ с. Песчаннаго, Пудожскаго уѣзда. Болѣзни и ихъ лѣченіе.—**102.** *Филимоновъ, К.* Памяти П. В. Шейна.—**105.** *Георгіевскій, А.* Гроза въ представленіи народа. Наблюденія записаны въ Петрозаводскомъ уѣздѣ.—**106.** *Георгіевскій, А.* Кладъ по воззрѣніямъ простого народа. Наблюденія записаны въ Петрозаводскомъ уѣздѣ.—**107.** Среди газетъ и журналовъ. Суевѣрія, распространенныя среди школьниковъ. Заимствовано изъ ст. г. Успенскаго, помѣщенной въ „Недѣлѣ".—**113, 115.** *Ливановъ, К.* Сѣверъ Европейской Россіи на Парижской выставкѣ 1900 г. I. Народное образованіе.—**114.** Начальное образованіе въ Россіи. По свѣдѣніямъ Мин. Народн. Просвѣщ. къ 1 январю 1899 г.—**118, 121.** Сѣверъ Европейской Россіи на Парижской выставкѣ 1900 г. II. Сельское хозяйство и молочное дѣло.—**123.** *Марковъ, М.* Отхожіе промыслы и нравственная сторона ихъ.—**132, 133.** Сѣверъ Европейской Россіи на Парижской выставкѣ 1900 г. III. Кустарная и фабричная промышленность.—**134, 138.** *Кофыринъ, Н.*

Суевѣрія крестьянъ с. Песчанаго, Пудожскаго уѣзда. Гаданья. Примѣты.— По городамъ и селамъ. Переяславъ. Дѣло по обвиненію въ повреждении надгробнаго памятника. Заимствовано изъ „Кіевлянина".—140. Среди газетъ и журналовъ. Китайская мѣдная монета—„кемъ". Заимствовано изъ „Правител. Вѣст.".

Витебскія Вѣдомости. 1900. 104. По Россіи. Пермская губ. Жертвоприношенія въ „скотскій праздникъ". Заимствовано изъ „Ур. Жиз".—105. Разныя извѣстія. Гробница Тутмеса I, открытая Лорэ на мѣстѣ развалинъ древнеегипетскихъ городовъ.—109. *Verte* M Освѣй, Дриссенскаго уѣзда. Деревенскія бани. Корреспонденція. —112. Смѣсь. Афганское правосудіе.—122. Разныя извѣстія. Происхожденіе поцѣлуя.—124. *А. П.* Чаровники. Разсказъ крестьянина.—Разныя извѣстія. Двухлѣтняя Піана, ясновидящая въ м. Монферра и отношеніе къ ней народа.—Разныя извѣстія. Пѣтушиное яйцо.—134. Среди газетъ и журналовъ. О необходимости организаціи обществъ для изученія быта и общественныхъ явленій. Заимствовано изъ „Сарат. Лист".—139. Разныя извѣстія. Бурская женщина.—141. По Россіи. Гнѣздово. Находки С. И. Сергѣева при проложеніи желѣзнодорожнаго пути. Заимствовано изъ „Смолен. Вѣст".—149. Письмо г. Сергѣева по поводу замѣтки о находкахъ. Заимствовано изъ „Смоленск. Вѣстн".—151. *Пушкаревъ, А.* Осмотръ мяса по Талмуду.—Смѣсь. Легенда о сотвореніи женщины у индусовъ.—153. Мѣстныя извѣстія. Раскопки, производ. г. Шепелевичемъ въ Невельскомъ уѣздѣ.—Корреспонденціи. С. Трехалово, Невельскаго уѣзда. Кирмаши.—155. Мѣстныя извѣстія. Вторая раскопка г. Шепелевича.—157. Разныя извѣстія. Происхожденіе китайской косы.—Китайская святыня „Пу-хинъ-пуфу".—158. Квантунскій полуостровъ. Заимствовано изъ „Морского Сборника".—162. *Каганъ, С.* Талмудъ и патологическая анатомія животныхъ. Отвѣтъ г. Пушкареву.—163. Разныя извѣстія. Какъ велико населеніе Китая?—164. Раскопки г. Шепелевича.—166. *Посѣтитель* им. Михалиново, Витебскаго уѣзда. „Народное гулянье въ зелени". Корреспонденція.—169. Сватовство Тонгъ-Фанга. Разсказъ изъ китайской жизни.—Смѣсь. Четверикъ маку и пудъ перцу. Заимствовано изъ „Сарат. Лист". О войнѣ съ китаемъ.—172. *С.* Письмо изъ деревни. (народное невѣжество).—Разныя извѣстія. Наказанія въ Италіи.—173. Разныя извѣстія. Крупный кладъ.—174. Смѣсь. Добродѣтели и грѣхи у буддистовъ.—175. Разныя извѣстія. Женское образованіе за границею.—Смѣсь. Религіозныя упражненія боксеровъ.—177. Мѣстныя извѣстія. Раскопки г. Шепелевича.—Смѣсь. Что такое мобилизація? изъ „Сарат Лист".—179. Разныя извѣстія. Когда появился въ Россіи чай.—181. Китайскія сказки. Страшный вепрь.—Разныя извѣстія. Общественное начало въ жизни китайскаго народа.—182. Разныя извѣстія. Военные клички.—186. Мѣстныя извѣстія. Житоміръ. Увлеченіе китайскими событіями. 187. Смѣсь. Китайская тысячелѣтняя мудрость.—188. Разныя извѣстія. Число университетовъ и студентовъ на земномъ шарѣ. 193. Библіографія. „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской". Вып. 28-й. Подъ редакц. Д. И. Довгялло. XVIII+360+167+IX стр. Ц. 2 р.—200. *Шепелевичъ, Л.* Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи.—Корреспонденціи. Дер. Акулино, Лепельскаго уѣзда. Чаровница-молочница Марина.—206. *Бѣлозерскій Е.* Замѣтка (о раскопкахъ Л. Ю. Лазаревича Шепелевича).—Разныя разности. Какъ устраиваются народные театры во Франціи.—209. Смѣсь. Китайскія поговорки.—218. Разныя извѣстія. О людоѣдствѣ по сообщенію Заборовскаго.—*Пушкаревъ, А.* Письмо въ редакцію (отвѣтъ г. Когану. помѣщ. въ № 162.)—219. Разныя извѣстія. Обращеніе китайцевъ съ животными.—229. *Вѣди.* Тараканы. Народная сказка. Переводъ съ итальянскаго.—231, 232. *Стукаличъ, В. К.* Н. Я. Никифоровскій. Странички изъ недавней старины города Витебска. Библіографическая замѣтка.—233. Разныя извѣстія. Китай въ лубочной литературѣ.—Смѣсь. Суевѣріе (выводъ огненнаго змѣя изъ куринаго яйца).—241. *Бѣлозерскій, Е.* Наши знахари и прорицатели.—242. Среди газетъ и журналовъ. Воспоми-

нанія Зарѣцкаго о П. В. Шейнѣ. Заимствовано изъ „Биржев. Вѣдом".—**246.** Разныя разности. Юбилей единовѣрія.—**248.** *Бѣлозерскій Е.* Изъ прошлаго. Замѣтка. Обряды „отправы свѣчи". Заимствовано изъ „Могилевск. Губернск. Вѣдом".—**250.** *Воскресенскій, С. М.* Вагунъ и пьянство.—**252.** *Вѣди.* Народная сказка. Переводъ съ итальянскаго.—**254** *Бѣлозерскій, Е.* Изъ прошлаго. Витебскіе юродивые—„Божьи люди".—С. Сокольники, Невельскаго уѣзда. Корреспонденція. Праздникъ „темная пятница".—**268.** Смѣсь. Чортъ въ д. Вашевѣ.—**274.** По Россіи. Сибирь. О продажѣ женщинъ на онюйской ярмаркѣ и договоръ о поступленіи въ услуженіе.—**275.** Разныя разности. Интересныя раскопки. Произведены проф. Хильпрехтомъ въ Месопотаміи близъ Ниннура.

Енисей. 1900. **138.** По Россіи. Люблинская губ. (порча молока „чаровницами").—**148.** По Россіи. Болховскій уѣздъ. („книжный" промыселъ).

Енисей. 1900. **113.** *Наблюдатель.* С. Частоостровское. Сообщеніе о знахарѣ.

Живописная Россія. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ, подъ редакціей П. М. Ольхина. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. (Цѣна въ годъ съ перес. 5 р.). 4⁰ Спб. **1901. 1.** *Марковъ, Евгеній.* По Савинской сакмѣ. Путевые очерки. (Прод. и оконч. въ 2, **3,** и **4**).—*Надеждинъ, Н.* Городъ Сѣвскъ.—*Коропчевскій Д.* Этнографія — наука и этнографія — литература, (оконч. въ 2).— *Варнекъ, А.* Научно-промышленныя изслѣдованія на Мурманѣ.— **2.** *Засодимскій П. В.* Въ заволжскихъ лѣсахъ. (Прод. и оконч. въ **3, 5, 6,** и **8**).—**4** *Быковъ П. В.* Изслѣдователи русской жизни. С. В. Максимовъ (съ портретомъ). **5.** *Пащенко, С.* Гроза въ представленіи русскаго народа.— *Кочетовъ Ѳ. И.* Великанъ кавказскихъ горъ въ преданіяхъ.—**6.** *Мордовцевъ, Д.* Въ столицѣ Тамерлана съ 9 рис. (оконч. въ **9**).—**8.** *Быковъ П. В.* Изслѣдователи русской жизни: Д. Л. Мордовцевъ (съ порт.). — *Шумковъ, Ив.* Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. — *Гурьевъ В. Д.* Русская арлекинада XVIII столѣтія, авторъ сближаетъ съ западно-европейскимъ карнаваломъ дѣйствія „Сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора"). — *Тарасовъ, Н.* Какъ пили наши предки.— *Марковъ, Ев.* Отъ Изюма до Святыхъ горъ.—**10.** *Максимовъ С. В.* Къ „Крылатымъ словамъ". I. Гостить. (Указаніе разныхъ пословицъ, поговорокъ, шутокъ, импровизацій по случаю пріема гостя или прихода въ гости).— *Субботинъ, А.* Нѣчто о русскихъ евреяхъ (съ 14 рис.).— *Горбуновъ, К.* На берегахъ Альты (Историко-археологическія свѣдѣнія).— *Черновъ, Ев.* Наши кустарные промыслы. Производство игрушекъ (съ 13 рис.).—**11.** *Львовскій, Л.* О бѣлорусской пѣснѣ —*Владиміровъ В. И.* Русское искусство въ памятникахъ московской старины. Историч. очеркъ съ 10 рис.—*Латкинъ, Н.* Одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ Сибири. Тогурскій край Томской губ. Кромѣ того, въ журналѣ отдѣльно помѣщены рисунки построекъ, типовъ населенія, видовъ мѣстностей и т. п. Какъ рисунки, такъ и статьи не отличаются строго-научнымъ выборомъ; статьи также еще и не всегда отвѣчаютъ научнымъ интересамъ; но нельзя не привѣтствовать самой идеи дать читающей интеллигенціи доступный иллюстрированный журналъ, имѣющій отношеніе къ географіи, этнографіи, археологіи, исторіи и политико-экономической жизни Россіи.

Забайкальскія Областныя Вѣдомости. 1900 г. **113.** Ламайская молитва за Государя Императора по случаю конференціи мира въ Гаагѣ.— **116.** Квантунскій полуостровъ.—**117.** Смѣсь. Культъ предковъ въ Китаѣ. „Т. Г. В."—**118, 119.** Манчжурія. (изъ Правит. Вѣстн.) **123.** Къ вопросу о церковношкольномъ образованіи въ Забайкальѣ. (продолженіе).— **133.** О возникновеніи въ Нью-Іоркѣ новаго общества этнографовъ-изслѣдователей. (Изъ „Новост.") По Европейской Россіи.—**139.** Смѣсь. Христіанство въ Китаѣ въ 13 и 14 столѣтіяхъ.—**142.** По Сибири. Омскъ. (Этнографъ Сигурдъ Олафъ Патурссовъ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Каз. Унив. 1900. Т. XVI, в. 1. Въ статьѣ *Н. Ѳ. Катанова*: „Народные способы лѣченія у башкиръ и крещеныхъ татаръ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ." Авторъ говоритъ: „Многія болѣзни причиняются людямъ, по мнѣнію башкиръ и крещеныхъ татаръ, нечистыми духами изъ которыхъ одни мужского, а другіе

женскаго пола". Противъ этихъ духовъ и болѣзней существуютъ средства, которыя и приводятся въ статьѣ относительно башкиръ и татаръ отдѣльно.— *И. П. Роганович*ъ помѣстилъ ст.: „Къ вопросу о сходствѣ восточно-тюркскихъ сказокъ со славянскими". Авторъ приводитъ на русск. яз. двѣ сербскія сказки, присланныя ему черногорцемъ Герувомъ: 1) сказка о слишкомъ любопытной женщинѣ, мучившей своего мужа, 2) сказка о слишкомъ хитрой женщинѣ, обманувшей чорта.—Восточно-тюркскія параллели къ нимъ не отличаются точностью и опредѣленностью своего нахожденія въ литературѣ.—Нѣкоторое значеніе (для опредѣленія экономическаго и мірского положенія посадскихъ общинъ на Руси XVII в.) имѣетъ статья *В. Л. Борисова*: „Представители Казанскаго края на Земскомъ соборѣ 1648—49 гг.— *А. Е. Алекторов*ъ даетъ описаніе: „Бакса" (изъ міра киргизскихъ суевѣрій). Бакса — шестидесятилѣтній старикъ, съ пріятнымъ лицомъ, по имени Сюименбай. Суевѣрные люди, особенно женщины боятся его. Онъ явился съ своимъ кобызомъ (муз. инструментъ въ видѣ глубокой чашки съ двумя струнами изъ 35—40 нескрученныхъ конскихъ волосъ каждая; играютъ смычкомъ). Когда онъ играетъ, „джины", его духи, повинуются ему: „Есдавлетъ" выгоняетъ шайтановъ изъ помѣшанныхъ и бѣшенныхъ людей; въ „Ергобенѣ", какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ болѣзни людей; „Акмаралъ" выгоняетъ шайтана изъ сумашедшихъ; „Кöзбембетъ" еще сильнѣе „Акмарала" и „Есдавлета", но не умнѣе; „Тельсары" — женщина лѣчитъ слаб. мочевой пузырь; джинъ-кемпиръ (= старуха), безъ имени, губа одна до неба, другая до земли—лѣчитъ отъ рвоты, ломоты, простуды; „Кервыланъ"—по кишечному каналу выноситъ болѣзнь; много и другихъ мелкихъ „джиновъ". Пѣснь баксы мелодична; игра по размѣру (трохеи) напоминаетъ русскую пѣсню: „Эхъ березоньки вы кудрявыя, вы не стойте здѣсь при дороженькѣ". Вскорѣ бакса приходтъ въ вступленіе, подобное сибирскому шаманству. Старухи особенно вѣрятъ въ него. — Интересна, особенно по тексту научно-транскрибированному, помѣщенная *А. Д. Нестеровым*ъ „Хвалебная пѣснь Досъ Ходжи въ честь султана Кенисары Касымова". Указанъ размѣръ и данъ русскій переводъ.—Отмѣтимъ еще замѣтку *В. Борисова*: „Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ", пополняющую литературу о разбойничествѣ въ древней Россіи.—*Н. Ѳ. Катанов*ъ напечаталъ „Мусульманскія сказанія о Жезлѣ Моисея" (уйгурское XIV в., турецкое XV в., персидское XV в., джагатайское XVIII в. и два сказанія изъ книги д-ра Вейля „Biblische Legenden der Musulmänner", безъ даты вѣка: мусульманское и еврейское). Важный интересъ представляютъ матеріалы, напечатанные *Мих Извощиковым*ъ: „Пѣсни, записанныя въ селѣ Большой Бордѣ Севгилеевскаго уѣзда въ 1875 году". На тему изъ временъ Ивана IV: о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, о царевичѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, о Ермакѣ; другія: о Михаилѣ Скопинѣ, о Степанѣ Разинѣ, о Полтавской битвѣ, о Платосѣ казакѣ, о графѣ Чернышевѣ въ плѣну у прусскаго короля, о богатырскомъ сынѣ.— *Имъ же* помѣщены „Пѣсни, записанныя со словъ поволжскихъ бурлаковъ въ 1878 году": одна разбойническая, другая „о птицахъ на морѣ". Наконецъ, въ книгѣ помѣщена обширная и интересная библіографія и протоколы общихъ собраній. Т. XVI, вып. 2. Статья *В. Л. Борисова*: „Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7154 (1646) года"—даетъ хорошую иллюстрацію къ историко-юридическимъ вопросамъ въ прошлой жизни Казани.—Въ статьѣ *К. С. Рябинскаго*: „Ардинскій приходъ Козмодемьяновскаго уѣзда" даются историческія свѣдѣнія о селѣ Ардѣ и его приходѣ, излагаются языческія вѣрованія и обычаи черемисъ; описывается черемисское населеніе; приведены нѣкот. пѣсни на русск. языкѣ. Кромѣ того помѣщены статьи. *Н. Архангельскій*: Археологическія достопримѣчательности Ядринскаго уѣзда Каз губ. (I. Городище „Хола-вырын" и курганы въ Больше-Шатьминскомъ приходѣ, II Городище „Хола ту" и курганы въ приходѣ чувашск. села „Туруново").—*В. Борисов*ъ: „Нѣкоторыя данныя для исторіи городовъ казанскаго края XVII вѣка.— *В. Магницкій*, Прикамская народная этнографическо-сатирическая пѣсня" (къ пѣснѣ собраны цѣнныя поясненія).— *Н. Ашмарин*ъ: Программа для составленія чувашскаго словаря.— Въ „библіо-

граѳіи" г. *Н. П.* говоритъ „о рѣдкомъ сборникѣ русскихъ пѣсенъ", и именно въ Прагѣ, въ библіотекѣ чешскаго музея имѣется книга: „Собраніе русскихъ пѣсенъ, въ Санктпетербургѣ, 1792 года, печ. и прод. по 20 коп. въ домѣ г. Зубова по Невской перспективѣ у Аничковск. моста" 8°. I + 30 стр. Въ книгѣ 22 варіанта общеизвѣстныхъ пѣсенъ. Авторъ приводитъ въ замѣткѣ начало и конецъ каждой и № 9 цѣликомъ: „за святыми воротами черничкн гуляли".— Далѣе слѣдуетъ „отчетъ" Общества Арх. ист. и этног. за 1899 годъ. Въ приложеніи помѣщено: *А. К. Насыповъ* и *П. А. Поляковъ*, Сказки казанскихъ татаръ и сопоставленіе ихъ со сказками другихъ народовъ (неок.). *Т. XVI, вып. 3. А. А. Дмитріевъ*: „Кучумовъ Искеръ на Иртышѣ". (Топографія мѣстности съ XVII вѣка до нашихъ дней). Авторъ обязываетъ археологовъ сохранить послѣдніе остатки „историческаго холма").— *Н. Ѳ. Катановъ*: „Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Минусинскому музею, и нѣсколько словъ о металлическихъ зеркалахъ, описанныхъ другими". (Сцены охоты). Минусинское зеркало, по мнѣнію автора, изготовлено было въ мусульманской Персіи, попасть же на Енисей могло благодаря сношеніямъ среднеазіатскихъ мусульманъ съ Монголіей и Китаемъ).—*Ив. Чибриковъ*: „Народные способы лѣченія и заговоры противъ болѣзней въ каз. губ."— Въ прилож. помѣщено продолж. „сказокъ каз. татаръ", и также —*А. Е. Алекторовъ*: „Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ". Указателю предшествуетъ этнографическій очеркъ о киргизахъ (1—50 стр.). Неок.—Т. XVI, вып. 4—6. *Н. И Ашмаринъ*: Сборникъ чувашскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ губерніяхъ Казанской, Симбирской и Уфимской (стр. 1—91). Тексты напечатаны по-чувашски, съ русскимъ переводомъ.— Протоколы.—Въ приложеніи: 1) „Сказки казанскихъ татаръ" и проч.—оконч. 2) *Алекторовъ*, Указатель книгъ, статей и замѣтокъ о киргизахъ.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. II. 1900 г., вып. 1. Ташк. 1900. 8°. (*М. В. Грулевъ*: нѣкоторыя географико-статистическія данныя, относящіяся къ участку Аму-Дарьи между Чарджуемъ и Патта-Гиссаромъ.—*Н. Г. Малицкій*: находка финикійской надписи въ Бразиліи.— *Н. Ф. Ситняковскій*: перечисленіе нѣкоторыхъ родовъ киргизъ, обитающихъ въ восточной части Ферганской области.—*А. В. Диваевъ*: киргизская колыбельная пѣсня.—Надпись изъ Рушана).

Киргизская Степная Газета. 1900 44, 45, 49, 51, 52. Начальное образованіе киргизовъ Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области.—46. Очеркъ изъ киргизской жизни. Разсказъ, заимствованный изъ „Рус. Вѣдом."—46,50. Легенда про былое киргизовъ. Позаимствовано изъ журнала „Природа и Люди".—47. *Орта-жуз*. Судъ Эдыге. Сказка.—48. *Орта-жуз*. Суды Эдыге.—49.51. Шахи Зиндэ. Легенда о патронѣ города Самарканда. Позаимствовано изъ „Нивы".—50. *А*. Исторія человѣческаго жилища.—51. *Козловъ, Ив.* Обычное право киргизовъ.—52. Женскій вопросъ въ Китаѣ. Разныя разности. Позаимствовано изъ „Правительств. Вѣстн.".

Олонецкія Вѣдомости. 1900 г. — 52. По городамъ и селамъ. Владиміръ. 2-й сборникъ изслѣдованій статистическаго отдѣленія губернской земской управы по Владимірскому уѣзду.—53. *Матвѣй Мисъ*. На ночлегѣ. (Суевѣріе. Обычай проситься на ночевку въ лѣсу). — 55. Смѣсь. Народный миѳъ о Бѣломъ генералѣ. Заимствовано изъ „Биржев. Вѣдом."—53, 56, 59, 61, 65, 67. *Георгіевскій, М. Д.* Уженье рыбы въ Олонецкой губерніи. — 56. По городамъ и селамъ. Пермь. Жертвоприношенія въ „скотскій праздникъ"—день св. Флора и Лавра. Заимствовано изъ „Уральск. жизни".—66. Иконы древняго письма у крестьянъ. Заимствовано изъ „Правительств. Вѣстн." — 70. Наблюдатель. Изъ деревенскихъ наблюденій. Черная рѣчка. Преданіе о проклятіи гадюкъ св. Александромъ Ошевенскимъ. — 72. *П.* Бурлачество среди крестьянъ Фатьяновской волости, Каргопольскаго уѣзда. — Смѣсь. Легенда П. Потѣхина объ Императорѣ Николаѣ I „Находчивый квартальный". Заимствовано изъ „Русск. Старины". 1900. III. — 77,78. *Наблюдатель*. Изъ деревенскихъ наблюденій. I. Оспа. (Суевѣріе).—78. Правда-ли. Нищенскій промыселъ среди крестьянъ Олонецкой

губерніи. Заимствовано изъ „Биржев. Вѣдомост.“ ст. г. Независимаго. „Кусочки“.

Правительственный Вѣстникъ. 1900 г. Внутреннія извѣстія. 28. Загадочныя надписи на скалахъ въ Бразиліи.—52. Населеніе южной Африки.—58. Составленіе первой этнографической карты Туркестанскаго края. — 76. Семейный быть трансваальскихъ буровъ.—82. Пасха въ Старой Москвѣ.—83. Свѣтло-Христово Воскресеніе въ Народной Руси. — 125. Жизнь нѣмцевъ въ Трансваалѣ.—144. Современные государственные дѣятели Китая. — 145. Балканскій полуостровъ. — 148. Празднованіе драконовой ладьи. — 154. Брачные союзы у дикихъ и древнихъ народовъ. — 255. Венгерскіе цыгане. — 263. Испытаніе солидности человѣка у негритянскихъ племенъ центральной Африки.— 263. Татуировка въ высшихъ слояхъ общества Сѣверо-Американскихъ штатовъ.—274. Сожиганіе труповъ въ Японіи.—287. Рождественскіе праздники въ Западной Европѣ.—Фельетоны. 52.53. Кто были первые буры. — 138. Канунный медъ.—239. Малорусская демонологія.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900 г. 12 — 13. Происхожденіе и значеніе пасхальныхъ яицъ. — *Баловъ, А.* Обычай освящать въ праздникъ св. Пасхи нѣкоторыя пасхальныя снѣди. Историческая справка.—Радоница. 15—17. Объ изученіи нашей церковной старины. 22,23. Рождество-Богородичная церковь м. Варвары, Лохвицкаго уѣзда. Историко-статистическія свѣдѣнія по церковнымъ документамъ.—31. Программа для собиранія свѣдѣній по церковнымъ древностямъ. Для XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ 33, 34, 36. Краткія историческія свѣдѣнія о Покровской церкви села Глибокаго, Переяславскаго уѣзда.—36. *X.* Легенда о Рождественской елкѣ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1900 г. 256. *П.* Корея и корейцы. — 266. *П.* Домашняя жизнь китайцевъ. — 268. Корреспонденція изъ Омска *Скромнаго наблюдателя* о докладѣ г. *Швецова* въ засѣданіи Западно-Сибирскаго отдѣла географическаго общества о дѣятельности экспедиціи, изслѣдовавшей „Кузнецкій Алатау“.—272. Сибирская лѣтопись. Руссификація инородцевъ. Заимствовано изъ „Новостей“.—274. Внутренняя хроника. Керчь. Древній склепъ. — 280. *В...* Эпилогъ Бутинской эпопеи въ ореформленномъ сибирскомъ судѣ. (Сибирь. Ея дореформенные суды и условія веденія торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ до сооруженія Сибирской желѣзной дороги. М. Д. Бутина. Изд. 2-е. Спб. 1900 г.).—Внутренняя хроника. Смоленскъ. Сообщеніе о судѣ надъ вѣдьмой. Заимствовано изъ „Смоленск. Вѣстн.“—286. Среди газетъ и журналовъ. Сообщеніе, заимствованное изъ „С.-Петербургск. Вѣдом.“ объ эмансипаціи японскихъ женщинъ.

Труды Оренбургской Ученой Архивной коммиссіи. Под. ред. И. С. Шукшинцева. Вып. VI. Оренб. 1900. 8°. 337 стр. (Матеріалы для исторіи г. Троицка, *И. И. Архангельскаго.* — Опись нѣкоторыхъ дѣлъ казачьяго отдѣла архива коммиссіи, *С. Н. Севостьянова.*—Свѣдѣнія о курганахъ Оренбургской губ., *И. С. Шукшинцева.*—Преданія о курганахъ Оренбургской губ., *его-же.*— Пушкинскіе дни въ Оренбургѣ, статьи: *М. Л. Юдина*, *С. Н. Севастьянова*, *Н. Г. Иванова* и др.).

Тульскія Губернскія Вѣдомости. 1900. 254. Смѣсь. Любимыя числа у разныхъ народовъ.—256. Изъ печати (дѣло колдуньи въ Смоленской губ.).

Ученыя записки Имп. Юрьевскаго Унив-та 1900. № 4. Юрьевъ. 8°. (*Проф. Д. Кудрявскій:* Четыре стадіи въ жизни древняго индуса). Актовая рѣчь.— *Е. В. Пѣтуховъ:* Проповѣди Гавріила Бужинскаго. Продолж. — *Е. Шмурло:* Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія Императора Петра Великаго. Продолж.).

Новости этнографической литературы.

Америка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составл. А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. М. изд. В. Линда и Д. Байкова. Стр. VI+640. Ц. 2 р. 25 к.

Богуславскій, Г. Н. и Никитинъ, В. А. Городъ Гжатскъ и его уѣздъ. Историко-статистическій очеркъ. Смоленскъ 1900 г. Изд. Смол. губ. стат. комитета. 8⁰. Стр. 63. (Пам. кн. Смол. губ. на 1901 г.).

Вишневскій, Д. К. (Собралъ и издалъ). Нѣсколько документовъ XVII столѣтія, относящихся къ исторіи Смоленской земли. Смол. 1900. Изд. См. Губ. Статист. комитета. 8⁰. Стр. 44 (Пам. книжка Смол. губ. на 1901 г.).

Всемірная исторія. Составлена въ сотрудничествѣ съ выдающимися спеціалистами *д-ромъ Г. Ф. Гельмольтомъ*, перев. съ нѣм. подъ редакціей приватъ-доцента московскаго университета Н. Н. Харузина и В. Н. Харузиной. Вып. VI. *Проф. К. Геблеръ*, Исторія Америки.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. М. Изд. С. Скирмунта. 589 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Гербертсонъ, А. и Ф. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Перев. съ англ. Съ рис. Изд. М. Орѣхова. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Гиббинсъ, Г., Исторія торговли Европы. Пер. съ англ. съ картами. Спб. 213+VI стр. Ц. 1 р.

Гинзбургъ, С. и Марекъ, П. (ред.). Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи. Изд. „Восхода". Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Груздевъ, Ф. (Волгинъ), Амуръ (Природа и люди Амурскаго края). Съ 22 рис. и картою. Изд. Сойкина. Стр. 176. Ц. 50 к.

Дьячковъ, Н. А. Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. Стр. 91+IV. Ц. 15 коп.

Зворыкинъ, Н. Н. Человѣчество и его соціальное развитіе.—Опытъ изслѣдованія соціальнаго положенія человѣка въ разные періоды его существованія. Изд. А. А. Карцева. Ц. 1 руб.

Исторія Европы по эпохамъ въ средніе вѣка и новое время. Подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Изд. 2-е (К. Т. Солдатенкова). Часть 1-я и 2-я. М. 687 стр. Ц. 3 руб.

Корелинъ, М. С. Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Изд. 2-е. Стр. VIII+169. Ц. 75 к.

Коринескій, А. А. Народная Русь. Круглый годъ сказаній, повѣрій, обычаевъ и пословицъ русскаго народа. Стр. XII+724. М. Изд. Клюкина. Ц. 2 р. 50 к.

Майзель, Левъ. (перев.), Евреи въ Китаѣ. Варш. 1900.

Максимовъ, А. Н. Русскіе инородцы. Изд. ред. журн. „Русская мысль". 109 стр. Ц. 20 к.

Максимовъ, А. Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. М. 1901. 8⁰. 171 стр. Изд. В. Линдъ и Д. Вайкова.

Михайловъ, Ѳ. А. Туземцы закаспійской области и ихъ жизнь. Этнографическій очеркъ. Асхабадъ. 1900.

Обзоръ Семипалатинской области за 1899 г. Семип. 1900. 4⁰.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Об-ва Исторіи и Древностей за 1899 г. (шестидесятый). Од. 1900. 8⁰. брош.

Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Вып. V. Семип. 1901. 8⁰. 48+47+183+17+4+9+55+58 стр. Цѣна 1 рубль. (*Н. Коншинъ*: Очерки экономическаго быта киргизъ Семипалатинской области. Очеркъ первый. Киргизы на казачьихъ земляхъ.—*А. Букейхановъ:* Изъ переписки хана Средней киргизской орды Букея и его потомковъ.—*В. Маевскій*: Матеріалы для родословной киргизъ.—*Н. Коншинъ*: Отъ Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски.

Перепись, первая всеобщая, населенія Россійской Имперіи 1897 года. Изд. центр. статист. комитета министр. внутрен. дѣлъ, подъ редакц. Н. А. Тройницкаго. VI. *Владимірская* губернія. Тетр. 1-я. LXXVI. *Приморская* область. Тетр. 2-я.

Трубниковъ, Н. В. Богатство Россіи. Изслѣдованія, наблюденія и характеристики. Ч. I. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь. 62-й полутомъ. Статика-Судоустройство. Спб. Изд. Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. Ц. 3 р.

Хроника.

I.

Съ 19 апрѣля 1898 года въ Тулѣ при епархіальномъ древлехранилищѣ основалось *„Тульское историко-археологическое товарищество“* для изученія Тульскаго края по слѣдующимъ вопросамъ: 1) церковное зодчество и иконографія, 2) литургика и церковный бытъ, 3) церковная исторія и литература, 4) гражданская исторія и бытъ домашній и военный, 5) народная устная литература и народные говоры, древнерусская письменность и печать, 6) сектантство и его памятники, 7) живопись, гравюры и нумизматика, 8) исторія и памятники пѣнія церковнаго и народнаго, 9) памятники на древнеклассическихъ языкахъ, 10) историческая географія, этнографія и народныя суевѣрія, 11) доисторическій бытъ, 12) геологія и палентологія, 13) критика. Труды товарищества печатаются въ. „Епарх. Вѣдомостяхъ“ и потомъ издаются отдѣльно.

Учено-литературное Общество „Галицко-русская матица“ 11 (24) января 1901 года торжественно чествовало галицко-русскаго историка, археолога и филолога *Антона Стефановича Петрушевича* по случаю исполнившагося 6 (19) января 1901 г. 80-лѣтія дня его рожденія.

Въ Вѣнѣ при Императорской Академіи наукъ образована *комиссія* для систематическаго *изученія балканскаю полуострова* въ историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Вь комиссіи два отдѣленія: антикварное и лингвистическое. (Bysantinische Leitschrift).

Въ субботу, 23 февраля нов. ст., подъ предсѣдательствомъ проф. О. Доннера происходило обычное (мѣсячное) собраніе *Финско-Угорскаго общества* (въ Гельсингфорсѣ). — Предсѣдатель сообщилъ, что изъ Средней Азіи недѣлю тому назадъ получена отъ стипендіата Общества, магистра Г. I. Рамстедта телеграмма, въ

которой онъ извѣщаетъ о своемъ намѣреніи вернуться на родину; тогда (въ серединѣ марта) будетъ рѣшенъ вопросъ о его дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ среди калмыковъ или монголовъ.

Другой стипендіатъ Общества, находящійся въ Китаѣ, магистръ Г. Лундъ прислалъ предсѣдателю письмо, выражая свое удивленіе, что большая часть его писемъ не дошла до Общества, о чемъ онъ узналъ отъ самого предсѣдателя Общества. Г. Лундъ, срокъ командировки котораго истекаетъ осенью, еще лѣтомъ думаетъ вернуться въ Европу для того, чтобы довершить въ Парижѣ или въ Лондонѣ изученіе китайскаго языка, начатое имъ въ Пекинѣ. Архиваріусъ Общества, магистръ Г. Ойансу (Ojansuu) отказался, за недостаткомъ времени, отъ исполненія своихъ обязанностей; въ преемники ему избранъ магистръ І. Т. Сирелiусъ.

„Общество изученія родного языка („Kotikielen Seura") извѣстило, что оно назначило магистровъ Артура Каннисто и Марти Нюхолма, какъ своихъ представителей, въ комиссію, образованную для раздѣла ренты съ фонда Авг. Альквиста; представителями Общества оказались, послѣ произведенныхъ выборовъ проф. Э. Н. Сетэлэ и магистръ Э .А. Экманъ. Предсѣдателемъ комиссіи является предсѣдатель Общества.

Въ качествѣ т. наз. „членовъ основателей" Общество утвердило купца Ю. Сантасолма (въ Улеаборгѣ); редакторъ Г. Стенвикъ землевладѣлецъ landtbrukare Ф. Э. Акола, лѣсничій Г. Р. Сандбергъ и лекторъ Г. Э. Хордъ (Hordh) были избраны въ „годичные члены".

Первый секретарь Общества, доцентъ Георгій Вихманъ прочелъ на засѣданіи докладъ о наименованіяхъ города Казани у вотяковъ.

Изъ „Hufvudstadsbladet". *Вл. Г.*

21-го февраля нов. ст. *Шведское литературное общество* (въ Гельсингфорсѣ) праздновало годовщину дня своего основанія. Доходы Общества, со включеніемъ государственной субсидіи и пособія изъ фонда имени Лэнгмана, исчислены въ 25000 марокъ (марки = 37 коп.). Въ смѣтѣ расходовъ Общество предполагаетъ удѣлить 14900 мар. на литературную дѣятельность, 700 мар. въ пособіе для печатанія различныхъ изданій, 800 мар. на командировочныя стипендіи, 500 мар. на пополненіе библіотеки имени Рунеберга, 2200 мар. на текущіе расходы и. т. д.

По предложенію этнографическаго отдѣла Общества было рѣшено назначить очистившіяся три стипендіи, въ 200 мар. каждая, на этнографическія записи въ сельскихъ приходахъ: Эсбу и Хельсинге, Нюландской губ., въ Кимито, на Драгсъ-фіордѣ, Западномъ фіордѣ и Финбю, Або-Бьернеборгской губ., въ Ёвермеркѣ, Пёртомъ, Нерпесъ, Коренесъ, Вазаской губ. и также одну стипендію для записи названій мѣстностей въ сельскомъ приходѣ Састмола и Виттисбу-фіордѣ, Або-Бьернеборгской губ.

Изъ стипендіатовъ минувшаго года К. Г. Кнутъ и Фил. Сандманъ прислали въ Общество матерьялы, которые уже разсмотрѣны и одобрены; точно также два другихъ стипендіата, О. Ханкусъ, и Г. Фагерстекъ недавно доставили свои матеріалы, собранные истекшимъ лѣтомъ.

Комитетъ библіотеки имени Рунеберга доложилъ собранію отчетъ о возникновеніи библіотеки и ея ростѣ въ 1900 году. Управляющимъ библіотекой былъ снова избранъ ректоръ Э. Лагусъ, въ члены комитета-лекторъ Э. Лагербладъ и артистъ Ѳ. Венербергъ.

Къ столѣтію со дня смерти Г. Г. Портана (извѣстный основатель финскаго языко-и историко-вѣдѣнія), исполняющагося въ 1904 году, Общество опредѣлило издать его біографію, что и возложено на проф. Хейкеля.

Докторъ Нурдманъ сообщилъ, что Хульда Лунделинъ (въ Выборгѣ) пожертвовала въ архивъ Общества четыре договора между судохозяевами, найденныхъ ею на чердакѣ среди старыхъ бумагъ; эти документы бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на личность капитана Л. У. Рунеберга, отца поэта.

Въ библіотеку имени Рунеберга, помѣщикъ Фил. Линдфорсъ передалъ рукопись его произведенія „Заздравный кубокъ въ день Даніила, 1845“ ;издательская фирма „Сёдерстрёмъ и К°“ поднесла иллюстрированное изданіе „Разсказовъ прапорщика Столя“ (Рунеберга), въ роскошномъ переплетѣ, а музыкальная торговля Фацера и Вестерлунда — различныя композиціи М. Вегеліуса, І. Сибеліуса и другихъ на слова Рунеберга. Коммунальный совѣтникъ, А. Ланденъ, передалъ Обществу два автографа, принадлежащихъ генераламъ Дёбельну и Клингспору (участники войны 1808-1909 года).

Изъ „Hufvudstadsbladet“. *Вл. Г.*
